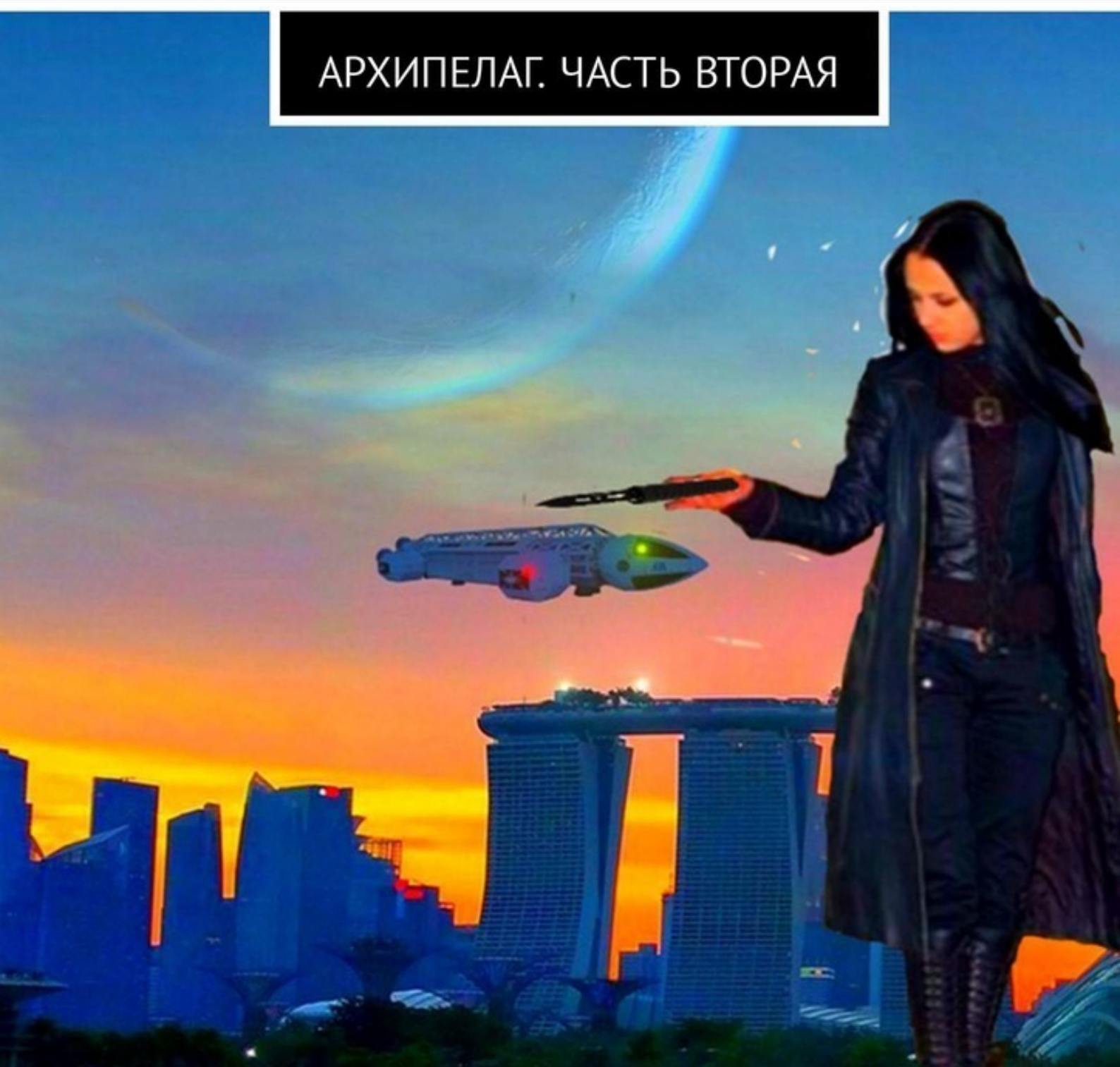

ЕГОР МАЙНДЕР

Точка Скольжения

АРХИПЕЛАГ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Егор Майндер

**Точка Скольжения.
Архипелаг. Часть вторая**

«Издательские решения»

Майндер Е.

Точка Скольжения. Архипелаг. Часть вторая / Е. Майндер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935300-9

Перед Вами — вторая часть серии «Точка Скольжения»: клубок событий всё плотнее закручивается вокруг Архипелага Жингкон, населённого воинственными островитянами, поклоняющимися языческим богам и промышляющими пиратством и нападениями на западных соседей. Ситуация обостряется всё сильнее и вынуждает соседей начать военное вторжение в Архипелаг, чтобы покончить с набегами. Но так ли всё просто на деле? Или на Островах — конфликт интересов ключевых сил мира, грозящий вырасти в нечто большее?

ISBN 978-5-44-935300-9

© Майндер Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 12	27
Глава 13	51
Глава 14	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Точка Скольжения Архипелаг. Часть вторая

Егор Майндер

© Егор Майндер, 2018

ISBN 978-5-4493-5300-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-5301-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Королевство Неолон, город Ангерер,
за три года до основных событий.*

В столицу пришла весна.

Далёкий от тёплых воздушных масс, приносящихся с Лазурного Моря океаническим течением, город располагался практически в сердце Королевства, в поясе резкого климата. Поэтому оттепель тут, как и заморозки, приходила стремительно, окончательно и бесповоротно.

Наливались почки на карликовых деревцах кариако, окружённых овальными газонами, аккуратно встроенными в городской пейзаж вдоль центральных улиц, вымощенных серой квадратной шершавой плиткой, оттеняющей ярко-рыжие бордюры. Снег ещё не сошёл до конца, но кое-где уже пробивались первые, слабые и неуверенные ростки травы да стебли будущих цветов. Уже показались проталины на озере, готовом вот-вот сбросить ледяной покров в вытекающую из него реку, и тогда на многочисленных набережных, что сдерживали от разрушения берега в южной части города, будет праздник Ледохода.

Сколько лет этой традиции, сказать не мог никто – поговаривали, что давно, даже при Рикрофе Завоевателе, соответствующий Королевский указ уже существовал. Ледоход означал начало подготовки к посевной, и юго-западная часть города превращалась в один большой рынок. Когда пронесило льдины, шкиперы приводили по реке баржи, приезжали вольные земледельцы со всей страны, чтобы к началу посева закупить всё то, что будет необходимо летом. И разбегался, распродался по многочисленным рукам труд кузнецов и кожевенников, столяров и плотников. Колёса тележные, упряжи, мотыги и лопаты, бады и корзины – почти неделю всё это торговалось так, что кожевенник за пять дней мог распродать всё, сделанное им за зиму. И уходили товары по всем областям, градам и весям, баржами и телегами, и там бойкие купцы открывали уже свои рынки.

Ледоход означал открытие таких же торжищ по всему Королевству.

Времена те давно прошли, но традиция осталась – праздник весны, веселье по поводу окончания холодов. Вот и сейчас – чувствовалось приближение какого-то торжества. Даже люди, казалось, стали улыбчивее и добрее, стали чаще выходить гулять, несмотря на то, что погода стояла ещё пасмурная, и пришедшие с юга тучи грозились вот-вот разразиться мокрым снегом. Будто бы и так мало сырости – капли талой воды срывались с красной, жёлтой, оранжевой черепицы крыш, полученной из обожжённой глины, которой в изобилии было на берегах озера, по форме напомнившего бы Дементьеву цифру «девять» или даже жирную запятую.

На обочинах дорог, на пешеходных дорожках по всему городу собирались лужицы, сливались в ручейки, которые исчезали в зарешёченных провалах водостоков, чтобы превратиться в падающие из труб набережной потоки воды.

Ангерер окружал озеро подковой с севера. На западной оконечности подковы находился как раз «привоз», рыночный район, где скоро начнутся гуляния. В другом конце города, на восточном берегу, стоял Аркрайт Деи, «цвет рассвета» – королевская резиденция, и указом, изданным давным-давно, в Ангерере было запрещено строительство зданий выше, чем крыша дворца. Ранним утром восходящее солнце показывалось как раз меж двух возвышенностей вдали на востоке, и свет первым делом освещал и сам Цвет Рассвета, сложенный из оранжевого камня, и отстроенные рядом особняки вельмож, приближённых ко двору.

Весна в Ангерере была прекрасна. На окружающих город лугах скоро распустятся цветы, улицы вот-вот наполнятся лучами Белувы – отсутствие сплошной застройки высотками поз-

воляло городу равномерно наполняться светом с самого утра. В окне небольшого кафе было видно и дворец на противоположном берегу, и тающее озеро, и набережную, и людей на ней, неспешно идущих по своим делам. Если провести конкурс на звание «самой светливой столицы мира», Ангерер занял бы на ней последнее место с большим отрывом от ближайшего конкурента.

История здесь была на каждом углу, она просто ощущалась в воздухе, но представлена она была не крепостными стенами и не величественными соборами, а вот этими домами из тёмного камня, этими крышами с цветной черепицей, этой характерной для Неолона архитектурой – сплюснутый куб первого и второго этажей и пирамида верхних. Этим ровно пиленным белым, потемневшим от времени камнем, скрепой для которого служила та самая рыжая глина. Два материала, из которых постепенно отстраивался город, год за годом, век за веком. Крепостная стена, говорили, тут тоже когда-то была, но остались от неё только клочки, да и то местами – когда право наследования должно было перейти к тесно скованному с Вистийским двором узам династических браков королю Неолону, имперский двор решил иначе. Престол был передан путём интриг в обход, и это стало поводом для того, чтобы начать войну за право Короля Неолонского на корону Империи.

Но война была проиграна, враг дошёл до Ангерера и осадил его – так и оказалась разрушена крепостная стена. За считанные часы до решающего штурма подошли войска с юга, в той битве погиб король, и потери были такими, что уже ни имперцы, ни южане не могли даже помыслить о дальнейших наступательных действиях.

Так Королевство обрело независимость от Империи, и потом веками путём то умелой дипломатии, то демонстрации силы армий её отстаивало. Да и потом, Вистии даже был выгоден барьер между своими границами и варварами с востока. Неолон исторически не раз воевал с Селлестией, что, конечно, имперцам было на руку – этакая гарантия ненападения на южные рубежи.

Дом, в котором находилось кафе с окнами на дворец на противоположном берегу, был построен как раз в те времена и потому так прекрасно сохранился – боевые действия тут, в рыночном районе, не велись даже в Континентальную, когда вокруг полыхало всё и вся. Конечно, от былого величия оставались лишь воспоминания, когда Королевство чуть ли не на равных говорило с самой Империей и брало города на востоке, а вот образ жизни и размеренность её течения здесь, в Ангерере, сохранились, никуда не делись. Как, впрочем, и тоска по тем временам, когда они, подданные Неолона, были равными гражданам величайшей Империи в истории.

Эта атмосфера действовала даже тут, в кафе – по стенам висят старые фонари, в которых смоляные чашки внутри сменились на электрические лампы, специально изготовленные так, чтобы свет по оттенку не отличался от горячей смолы. На потолке видны бегущие трещины по потемневшим уже от старости деревянным балкам, играют блики на полированных досках пола. Впрочем, с полом хозяева явно схитрили – он был новый, просто сделан так, чтобы доски смотрелись как вековые. А вот овальные столики и плетёные стулья возле них относились уже к стилю, которое Дементьев, будь он тут, назвал бы «ретро». Новые, но технология та же, по которой изготавливали мебель тут, в Неолоне, в старину – плетение из гибких веток кустарников, что когда-то в изобилии росли по берегам озера. Впрочем, растут и сейчас, стоит только уехать из города на юг гауста на три, и вот они, тоже ждущие весны.

То, как сидящая у окна девушка с большими карими глазами, аккуратным подбородком и длинными прямыми чёрными волосами оглядывает зал, стало, своего рода, сигналом для услуги. Не спеша, как и принято тут, в Неолоне, светловолосая, по-простому подстриженная молодая женщина, работавшая в кафе этим утром, приблизилась к столику и уточнила у госты:

– Чего-то ещё желаете?

На международном она говорила прекрасно, если не считать акцента, присущего всем Неолонцам: чуть гортанно, акцентируя твёрдые согласные. Чёрная юбка, жёлтый свитер, голубые глаза, аккуратно выделенные синими тенями, улыбаются.

– Ещё аганжи и эти ваши булочки с сыром, – ответила ей Мислеги.

– Бессонная ночь, да? – улыбнулась та теперь уже и подкрашенными тёмно-розовым губами.

– Концерт, – пояснила Ниан.

На самом деле, никакой, конечно не концерт. Собственно, о нём она узнала по афише, что не успели заменить на свежую, по дороге от аэропорта. Просто недельная поездка, потому и не спалось перед встречей. Волнения она, по привычке, выплеснула в текст – писала почти до самого утра статью для журнала о путешествиях, которую оставалось только доработать, чтобы отправить издателю. Платили немного – но как прикрытия для своей основной деятельности подходило хорошо, да и вжиться в роль свободной журналистки помогало.

Низкое, хмурое небо, затянутое принесёнными циклоном тучами – в окне было видно, как проплывает в воздухе снижающийся корабль. Обычный транспортник среднемагистрального класса, даже отсюда заметно выступающие расположенные по бортам «поплавки» – отсеки плавучести. Недорогие билеты, приемлемые вполне условия с одноместными каютами для пассажиров, неплохая скорость. На таком же сегодня утром прилетела сидящая у окна гостья кафе из рабочей поездки в находящийся далеко на севере Крайкен-Урас.

Но не рассказывать же всё это стоящей рядом обслуге?

– Ах, вчера же приезжали эти «Слёзы Камня», – прощелбетала светловолосая, – Активисты нам на дверь афишу налепили, еле-еле убрали следы клея. Мне эта группа не нравится, слишком мрачные... Что люди в них находят, не пойму? Да и поклонники у них... Антиморалисты всякие, – и с этими словами женщина как-то особо пристально оглядела Мислеги, словно проверяя, не принадлежит ли та к одному из молодёжных движений. Но, судя по тому, как, спустя несколько тарнов, сменился её взгляд, осмотр оказался удовлетворительным: ничего такого, экстремального, она в образе посетительницы не увидела. Синие штаны, плотно сидящие на бёдрах и свободные на голени, красный свитер, из косметики – только тёмная подводка на глазах. Подозрение вызвали, разве что, ботинки-«вездеходы» да сложенный на коленях плащ из чёрной кожи, под которым, казалось, пряталось что-то цилиндрическое.

«Из Селлестии, наверное. Они там так и не научились одеваться», – про себя подумала женщина, работавшая в кафе, но вслух произнесла другое: – Подождите, сейчас принесу ваш заказ.

Удаляясь, подумала над тем, что и сама-то себе жениха достойного найти не может, а тут эта, в ботинках, которые носят экстремалы – на что такая, интересно, рассчитывает? Книжница какая-нибудь, наверное.

Суется над заказом, женщина от стойки снова бросила взгляд на гостью – ну точно, книжница. Достала вон из плаща издание карманного формата. Ждёт чего-то, отсюда и книжка, и на часы на стене поглядывает. Да и что она там читает? Ни ярких иллюстраций на обложке, ни даже имени автора нет. Видимо, какой-то безвестный и непопулярный писатель. Зачем такое читать, если потом показать своё знание литературы не получится?

Но Мислеги до этих взглядов не было решительно никакого дела. Психологию таких она изучила давно, и вполне чётко себе представляла, что могут подумать женщины из категории вот этих, несущих некую «правильность» в поступках – и даже мыслях – как знамя. И потому хорошо, что ушла и перестала надоедать своей болтовнёй. Подруг у Ниан не было, и заводить их она не собиралась.

Чёрная была больше поглощена чтением:

Вихрятся циклоны, и в пасмурном небе

Чернеют колонны грозы и дождя.
Гуляют ветра. Волны вскинули гребни.
И кроны деревьев шумят и гудят.

Я в этой стихии ничтожной крупинкой.
Везде и нигде, я ни в чем и во всем.
Я с ветром гуляю мельчайшей пылинкой.
Я -капля, что падает вместе с дождем.

Всегда и повсюду. Разорванный в клочья.
Я -молнии искра. Я – этот циклон.
Но в это же время я – пуля, что ночью
Несется, шурша, через весь полигон.

Ведь я -бесконечность. Я – целая книга.
Но я же -мельчайшая точка меж строк.
Меня так непросто понять и постигнуть...
Вам всем меня видно, но я – одиночек.

Кругом столько глаз, только я незаметен.
Все взгляды насквозь, я прозрачен и нем.
На мне не оставило время отметин.
Являясь ничем, я давно уж стал всем.

Один в этом мире. Всегда и повсюду.
Давно, безнадежно и крепко влюблен.
Мечусь, ожидаю какого-то чуда...
От грусти я падаю вместе с дождем.

Я знаю давно, что чудес не бывает.
Но я буду ждать и грустить всё равно.
Я следом за ней теплым ветром гуляю,
Ночами я веткой стучу к ней в окно.

Не строю иллюзий. Зачем? Все понятно.
Хоть выхода нет, но я всё же уйду.
Я просто растаю в огне автоматном,
Вольюсь в бесконечно чужую звезду...

Полярным сиянием в небе прощальным
Мерцаю, где не было их никогда.
Она меня видит. И плачет печально...
Ей стало понятно:
ушел...
навсегда.....

Мислеги прикрыла глаза, осознавая и осмысливая прочитанное. Оно отозвалось где-то внутри отзвуками эстетического удовольствия, затронуло те струны, что заставляли сердце петь.

Для неё это были прекрасные строчки, и главное – это произведение посвящено ей. И книга в руках – никакая не книга. Это был просто блокнот со стихами, написанными от руки.

Никто и никогда не дарил ей раньше стихов. До того, как она встретила Его. И любви до этого у неё тоже не было. С парнями она, конечно, встречалась – Чинтери одобрял, когда она пыталась жить, словно обычная девушка – но до близости никогда не доходило. Мислеги умела и нравиться, и знала, как знакомиться, одеваться, как себя вести. Знала, каково это – быть, как *они*.

И не понимала, чего эти самые «они» в этом находят. Ну, разве что организм требовал. Не понимала, пока не встретила Мирралда. Того самого, что и посвятил ей эти строки. Такого же Чёрного, как и она.

Женщина из obsługi кафе принесла заказ, улыбнулась – на сей раз дежурной улыбкой и, видя, что госте нет до неё дела, снова удалилась.

Ниан вернулась к аганжи и булкам, сосредоточившись на том, что происходит внутри. Там было какое-то странное ощущение полноты, обретения самой себя. Как оказалось, всё, чего ей не хватало – это вот такого отражения своей же сущности. А ещё чувство лёгкости, когда даже верится в то, что вот-вот полетишь. Стоит только зажмурить глаза, захотеть этого крепко-крепко, и земля уйдёт из-под ног, и тяготение потеряет над тобой всякую власть.

«Глупо, подруга?» – спрашивала она себя, и признавалась: да, глупо. В двадцать лет вести себя так ей, очень рано повзрослевшей, было уже просто... неприлично даже. Но ничего поделить с собой не могла.

Но и сейчас привычка читать между строк дала о себе знать. Это написано перед самым её отъездом в Крайкен-Урас. Написано от чувства одиночества, что навалилось на автора в ожидании грядущего расставания. Разлуки были обычным делом – она то и дело ездила домой, в Селлестию, брала работу, выполняла, возвращалась в Неолон... Иногда везло: выпадала работа в Королевстве, здесь, под носом у Храмовников, людям её профессии лучше было не задерживаться или же быть очень, очень незаметными. Поэтому поездки в Королевство не были редкостью. Вот и в этот раз – прилетела две недели назад, пять дней с любимым и снова рабочая поездка, чтобы выполнить заказ.

«Ушёл... Навсегда...». От того, что дни расставания казались вечностью. Как и ей.

Мислеги снова принялась смотреть в окно, скосившись перед этим на часы – ну что же он опаздывает, не случилось ли чего? Она старалась вспомнить, когда последний раз кинсы тянулись так долго.

В ожидании достала коммуникатор, подключилась к сети – сообщение:

«Ваши эскизы я просмотрел, удовлетворён. Оплата при встрече».

Это её Посредник из Селлестии. Он ждёт, когда она объявится за оплатой и следующим заданием – если, конечно, захочет таковое взять сейчас.

Мислеги запросила последние новости и стала пролистывать заголовки. Экономика, аналитика. Ничего интересного. А вот светская хроника заставила её улыбнуться уголком рта.

«Принцесса Нелина сообщила о непременном намерении посетить открывающийся после срочной реставрации Музей Континентальной Войны».

Ну, надо же, как долго они реагировали – полгода почти прошло. Королевский Двор, конечно, не мог не обозначить, *откуда* были выделены деньги на реставрацию. И визит юной Принцессы на правах хозяйки мероприятия – лучшая демонстрация, что Король заботится о своих подданных. Монархия здесь конституционная, но выборная законодательная власть попросту не может надавить на власть исполнительную. Недаром же столько лет упорно проталкивались в государственную систему Неолона разные условности. Всё верно, бюрократические барьеры, что так старательно выстраивались Королевским Двором, привели к тому, что реальной силы у выборной палаты просто не было. Закон они могли принять, да. Но кто сказал,

что он будет буква в букву и немедленно исполняться? А вот Королевский Указ есть Королевский Указ, и на то, кстати, тоже есть свой закон.

Ни у Мислеги, ни, разумеется, у её работодателей иллюзий на этот счёт не было. Плевать старику Аунгриду на своих подданных, до тех пор, пока не бушуют, и всё идёт гладко. Работают себе, платят налоги, что им ещё нужно? Какие-то тропинки наверх, в ряды потомственной аристократии? Так пожалуйста, для того и придуманы браки. Докажите, что, несмотря на безродность, вы равны семьям, веками служившими Короне. Пусть одна из таких семей воспримет вас, как равного.

Вот и результат – деньги, деньги и ещё раз деньги. Благородные фамилии сохранились, да, вот только не все смогли сберечь финансовое положение. Фамилия взамен на капиталы. А уж как образовался этот капитал – дело десятое, если вообще кому-то есть до этого хоть малейшее дело. Реставрация Музея – это не просто деньги, это прорва денег. В чьём кармане они осели – Мислеги не знала, да и знать не хотела, но... Зато ей было прекрасно известно, что послужило поводом для реставрации. Да, массовые беспорядки, что случились не так давно на мероприятиях в памятный день, дату официального окончания Континентальной. И, по странному стечению обстоятельств, возникли они как раз возле экспонатов времён войны, выставленных на центральной площади. Королевский Двор пришёл именно к тому выводу, что и требовалось – дабы подданные возле экспонатов не бесились, надо, чтоб никого уже танк сорокалетней давности не удивлял. А где можно посмотреть на танк в любое время года в столице? Правильно, в Музее, в который люди ходить почти перестали. Вот Его Величество и засуетилось.

Это была уже не первая командировка для Мислеги, да и работа, в принципе, вполне привычная – люди и так были взбудоражены, ещё бы, война-то проиграна, с позором возвращены селлестийцам королевские города на границе. Толпой, объединённой нужным настроением и общей идеей, очень легко управлять. Нужно только делать это очень, очень осторожно, по всем правилам. То есть подходить к делу нужно, как любил выражаться Наставник, Рему Чинтери, «толково». И Чёрная, отправляясь на работу, готовилась, как следует. Повторила весь материал по управлению толпой, что у неё был. Перелистала и перечитала все статьи о массовых беспорядках, что смогла найти в архивах серверов Глобальной Информационной Сети. По подборкам фотографий препарировала события: с чего беспорядки начались, как разгорелись, во что вылились.

И только потом, уже работая, она заметила, что ей кто-то незаметно, из тени, исподволь *помогает*. Не то, чтобы это зацепило профессиональные чувства, нет – но не выяснить, кто и почему действует рядом и заодно с ней, она не могла.

И нашла его, Мирралда.

Тот поначалу отнекивался. Если точнее, то лгал – в Неолонском даже слова «ложь» уже не осталось, не говоря уже о производных от него. Были иносказания: «не то, что есть на самом деле» – кстати, в селлестийском аналогично – или, например, «кривая правда».

– Не ври, – припёрла Ниан тогда Мирралда к стенке словом из Международного, – Плохо получается. А раз плохо, то – может недобро закончиться.

И тот признался. Да, прислали помогать. Почему – не знает, видимо, задание такое важное. И, в качестве извинений, предложил познакомить с городом и накормить лучшим обедом, что тут можно найти. С этого всё и началось, а «не ври» с первого же дня стало правилом для них обоих по отношению друг к другу. Им, специалистам по манипулированию людьми, было не привыкать ко лжи. Но не промеж собой же! Кроме того, лгал Мирралд из рук вон плохо, он делал это слишком, чересчур правдоподобно, так, что хотелось верить – и именно на этом Мислеги его всё время ловила. Если ей хочется верить – значит, врёт, архаков сын!

К первому правилу быстро добавилось второе – «не трогай». Любая инициатива к тому, чтобы перейти к более тесному общению, исходить должна была от Ниан. Она первой брала его за руку, давала понять, что желает быть обнятой, поцелованной, или и то, и другое сразу.

Это правило возникло после третьей их совместной ночи, когда Мирралд, играя, схватил её и повалил на кровать. Но вместо смеха или ласки получил испепеляющий взгляд.

– Ещё раз так сделаешь – убью, – честно предупредила Мислеги, и тот что-то такое увидел в её глазах, заставившее в слова любимой сразу же поверить.

Потом она, конечно, всё рассказала. Про то, как первый раз в своей жизни убила человека. Нет, конечно, и несчастные случаи с летальным исходом она уже подстраивала, и даже, однажды, скормила свою жертву вызванной из мира тонкой энергетикой сущности. Но так, чтобы глядя в глаза... Оружие у неё было при себе – эту привычку в неё вложил Наставник, Чинтери. Умение обращаться тоже было, но не пригодилось пока ни разу. И вот случилось так, что, когда Мислеги вздумалось в очередной раз почувствовать себя желанной – выбрав для этого соответствующего парня в ночном заведении – дело не кончилось обычным «я тебе напишу». Обманутый в своих ожиданиях и потому оскорблённый, молодой человек попробовал взять Ниан силой. И, пока он возился с её одеждой, та дотянулась до своего лежавшего на полу плаща.

Так она перешагнула за ту черту, по одну сторону которой – когда выполнение *заказа* происходит словно понарошку, а по другую – осознание себя как именно убийцы. Да, та первая жертва приходила даже иногда во снах, смотрела на неё глазами, полными ужаса, хваталась руками за клинок, торчащий из груди – и Мислеги поначалу очень пугалась, что ничего, совсем ничего, *абсолютно ничего* по этому поводу не чувствует. Только какой-то страх перед той животной похотью, что увидела тогда в глазах существа, которое какие-то мгновения назад было человеком. Ощущения в ту ночь были, вспоминала Ниан сейчас, словно убила она и не человека вовсе, а агрессивное, напавшее на неё животное.

Но ту тонкую грань, что легла между знанием, как обращаться с оружием, и готовностью его применить без колебаний, при необходимости, она перешагнула именно тогда. И страх пришёл именно по той причине, что сейчас её могут найти рядом с мёртвым телом.

Мислеги испугалась не содеянного, а расплаты за него. Помнила, как прибежала, всполошённая, тогда к Чинтери, а тот только и сказал:

– Жаль, не хотел так рано отсюда уезжать.

Это сейчас Мислеги понимала – и, к слову, Мирралд тоже в этом помог, подтолкнул её рассуждения в нужном направлении: тогда требовалось, чтоб она пережила всё это сама.

С того разговора любимый больше никогда не дотрагивался до неё первым. После того рассказа она и получила подарок – вот этот простой блокнот в переплёте коричневой кожи. И, как позже выяснилось, в её подарке по утрам иногда прибавлялось нового: просыпаясь утром, она порой находила блокнотик не там, где оставляла его вечером, а на подушке. И тогда оказывалось, что в нём прибавилось строчек.

Стихи до этого, она, конечно, читала. Чинтери настаивал: в стихах, говорил он, люди проявляют истинных себя. И всегда, всегда Мислеги и её Наставник обсуждали биографию классика. Что заставляло его писать. Какие эмоции, переживания были «слиты» в стих, откуда автор брал образы. Важно было уметь видеть то, что осталось за строчками. Так она училась понимать неявные мотивы людей. Стихи и были для неё не более, чем предметом для изучения.

Но, встретив Мирралда, Ниан полюбила и поэзию, словно открыв её заново, увидев в ней всё, чего не видела раньше. Не личность автора, что стоит за образами, рифмами и размерностью ударений, а – сами образы, сами рифмы, саму размерность.

«Глупо, подруга?» – спросила она у себя, и призналась: да, глупо. Чинтери был бы ей очень недоволен. Но – несмотря на то, что это очень «бестолково» – как же приятно!

Раздумывая над всем этим, она пролистывала в коммуникаторе фотографии Музея после реставрации, сделанные камерой гражданского беспилотника. Одна получилась особо удачно – посреди экспозиции парадный вход, а на нижнем переднем крае расположились крыши домов.

«Хорошая позиция для снайпера», – почему-то подумалось Ниан.

Открылась дверь в кафе, Мислеги подняла взгляд, и сразу же стало уже ни до коммуника, ни до фотографий – на пороге стоял Мирралд. Улыбающийся, довольный, зелёные глаза смеются, опущенные до подбородка светлые волосы, как всегда, растрёпаны, и блестят от брызг тех капель, что сегодня срываются с крыш с самого рассвета. Подтянутый, худой, строгая одежда только подчёркивает такое телосложение. Правильные черты лица, вечная складка от улыбки до самых крыльев носа. Навстречу этому лицу она встаёт, едва не роняя стул, тянет руки – любимый подбегает, обнимает, подхватывает и даже кружит по залу.

Ниан, смеясь, бросает взгляд на женщину из obsługi кафе, и, убедившись, что та всё видит, вскидывает вопросительно бровь, мол: «видела?»

Недовольная мина obsługi, которая принесла горячий мисми для Мирралда спустя несколько кинсов, когда восторг от встречи улёгся, стала приятным штрихом для этого, без сомнения, распрекрасного утра.

– Вы не могли бы включить канал новостей? – попросил он, поймав лукавые искорки в глазах любимой, понявшей его игру. По виду Чёрный походил на какого-нибудь финансиста, и, кажется, решил поддерживать эту роль дальше. На столик легла газета, извлечённая из внутреннего кармана, чтоб не промочить – ну, конечно же, издание для коммерсантов. Строгая верхняя одежда, которую бы Дементьев, не раздумывая, назвал бы «полупальто», отправилась, сложенная, на колени – всё по местной традиции, почему-то отрицающей вешалки у входа. На Мирралде оказался деловой костюм – знал ведь, архаков сын, что Ниан любит, когда он строго одет.

Монитор на стене включился, даже звук был прибавлен – и, если бы услуга была чуть внимательнее, обратила бы внимание, что девушка с чёрными волосами даже и не смотрит на изображение, а любит парнем напротив.

Потому на ней и красный свитер, и синие штаны – сочетание этих двух цветов любил как раз Мирралд. Они готовились к встрече: назойливые новости погромче, эта игра в финансиста и его девушку – журналиста. Всё для отвода глаз.

Разговаривали вполголоса. Дежурные вопросы: как добралась, как всё прошло, но Мислеги заметила – что-то не так, слишком уж любимый избегает темы о том, чем он сам всё это время занимался. И она не выдержала:

– Ты ходил к Посреднику, – сказала Ниан, вложив свою ладонь в его, и это было утверждение, не вопрос.

– С нашим образом жизни у нас денег осталось на неделю, – улыбался Мирралд, – А тебе за оплатой работы нужно вернуться в Селлестию. Ты же знаешь, международные переводы просматривают тщательнее.

– И что он сказал по поводу нас?

– Я не говор...

– Не ври, – перебила она, не переставая улыбаться. Эта улыбка – для посматривающей на них obsługi, разумеется. Но взгляд изменился, – Что он сказал?

– Что вдвоём мы будем работать только тогда, когда будет заказ на двоих, Ниа, – Мирралд тоже улыбался, но глаза, глаза...

– Тогда мне придётся опять уехать. Я не хочу, но деньги.

– К Архаку деньги, Ниа, мы вполне сможем работать и тут.

– Или в Селлестии, – возразила она.

– Потому, что там твой Посредник? Ну, сама подумай. У меня тут дом, более-менее налаженная жизнь. Машина вон неплохая. А в Селлестии... Ну, что я там делать буду?

– А здесь мы что делаем? Не переживай, я вернусь. Ты веришь?

– Конечно, Ниа, конечно, – поспешил заверить он, – Мы ведь теперь навсегда вместе. Попробуй не вернись – приеду за тобой сам.

Её глаза потеплели.

– Не обязательно уезжать сейчас, – продолжил он, отхлебнув из чашки, – У меня есть заказ, Ниа. Срочный, начинаю завтра. Останься ещё на пару недель.

– Мы много тратим, – продолжила она о своём, – Всё потому, что я не готовлю ничего. Совсем обленилась.

– Я тебя люблю не за твою стряпню, – засмеялся он.

– Но я хорошо готовлю.

– Я знаю. Я, кстати, тоже неплохо, если тебе надоест. Останься. Съездишь потом. К тому же, я буду рад твоей помощи завтра.

Ну как ему отказать?

– Хорошо. Но потом съезжу и вернусь, – согласилась она и вскинула бровь, – Что за заказ, кстати, м?

– Главное, оплата сразу. Приезжает тут делец один – из Селлестии, между прочим. Встреча у него. Охрану привозит с собой, а я селлестийский не учил, сама знаешь. Зовут При-сано, слышала о таком?

– Что-то припоминаю, – Мислеги задумалась, но внешне это никак не отразилось. Даже если бы их фиксировала видеосъёмка, на записи осталась бы только парочка воркующих влюблённых, – Да, помню. Подрывник.

«Подрывниками» на жаргоне финансистов звали дельцов, пускающих чужой бизнес ко дну. Заключали с виду выгодные, жизненно важные сделки, а потом, когда вторая сторона уже втянулась, срывали их в последний момент. Покупали развивающиеся предприятия, чтобы пустить их ко дну и продать потом по частям дороже. Всё в интересах партнёров, которые таким способом устраняли конкурентов. Вложения для таких операций требовались немалые, да. Но эффект был почти всегда. Собственно, в Селлестии у подрывников работы последнее время прибавилось – предприятия восточного соседа грозили вот-вот обрушить цены для продукции из Неолона. При глобалистах у власти никаких проблем не возникало, но пришли консерваторы, и селлестийцы покусились на самое большое – автопром Королевства.

Присано и подобные ему сами, конечно, старались никаких сделок не заключать. Они были мозговым центром таких операций, источником сведений о том, как больнее ударить. Это они выбирали представителя своих интересов в управляющем аппарате предприятия будущей жертвы. Это они искали, кого из директоров можно подкупить, чтоб он принял нужное, ошибочное решение. Смотрели, какая сделка больнее всего ударит по выбранной цели и устраним опасность конкуренции. Для этого даже не обязательно было добиваться полной ликвидации бизнеса жертвы – просто на время выключить её с экспансии на рынки и направить в решение собственных возникших проблем.

Законов, запрещающих подобную деятельность, попросту не существовало.

Поэтому кто-то решил нейтрализовать Присано другим способом. И если бы Чёрную спросили, жаль ли ей будет «подрывника» – ну, вдруг, хотя бы чуточку – она бы однозначно ответила «нет». Его бизнес – это чьи-то увольнения, чьи-то сломанные судьбы, чей-то труд, пущенный на слом, в конце концов. За долгое время работы сначала совместно с Чинтери, а теперь уже и самостоятельно, Мислеги привыкла к тому, что ни в чём не виноватых людей не заказывают никогда. Хотя нет, было однажды – когда свидетелю по одному очень важному делу нужно было устроить несчастный случай. Но, опять же, справедливость тут искать – дело то ещё. Не впутывался бы в грязные дела, глядишь, жил бы и радовался.

– Моя винтовка в Селлестии у Посредника осталась, – сказала Ниан, – Не ехать же во всеоружии было?

– Я могу достать тебе «Жедди». Подойдёт?

– Лучше СКР селлестийскую, я к ней больше привыкла. Что за «Жедди»?

– О, тебе понравится. Патрон дозвуковой, хлопка при пересечении звукового барьера нет. Щелевые стабилизаторы хвостовой части – летит медленно, но донельзя точно. Плюс на сел-

лестийских образцах оптика несъёмная, только линзы сменные. А здесь можешь выбрать прицел по вкусу. Я возьму несколько на выбор. Да и компактная она, отдача очень мягкая, для девушки подойдёт больше гораздо.

Мирралд был старше на пять лет, почти столько же раньше и начал работать – немудрено, что целый арсенал уже у своего Посредника хранил.

– Надо посмотреть, – сказала Мислеги.

– Будет тебе подарком. Сейчас съездим, заберём винтовку – и есть у меня тут один знаковый оружейник. Аристократия-то пострелять любит, так что мастер, что называется, практикующий. Давно к нему обращаюсь, тот догадывается, кто я есть. Потому и вопросов лишних не задаёт – чревато. Подгоним оружие именно под тебя.

– Дорого? – забеспокоилась Ниан.

– Он мне в рассрочку доверяет.

– А если заказ не выполним?

– Вдвоём? Не выполним? Да брось.

Заказ, действительно, выглядел вполне себе рядовым. Пуля с крыши, яд в бокал, выстрел в узком переулке от человека, который через мгновение сменит личину – способов много, и наиболее удобный, как правило, подсказывал сам Посредник. К тому же, никто не требовал сделать всё немедленно. На выполнение обычно выделялось время, чтобы сделать всё без риска.

Планов на сегодня всё равно не было. Расплатились, вышли на набережную, обогнули дом, направились на проезжую улицу, сели в машину – и вот уже едут по делам. Мислеги, уютно расположившись на заднем сиденье, любовалась видом в окне, чувствуя, что стало легче: прощаться сегодня не придётся. Она уже представляла, как вместо ночи вместе, проведённой дома у Мирралда, придётся опять, как вчера, возвращаться в гостиницу, пока любимый мотается на встречу с Посредником, до которого ехать туда и обратно шесть лейсов за город. И, как назло, встречи тот обычно назначал на вечер.

Достав коммуникатор, Ниан вызвала программу редактора текстов и села править статью, написанную ночью.

Мирралд то и дело поглядывал на неё в зеркало заднего вида, словно проверяя, беспокоясь. Встречаясь с ним глазами, она улыбалась его отражению – для Ниан было хорошо хотя бы просто от того, что он рядом. Самый родной человек на свете, такой же Чёрный, как и она, единственный в целом мире, с которым можно говорить о чём угодно, зная, что тот поймёт. Им нравилась одна и та же музыка, а восхищение у них вызывали одни и те же вещи.

Выезжая за город – сейчас, когда дороги разгружены от утренней суеты, добирались гораздо быстрее – в окне мелькнули и пропали безликие четырёхэтажные многоквартирные застройки окраин. Болтали о каких-то пустяках, даже тема насаженных вдоль дороги плодовых деревьев энело и кашра казалась важной и интересной. Конечно, росли они тут исключительно для красоты, никто в здравом уме не стал бы собирать с урожай с дикой породы. Для этого вокруг города хватало особняков с садами, усадеб, загородных резиденций, некогда принадлежавших вельможам Двора.

Машина проезжала мимо них – удалённых друг от друга строений, широких поместий, прячущихся за оголёнными, готовыми вот-вот проснуться от зимней спячки деревьям. И тогда – распусятя вслед за листьями на ветках цветы, и дома исчезнут за зелёным покрывалом, укроются запахами цветущих энело и кашры.

Ниан закончила со статьёй, убедившись, что ошибки стилистики, грамматики и синтаксиса полностью убраны, и принялась смотреть в окно.

Синий «Сирис» Мирралда, хоть ничем внешне и не выделялся, а бегал довольно резво. Миновали полосу усадеб, изрезанную боковыми дорогами, выскочили на простор, помчались дальше. Показались узкие полосы насаждений, делящих бескрайнюю снежную равнину

на правильные прямоугольники – это поля, а полосы деревьев защищают от эрозии, встают естественным барьером на пути сорняков.

– Ниа, – отвлёк её от задумчивого созерцания пейзажа за окном Мирралд, – Что ты слышала о Четвёртой Стороне?

– Только то, что рассказывал Наставник, – ответила она, – Что, когда Договор Международного Права подписывали, присутствовало на первом подписании четыре стороны. Светские власти стран континента, Посвящённые, Ордена Церкви и четвёртые.

– А тебе известно, кто были эти четвёртые?

– Нет, да я и не интересовалась. С чего бы, м?

– А ведь это важно, Ниа. Смотри. Полыхает война, на стороне восставших выступают Падшие, не проявляя себя в открытую. Орден Чистых, занятый в боевых действиях, попросту не справляется ещё и с тем, чтобы бороться с ними. И тогда в дело вступают рыцари Святых Орденов, переламывая ситуацию. И вот – война окончена, подписывается мир, утверждается новая система международных отношений. А заодно – регулируются права и обязанности Посвящённых. С одной стороны – главы государств. Со второй – Церковь. С третьей – Орден Чистых. А четвёртые... по всей логике вещей, должны бы были быть Падшими. Но наши договор подписывать отказались, как и четвёртая сторона – зато она его одобрила. И теперь представь, кем она должна была быть представлена. Сила, равная армиям, или способная воздействовать на сердца и души людей не хуже, чем Церковь. Кто это мог быть, Ниа?

– Высшие Спириты, м?

– Ты общалась с ними?

– Один раз, – припомнила она, – мы с Наставником хотели поговорить с одним умершим, но, когда вышли в Поле, нас там встретил Высший Спирит и настойчиво попросил больше тень того человека не беспокоить.

– Я думаю, что высшие Спириты – нечто вроде древних богов, которым люди молились раньше, до явления Мессии с его учением о Творце. Есть одна книга – называется «Тайное Знание», автор некий Инвар Телли. Там, в конце, утверждается, что это, судя по всему, очень, очень сильные Посвящённые, нашедшие путь к некоему бессмертию в Поле. Ведь смотри – существа мира тонкой энергетики почти не могут ей управлять. Она составляет их суть, они ей питаются, за счёт неё живут – но именно *управлять* не могут. Выходит, если Высшие Спириты и правда и есть та четвёртая сторона, и они в прошлом из Чёрных – тогда непонятно, почему они позволили принять Договор, который так бы нас ограничивал.

– Теперь всё равно ничего не изменить, – ответила Мислеги, – Мы охотимся на людей или существей Поля, Чистые охотятся на нас. Чтобы переписать Договор, нужна, как минимум, новая Континентальная.

– В том и дело, Ниа, – Мирралд как-то особо пристально взглянул на неё в зеркало, – Я давно этим вопросом задался – кто они такие, эта четвёртая сторона? Может, если их отыскать – они покажут дорогу к тому, чтобы стать такими же? Может, они в силах – или вправе – изменить этот треклятый Договор?

– Давай разыщем одного из Высших Спиритов и спросим, м?

– Уже, Ниа. Уже разыскал и уже спросил. Он дал мне направление для поисков, хотел того или нет. Помимо прочего, он сказал: «когда-то я был таким же, как ты». Понимаешь?

– Хочешь бессмертия в Поле?

Мирралд ещё раз посмотрел на Мислеги – в этот раз даже обернулся – и, убедившись, что любимая не шутит, ответил:

– Не знаю. Нет, вряд ли. Просто когда думаю об этом – это не даёт мне покоя, понимаешь? Нас с тобой подобрали, увидев в нас талант к восприятию Чёрной области энергетики. Показали мир, о существовании которого мы и не подозревали. И – оставили жить с этим. Я очень много раскопал, Ниа. Ты знаешь, что большинство Посредников сами имеют бизнес,

и часть заказов, что мы выполняем, это из области их интересов? – Мирралд как-то особо акцентировал слово «их», не сделал на нём ударение, а презрительно протянул, – И мы рискуем просто в интересах банальных денег? Неужели тебе никогда не хотелось большего? Неужели тебе не казалось, что мы знаем далеко не всё, только то, что нужно, чтобы выполнять работу в чьих-то интересах?

– Меня всё устраивает... А сейчас, с тобой, мне вообще больше ничего не нужно.

Он улыбнулся.

– Я всё думал, стóбит ли тебя в это втягивать, или потом, когда что-то найду сам, с тобой поделиться. Но, по-моему, вместе у нас больше шансов. Что думаешь?

– Давай пока не будем загадывать, – ответила Мислеги, – И до моего отъезда пока не будем ничего менять, хорошо? Выполним заказ, получим деньги, проведём ещё пару недель вместе. Мне этого достаточно.

– Мне тоже, – признался Мирралд, – Но я беспокоюсь за будущее. За наше будущее.

Вместо ответа Мислеги подалась вперёд и приобняла его, насколько позволяло кресло.

– Всё. Будет. Хорошо, – прошептала она ему на ухо и чмокнула в щёку.

– Да, насчёт денег... За прошлый заказ я взял плату не деньгами. Поэтому их и не хватает сейчас, – признался Чёрный, – Посредник кое-что для меня достал вместо обычных чисел на кошельке. Там, сзади, книга должна быть.

На полке, что образовывалась в пространстве между внутренней крышкой багажника и задним стеклом, действительно лежала старая уже, судя по износившемуся корешку твёрдого переплёта, книга. Ни названия, ничего. Мислеги открыла, принялась листать – как оказалось, речь шла о культе Иали, но в книге было другое имя. Когда-то ей поклонялись, как богине Ночи. Считалось, что тем, кому она благоволит, может быть дан ответ на любой вопрос.

Мислеги улыбнулась. Конечно, куда там, «любой». Иначе не осталось бы уже научных загадок, нечего было бы открывать или исследовать. Всомогущества абсолютного даже в чём-то просто не существует. Есть всемогущество кажущееся, относительное. Скорее всего, имелся ввиду «любой вопрос из...» – области, категории, ряда возможных.

Уже когда они добрались до небольшого городка – или даже, если вернее, посёлка – в окрестностях столицы, и Мирралд сбавил ход, боясь проскочить нужный поворот, Ниан стала догадываться, в чём дело.

– Ты решил спросить Иали о четвёртой стороне? Вообще, все эти рассказы о божествах похожи на миф. Не кажется тебе, м?

– Ниа, если начать рассказывать обычному человеку, что ты общалась с Высшими Спиритами – он тоже сочтёт это за миф, – улыбнулся Чёрный, – Приехали.

Свернув на узкую боковую дорогу, машина, проехав пару сотен тсэров, остановилась у широкого дома с крыльцом, отгороженного частоколом аккуратно подстриженных кустарников. Выложенная диким камнем дорожка вела к парадному входу. Ни забора, ни ворот – похоже, обитатель дома никого и ничего не боялся, а непрошенных гостей тут не бывало и вовсе. Окна первого этажа занавешены, на втором в окне мелькнула и пропала фигура.

– Подожди меня, – сказал Мирралд и вышел из машины.

В ожидании Мислеги достала коммуникатор и запросила пеленгацию по источникам сигнала. Устройство в её руках призадумалось, потом отыскало сначала две ближайших радиовышки, передающих сигнал Глобальной Информационной Сети, потом – третью, и, сверив их координаты с базой данных, методом триангуляции выдало своё местоположение. Парой тарнов позже высветилось название населённого пункта, карта дорог и адрес. Его Мислеги сохранила во внутренней памяти устройства. Вдруг пригодится?

Пока она проделывала всё это, Мирралд исчез внутри дома, а когда появился с небольшим кейсом в руках и направился к машине, Ниан коммуникатор уже отключила и убрала в карман плаща. Маленький секрет от любимого.

Тот плюхнулся на сиденье, закрыл двери, пожаловался на то, что поднимается холодный ветер и передал кейс ей, на заднее сиденье. Когда уже ехали обратно, Ниан не удержалась, открыла крышку очередного подарка и стала любоваться на аккуратно уложенную в тканевые гнёзда разобранный «Жедди».

– Автоматическая? – спросила она, обратив внимание на переводчик режима огня.

– Полуавтомат, стреляет отсечкой по три патрона. На случай, если цель движущаяся.

На полторы сотни тарнов все три выстрела укладывает в одну точку.

– Сколько патронов?

– Шестнадцать в магазине.

– А дальность?

– Двести пятьдесят, но последние полсотни уже на излёте. Там есть оптика, чтобы брать упреждение и возвышение. Собирается легко.

В кейсе над винтовкой и вправду лежало четыре прицела на выбор в тканевых гнёздах в верхней части. Внизу аккуратно расположились четыре магазина и – шестью рядами по шестнадцать штук – девяносто шесть патронов оголовками кверху.

Мислеги достала оружие, собрала его – действительно, винтовка компактная, лёгкая. Хоть под плащом носи, пола его скроет целиком. Да и кейс, несмотря на обилие «начинки», вполне переносим по весу для девушки.

– Нравится? – спросил Мирралд.

Ещё бы!

– Откуда достал такую прелесть? – поинтересовалась Мислеги, с заднего сиденья прицеливаясь вперёд. Но, почему-то, целика и мушки предусмотрено не было, потому пришлось вернуться к выбору прицелов. Четыре штуки, разной кратности приближения – в полтора, в четыре, в шесть и восемь раз.

– Из Сименелии, – Мирралд, то и дело поглядывавший на неё в зеркало, улыбался, видя, что любимой оружие пришлось по душе, – Достать трудно было, а самое обидное, что, как достал, так и не пользовался особо. А вот видишь – пригодилась. Линзы ночного видения в кармашке верхней крышки.

Достав их, Мислеги ухмыльнулась – полный комплект, все необходимые кратности. Скручиваешь обычную переднюю линзу с прицела, на то же место наворачиваешь ночную, пропускающую только тепловую часть спектра. Потом меняешь заднюю тем же способом на преобразующую инфракрасное излучение в видимый свет – готово.

Заметила рядом другой кармашек – там, как выяснилось, лежал целеуказатель для ночного режима, фонарь инфракрасного света с регулируемым рассеиванием луча. Можно «подсвечивать» местность при необходимости. Удобно.

Прицелы она перебрала, открыв окно и через оптику посмотрев из машины на пейзаж вокруг. Сетка прицела включала насечки для определения дальности по ширине видимого силуэта человека и даже специальную шкалу для учёта ветрового сноса пониже основной разметки.

Оружие было дорогим, очень дорогим, Мислеги сама себе не в состоянии была такое позволить. И вряд ли в ближайшее время смогла бы.

– Послушай, ты уверен? – спросила она, – Это же...

– Уверен, конечно, – улыбнулся он, глядя, как Ниан разбирает оружие и складывает части обратно в кейс, – Выстрел с крыши – это не моё.

Мирралд предпочитал совсем другой стиль работы, знала Мислеги.

– Какой план? – спросила она.

– Включай коммуникатор, скину тебе фотографии объекта, – ответил он, – Мы только знаем время прибытия рейса, и что встреча у него в гостинице «Старый Город». На первом этаже там, разумеется, есть ресторан, в котором окон нет. То есть либо на выходе из машины – но охрана, скорее всего, просто не даст тебе удобного случая выстрелить, будет мельтешить всё время на линии огня. Бронебойное действие у винтовки никакое, стекло машины ещё пробьёт, а вот кузов уже вряд ли. Да и сидеть он будет, скорее всего, по центру, а по бокам опять же, охрана... Своей машины у него здесь нет, значит, будет арендовать в порту. Так что и к машине заранее не подобраться – выбрать-то он может любую.

– Притворишься официантом ресторана?

– Тоже не лучший вариант, зал, скорее всего, разделён на зоны между обслуживанием, и мы не знаем, какой он выберет.

– Давай я всё по-своему сделаю, – предложила Ниан.

– Ни за что. Больше я тебе *так* работать не позволю.

Так вот почему такой щедрый подарок, догадалась Мислеги. Чтобы сменила стиль работы. Ну конечно, любимого передёрнуло, когда она призналась, что тот способ, которым убила того парня, своего первого, она взяла на вооружение. Правда, клинок и лужа крови сменились на отравленные иглы – яды она хорошо умела готовить сама. Дело было за малым: узнать, в каком месте будет проводить время жертва, оказаться рядом, обратить на себя внимание, начать флиртовать, оказаться наедине... И всё. Доза ларинола, попавшего в кровь, парализовала мгновенно. Две дозы останавливали сердце. Из следов – только маленькие аккуратные капельки на месте укола. Ну а как усыпить осторожность, чтобы жертва не учуяла подвоха, было как раз той частью, что каждый Чёрный изучал на этапе основ.

Но Мирралду, конечно, не по себе от этого. Можно только догадываться, *что* он представлял о том происходящем, случающемся, когда наступало это «наедине». Мысль, что кто-то дотрагивается до его любимой, была нестерпимой.

Он действовал иначе. Почти виртуоз. Однажды вбежал прямо в ночное заведение для молодёжи из числа богатых наследников, где наслаждалась жизнью жертва, и устроил переполох:

– Господин, молодой господин! Жёлтая спортивная машина на стоянке – ваша?

– Да... – пролепетал несмышлёный отпрыск.

– Её пытаются угнать! За мной, мы их остановим! – и побежал, показывая дорогу. Следом за ним – телохранитель, а последним, конечно, ничего не подозревающая жертва. У самого выхода, на крыльце, Мирралд «споткнулся», «упал», оказался за спиной и, когда наследничек со своим охранником отбежали от входа тсэров на десять...

Два хлопка бесшумного пистолета – сначала охраннику в лопатку, чтоб ничего не смог сделать, а потом в спину объекта, уже пониже, в сердце.

– Помогите! В нас стреляли!!! – верещал Чёрный на всю улицу, лёжа на земле и спрятав оружие, – Нас хотят убить!

Суматоха, выбегает охрана заведения, дежурившая в зале, у самого коридора, ведущего к выходу. Убедившись, что безопасно, кидается на помощь какая-то пара прохожих на ночной безлюдной улице.

– Там, за тем углом!!! – кричал Мирралд, показывая на угол стены, что справа от выхода. Пока вызвали врача, пока приехала Стража Порядка...

– А где третий? – спросил старший правоохранитель из примчавшейся дежурной машины.

След, естественно, к тому времени уже простыл. Верхнюю одежду «единственного свидетеля» на следующий день нашли в мусорном контейнере неподалёку.

Но с Присано подобное не сработало бы.

На обратной дороге прекратилось действие выпитого с утра аганжи, сказывался недостаток сна – писала всю ночь напролёт – Мислеги задремала прямо на сиденье.

Мирралд улыбнулся в зеркало спящей девушке и вновь почувствовал какой-то прилив непонятной, всеобъемлющей нежности, что наступал каждый раз, когда доводилось видеть любимую спящей. Размышляя над деталями заказа, старался ехать аккуратнее, чтобы машину не качнуло резко, чтобы ничто не помешало сну той, которую он искал так долго. А точнее – всю жизнь.

Уже потом, выходя из машины, аккуратно, чтобы не разбудить, прикрыл дверцу, когда остановился по дороге на заправке – заменить баллон с газом на свежий и купить чего-нибудь перекусить. Вернулся, завёл мотор – Мислеги только пробормотала что-то во сне. Так и ехал обратно – поглядывая на спящую девушку да прокручивая в голове детали плана на завтра.

Проснулась она, когда уже приехали к оружейнику. Мастер привёл их в подвал своего немаленького дома, использовавшийся, как тир. Пока Ниан привыкала к оружию, стреляя через полуторакратный прицел по концентрическим мишеням, суетился вокруг, снимая измерительной лентой какие-то длины с Мислеги. Потом, когда она отстреливала второй магазин, долго девушку разглядывал, настолько пристально, что даже не моргал.

– Что, хороша я, правда, м? – вскинула бровь Ниан, не выдержав этого взгляда.

– Хороши, молодая госпожа, – улыбнулся оружейник, – И ещё у вас сильная левая рука. Сильнее, чем обычно у девушек. Можно вашу ладонь?

Мислеги протянула руку, ничего не понимая, но Мирралд сделал утвердительный жест – мол, всё в порядке.

Оружейник осмотрел её кисть, потом достал из ящичка мягкую массу, похожую на ту, что используют отделочники на стройках, и попросил Ниан сжать её в руке так, чтобы отпечатались пальцы в той позиции, в которой они сжимают цевьё оружия. Получившийся слепок был оставлен на столике – твердеть, и мастер выдал заключение:

– Мизинчик у вас короче обычного, а левую руку, видимо, тренируете чем-то. Вы левой держите винтовку, словно рукоять пистолета, потому вам и неудобно, и прицел у вас «плавает». Это от того, что рука как бы ждёт «тяжести» оружия, а его нет – центр массы сильно сдвинут назад. Я сделаю вам на цевьё проточки под пальцы – это чтобы мизинец держал наравне со всей ладонью, и добавлю туда же металлические вставки. Заодно переделаем приклад – он сплошной, а мы оставим только рамочку. Это сместит центр тяжести вперёд, вам будет гораздо удобнее. Посмотрите – большая часть ваших выстрелов легла в верхний сектор мишени как раз поэтому...

– Когда будет готово? – перебил Мирралд.

– Надеюсь, благодаря этой винтовке никто из моих знакомых с жизнью не расстанется. Завтра заберёте, если, конечно, на вечер у вас планов нет, – ответил ему оружейник, и, хитро улыбнувшись, стрельнул глазами в Ниан, словно намекая – если бы у него была такая девушка, у него вечер был бы занят ну просто непременно.

– Хорошо, завтра с утра. По оплате – назовёте цену и сроки.

– О, ради такой красавицы вам и скидка, и рассрочка. Цена – по работе, скажем так, тысяч восемь международных кредитов.

– По рукам, – согласился Мирралд, пожимая плечо порядком пожившему на свете мастеру, – И последнее. Вы эту девушку никогда не видели.

– Понимаю, понимаю. Даже если спросят – я буду уклоняться от ответа. Если, – с нажимом на «если», – Кто-нибудь вообще будет спрашивать.

Широты, на которых был расположен Ангерер, были высокими – выходя уже от оружейника, где потратили, как оказалось, целый лейс, Мислеги с удивлением заметила, что на улице уже темнеет.

– День прошёл, а я и не заметила, – улыбнулась она по дороге к машине.

– Долго добирались, – пояснил Мирралд, – Пока к Посреднику, а от него сюда – противоположный конец города. На сегодня мы свободны, времени двадцать лейсов уже почти.

«Я же в девять только проснулась, перед самой посадкой», – подумала про себя Ниан, и отчитала за это себя же: – Я совсем обленилась, Мирр.

– Ниа, у нас куча времени, – рассмеялся он, – Всё равно раньше тридцати спать не ляжем.

– А как же заказ? – уточнила Мислеги.

– Поехали куда-нибудь, обсудим. Поедим чего-нибудь. Я голоден до жути.

– А ещё устал, столько времени за рулём. Не спорь! Знаю я тебя... Едем в магазин, покупаем продукты и домой. Ты – отдыхать, я – делать нам ужин.

Мирралд хотел, было, возразить – но встретился взглядом с Ниан и понял: переубеждать бесполезно, ещё подумает, что ему не нравится, как она готовит. Потому подчинился безропотно, завёл двигатель, сел за руль, направился к дому. Улицы наполнялись машинами, в восемнадцать часов рабочий день уже подходит к концу. Уличное освещение загораться не спешило, но окна в домах вспыхивали светом прямо в то время, когда они проезжали мимо. Город как-то незаметно оказался просто пресыщенным людьми, спешащими с работы по своим делам. Двенадцать лейсов на работу, десять на отдых и десять на сон – изо дня в день, из года в год, в одном и том же ритме – проснуться в семь-восемь, к девяти прийти на рабочее место, четыре лейса труда, один – перерыва. Потом ещё четыре, ещё перерыв на лейс, затем доработать два – и окунуться в эту спешку, эту суету, в эти вечерние хлопоты, чтобы сэкономить время и сделать вечер максимально уютным.

Родители Мирралда думали, что он живёт так же, как и все эти люди за окном машины. Он не говорил отцу с матерью правды, не желая их разочаровывать. Проще было преподнести то, чего они желали: сын – добропорядочный гражданин на уважаемой службе в финансовой структуре, находится в обществе людей своего круга. И не важно, что состояние его семьи было спущено дедом на нелепые проекты, главное – в изменчивом мире его семья сохраняла тот социальный статус, что был получен ещё прапрадедом в качестве награды за верную и доблестную службу Короне. Даже земли, которыми наделили семью Мирралда, ещё остались в собственности и сдавались в аренду и по сей день.

Они с Ниан вдвоём были словно вырваны из этого мира, словно жили в параллельной реальности – с недоумением посматривая на эту пустую ежедневную суету вокруг, рассуждали о вечном – Мислеги читала вслух свою статью. Почему-то только сейчас заговорили об этом. Она умела неплохо излагать мысли в текст, читала выразительно, делая акценты там, где их нельзя было передать словами и буквами – только авторское чтение. Мирралд сообщал те места, которые ему не понравились, не боясь критиковать, Ниан помечала их, как требующие доработки.

Эти люди вокруг, бегущие по своим делам – казалось, ничего другого в их жизни и нет. Двенадцать лейсов на работу, десять на сон, ещё десять – на суету покупок, проездов от дома к работе и обратно, на посиделки в кафе или походы на экранизации. Мирралд, конечно, пытался объяснить Мислеги, что это не совсем так, что в каждом из этих безликих для неё прохожих есть что-то особенное, но та не соглашалась:

– Тогда тиражи книг, музыкальных произведений или картин были бы примерно равны числу взрослых людей на планете.

– Так и есть, Ниа, – смеялся он, – Они примерно равны.

– Это от того, что один покупает десять книг, а девять человек – ни единой, – упрямылась она, – Не нужно им это всё, Мирр. Вернее, нужно, но только единицам. Они как вот эти фонари на улицах – вроде и горят, а все одинаково.

– Вон тот светит чуть ярче.

– Значит, и сгорит раньше других.

– Тут ты права. Писатели, художники, музыканты умирают рано в большинстве своём. Во всяком случае, те, кто посвятил себя искусству целиком. Я иногда думал... Смог бы я жить так, как эти люди за окном?

– И что надумал?

– Ничего. Не знаю... После всего, что таким, как мы, известно об окружающем мире – не уверен...

Зажигалось освещение: натянутые тросы, поддерживаемые над дорогой гусаками от столбов, а на них висят гирлянды закреплённых фонарей, соединённых неразличимым снизу кабелем. Темнело медленно, пошёл мокрый снег, принесённый с юга тем холодным ветром, на который Мирралд пожаловался утром. Зима всё ещё пыталась отстаивать свои права, но природа была неумолима – время быть весне, время быть теплу, а стало быть, тем чарующе-непроницаемым снегопадам, что случались тут в самые холодные месяцы, суждено превратиться вот в эту мерзкую, зябкую, промозглую завесу.

Мирралд и правда устал, а у Мислеги настроение было прекрасным, даже проснулась какая-то активность: ловко сметала с полок нужные продукты, оглядывала витрины уже третьего подряд магазина горящими глазами, вскидывала бровь, присматриваясь к свежести выбранного мяса финари. Любимый ограничился выбором хмельного – своей привычке не изменял, кшадо, только немвальское и только пятилетнее. Взял бутылку побольше, прихватив ещё и банку с соком кашры – Ниан любила разбавленное.

Едва вернулись домой, Мирралд попытался, было, помочь Ниан на кухне, но девушка вытолкала его в гостиную, настояв, чтоб даже не вздумал что-то ещё делать. Тот попытался посмотреть передачи по телевидению, даже попробовал начать читать, но места себе так и не нашёл. Едва услышав с кухни звук точильного камня, не выдержал, пришёл к Мислеги. Вместо ответа на её вопросительно вскинутую бровь уселся в уголке.

– Все ножи в доме – тупые, – сообщила она, – Если завтра не заточишь, достану из плаща свои клинки и буду чистить корго ими.

– Давай сюда, – начал он.

– Поздно, – отрезала Ниан, – Сейчас заточу один, мне хватит. А ты – отдыхай. И, поведив лезвием по точильному камню ещё с кинс, набрала воды в раковину и замочила в ней овощи, а сама занялась разделкой мяса на длинные, тонкие ломтики, отвернувшись к плите.

– А знаешь, – вновь она подняла ту тему, что была начата ещё в машине, – Мы ведь могли бы так жить. Ты бы писал стихи и выступал с ними. А я, наверное, перестала бы брать заказы на людей – только на сущности. Вообще, я давно думаю: существуют же клиники энергетической терапии. Почему бы не открыть свою, в которой можно лечить одержимых, исследовать безумных. Мы бы с этим справились лучше Чистых и уж, тем более, клириков.

– На клинику нужны деньги, Ниа, – возразил Мирралд, – А стихами много не заработаешь. На ту жизнь, что мы привыкли, точно не хватит. А точнее, хватит на жизнь, но уж точно не на клинику. Если её вообще дадут открыть.

– Но такое целительство ведь Договора не нарушает, верно?

– Нарушает. Для этого ты должна получить статус Мастера среди Посвящённых. И всё, как у них – Кодекс, метка на палец. Тебе можно было бы заняться журналистикой – с твоей-то способностью к языкам и тягой к путешествиям. А я бы катался с выступлениями. И виделись бы мы с тобой очень редко.

– Зато – свобода, – вздохнула она, – Не нужно прятаться, скрывать, кто ты есть на самом деле.

– Мы другие, Ниа.

– Потому нас и не принимают? Потому, что мы лучше них?

– В том и дело, что не лучше и не хуже. Просто другие. Посмотри, как горят твои глаза. Необходимость считать деньги от одной зарплаты до другой, необходимость отказывать себе

в чём-то, к чему привыкла и чего хочется – просто потому, что расходы нужно планировать. Сейчас ты готовишь, потому что тебе этого хочется. А ты представь, что сходить в ресторан нет возможности. Тебе надоело готовить, но ты всё равно это делаешь. И тогда твои глаза погаснут, любимая. И мои тоже. Чтобы писать стихи, мне нужны яркие впечатления. А их не будет. Ты хочешь *такой* жизни, Ниа? Ты хочешь *такой* свободы?

– Я не знаю, – она задумалась, но уже через мгновение снова взялась резать мясо, – Но я точно не хочу той жизни, того одиночества, всего того, что было раньше, без тебя, Мирр.

– И я не хочу, – признался он, – Поэтому и предлагаю тебе остаться у меня. И мы вместе найдём способ, как вырваться из этого круга, где каждый заказ – это риск для жизни, а сама жизнь – риск попасться Чистым.

– Ну не попадаемся же, – возразила она, проверив на плите давление в газовом баллоне, – Газ кончается...

– На пару дней хватит, – Мирралд присмотрелся к показаниям прибора. Несмотря на то, что обещал не вмешиваться, плиту всё-таки разжёл сам и потянулся в ящики по соседству: – В чём готовить будешь?

– Горшок побольше... Нет. Нет. И не этот. Алюминиевый. Да! – удовлетворённая, приняла из его рук искомую посуду и уместила её на огне, ссыпав туда разделанное мясо. Следом тут же упал отрезанный от брикета кусочек растительного жира, легла сверху массивная крышка, и Мислеги вернулась к раковине.

– Вы, селлестийцы, что-нибудь, кроме корго с мясом, едите вообще? – с улыбкой спросил Мирралд.

– Ты неправильно ставишь вопрос, – ответила Ниан, – Надо спрашивать так: «вы, селлестийцы, едите что-нибудь без добавления корго или мяса»?

Чёрный рассмеялся:

– Понял, запомню. Так, а всё ж таки, ответ...?

– Ответ: «нет», – Мислеги тоже засмеялась, – Разве что, чиро на завтраки, но – редко.

– Хорошо, тогда как называется главное блюдо нашего сегодняшнего ужина?

– Тут тебе не ресторан, блюда по названиям выбирать. Мясо финари с корго и другими овощами, тушёное. Такое готовила мама.

– Ты и вправду совсем не скучаешь по ним?

– Убери слово «совсем» и замени на «почти», и получится верное утверждение... Они же мои родители всё-таки. Кто из нас не скучал иногда по детству? А детство – это всегда родители. Правда, узнав, кто я и чем занимаюсь, они меня знать не захотели. Но перед этим начали пытаться переделать.

– Может, ещё раз попробовать объяснить...

– Уже пыталась, не забыл?

– Конечно, нет.

Мирралд встал, отёрнул занавесь с окна, приоткрыл створку – от горящего газа на кухне становилось жарко. Из-под массивной крышки котелка на плите начинал валить пар, Мислеги спохватилась, бросила в готовящееся блюдо специи. Глянула в окно – вид на соседний дом, что загораживал весь обзор из окна, стал уже привычным.

Ниан занялась овощами, старательно нарезаая их тонкой соломкой. Нарезала, посмотрела на получившееся количество, решила, что маловато и принялась начищать ещё.

– Что будем делать завтра? – спросила она.

– Встанем с утра пораньше, пока город спит. Выберем многоквартирный дом на въезде в город со стороны аэропорта, дорога всего одна. Потом съездим к оружейнику, прихватим «Жедди», и расположим тебя на крыше.

– Выход на крышу наверняка заперт.

– У меня уже давно есть масса способов расправиться с замками, и даже спецовка обслуживающей организации имеется, – улыбнулся Мирралд, – А я поеду встречать Присано в аэропорту. Нам нужно точно знать, на какой машине он поедет.

– Хочешь убить его в машине?

– Нет, вряд ли получится, я же говорил... Устрою аварию, уже придумал, как.

– И кто у нас на роль живого тарана?

– Заранее арендую машину в аэропорту, это не проблема. Водитель, конечно, ничего потом помнить не будет. Одолжишь свою аптечку, кстати?

– Таморин в ней кончается. Всего две иглы, – предупредила Ниан, – А у тебя на кухне нет ничего, чтобы всерьёз заняться ядами.

– Мне хватит, – отмахнулся Мирралд, – А ты из Селлестии потом сможешь привезти всё, что тебе нужно. Итак, я устраиваю аварию, начинаю скандалить – Присано не сможет не вылезти, а охрана, понятное дело, будет занята исключительно мной. И тут сработает ты. К винтовке ты не привыкла, так что для верности бей очередь.

– А откуда такая уверенность в том, что Присано сам вылезет? Это ж как бедолагу водителя таранящей машины программировать надо...

– Не надо, я буду с ним.

– Не пострадаешь при аварии?

– На въезде в город ограничение скорости, так что вряд ли. Ну, пара синяков в худшем случае.

– Всё равно будь осторожен. Не хочу тебя потом выхаживать.

– Не переживай, Ниа, – засмеялся Мирралд, – Вот когда я, помню, перевернул свою «Ганаро»... С тех пор и не покупаю селлестийские машины. Скажи мне, как одна и та же страна умудряется делать такие классные катера и, при этом, монтировать на продукцию своего автопрома подвески, как у сельской телеги?

Вопрос был риторический, и Мислеги только ответила улыбкой – в технике она разбиралась не очень, зато историю знала хорошо, даже пробовала писать статьи на тему.

– Войны, – пояснила она, – Я даже не вспомню, был ли хоть один мирный век в истории страны. Поэтому лучшие умы и отправлялись делать то, что летает и стреляет, а не машины-холодильники-компьютеры. Выбора не было.

– Возможно, – не стал спорить Мирралд, – Как тебе план?

Мислеги задумалась, сыпала порезанные овощи в котелок, из которого уже вовсю валил запах, и принялась за салат.

– Слишком просто, поэтому, наверное, и сработает.

– Есть другие варианты?

– Думала уже. Аэропорт – слишком людно, да и охрана не даст позицию выбрать поудобнее. Машину заранее не испортить, мы не знаем, какая. И не подменить водителя. Ресторан отпадает, комната в гостинице – тоже, охрана ведь будет там. Единственное, что мне не нравится – незнакомое оружие, Мирр. Вдруг ошибусь с расстоянием?

– Ширина дороги там тсэров десять-двенадцать, высота домов – четыре этажа. Восемь тсэров плюс крыша. Я постараюсь дать тебе угол обзора поудобнее, получится ну никак не стрельба на излёте. По прямой не промахнёшься. Ну, для верности стреляй в режиме отсечки по три.

– Так и сделаю, – согласилась Мислеги, и, задумавшись о продолжении вечера, предложила: – Выбери посмотреть что-нибудь, м?

– На тему?

– На любую, экранизация на твой вкус.

При всей простоте просьбы, задача была не из лёгких – предстояло найти что-нибудь с озвучкой на международном. Неолонский Мислеги подучивала, но до понимания прямой

речи дело ещё не дошло. Поэтому телевизор пришлось подключать к компьютеру и лазать по серверам глобальной сети, чтоб найти что-нибудь подходящее.

В итоге Мирралд остановился на историческом романе о временах упадка Империи и только после этого отправился на кухню.

У Ниан уже почти всё было готово, раскладывала по тарелкам горячее, только салат стоял не заправленным. В четыре руки закончили приготовления, в гостиной расположились прямо на полу у низкого столика, включили фильм, разлили кшадо. Но Мислеги экранизация показалась скучной, когда шкала просмотра показала уже половину, она вернулась к теме, начатой в машине.

– Мирр? – позвала она, когда с ужином было покончено и он снова разлил кшадо по бокалам.

– Да, Ниа?

– Я знаю, но... Может быть, давай попробуем?

– Что? – он посмотрел на неё так, как всегда делал это именно в такие моменты. По-особенному внимательно, словно пытался не упустить ни малейшей эмоции на её лице.

– Жить, как обычные люди, Мирр. Я буду писать статьи. Ты – займёшься стихами. Будем ездить вместе, ты – с выступлениями, я – с тобой, описывать места, где мы бываем. Не буду лениться, как сейчас. Сделаем завтрашний заказ, я вернусь в Селлестию, возьму деньги, заберу всё оттуда, и вернусь к тебе уже навсегда. Будем экономить. Я думала над нашим разговором в машине – если это цена той свободы, чтобы быть с тобой... То я согласна. А ты?

– Ниа, ты ещё спрашиваешь? Я слишком долго тебя искал, чтобы потерять. Тихие домашние дела, иногда поездки, чтобы заработать... Думаю, проживём. Но на первое время деньги всё равно понадобятся.

– Тогда с завтрашнего дня начинаем беречь деньги, – сказала она, – И заниматься домашними делами всерьёз.

– Но ты же останешься, да?

– На две недели – да, – Ниан окончательно решила, – Хватит, Мирр. Никаких больше убийств за деньги. Нормальная жизнь, как у всех. Откладывать на покупки, рассчитывать расходы. Я съезжу в Селлестию – и мы с тобой начнём новую жизнь. Хотя... Нет, начнём прямо сейчас.

С этими словами она встала, собрала посуду со стола, отнесла её на кухню. Уже собиралась, было, начать её мыть, как словно ощутила взгляд спиной, обернулась.

Мирралд стоял совсем рядом, глядя на неё так, словно ожидал чего-то, и было что-то в его глазах такое, чего никогда она не видела раньше. Нечто вроде... облегчения?

Не говоря ни слова, она обвила его шею руками, потянулась губами к его лицу – и была нежность, и было то самое ощущение, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и одежда летела на пол прямо тут, на кухне. Ждала посуда в мойке, горел свет – но она уже не стеснялась и не боялась, как в первый раз, Мирралд научил её любить: его, себя, красоту обнажённого тела, холодок тех касаний, когда еле-еле, едва-едва, самыми кончиками пальцев, обжигающий огонь поцелуев.

Она доверялась: этим рукам, что унесли её на диван в гостиной, где только что сидели и ужинали, этим губам, что знали, где приятно, а где – нет, этим глазам, взгляд которых она ловила каждый раз, когда двое сливались в единое целое.

Таким она запомнила этот последний их проведённый вместе вечер.

Такой она вспоминала эту последнюю их ночь.

Наутро, когда, как и было спланировано, после завтрака они отправились делать последний свой заказ, Мислеги, уже расположившись с винтовкой на крыше, не сразу заметила третью машину. И, когда подстроенная Мирралдом авария состоялась, из третьей вышли четверо в серых плащах.

– Согласно Договору Международного Права я, старший агент Неолонской Резидентуры Ниас Нинкоро...

Ниан хорошо запомнила, как Мирралд попытался сопротивляться, но агенты действовали слаженно – телекинет просто не давал ему двинуться, электрокинет направленным электрическим импульсом заставил нервы скрутить мышцы ног судорогой. Остальные двое – определить специальность не удалось вот так, сразу – смотрели, чтоб опасность не подкралась со стороны.

Глядя в оптику, как Присано вышел из машины, Мислеги, не сомневаясь, что всё это подстроил этот подлец, нажала спуск.

Она отчётливо помнила эти три пули в грудь цели заказа.

И крик, раздавшийся прямо в голове:

«Беги, Ниа! Беги!!!».

Агенты отвлеклись на смерть жертвы, и этого времени хватило Мирралду, чтобы выхватить своё оружие и нажать на спуск. Всё это время связь между сознаниями двух Чёрных сохранилась, и Мислеги словно сама пережила тот момент, когда Нинкоро выстрелил в ответ.

Выстрелил – и попал.

Она бежала. Бежала так, как никогда не бегала, и пришла в себя только уже в одиночестве, в квартире Мирралда, зная, что любимый мёртв.

И отчётливо помнила, как выла нечеловеческим голосом в пустоте его квартиры, как сидела на диване, на котором утром даже не успели убрать постель, обняв себя за колени и уткнувшись в них лицом, чувствуя, что жизнь кончилась.

И к вечеру, уже немного придя в себе за бокалом кшадо – того самого, Немвальского, пятилетнего – вспоминала, что это должен был быть последний заказ.

Последний.

Их.

Заказ.

Тогда она и поклялась себе. Что отыщет всех, кто виновен в смерти Мирралда. И отомстит.

Одно имя она уже знала:

Ниас Нинкоро.

Глава 12

*Восточное море, воздушное
пространство Селлестии,
к востоку от острова Тихуес.*

Зима потихоньку вступила в свои права, и даже здесь, в подогретом экваториальным течением Восточном море, уже чувствовалось её холодное дыхание. В той же Сиборсии сейчас было не в пример холоднее – тёплое океаническое течение с экватора ударялось о северную оконечность материка Геллия, встречало северо-восточный берег Федерации Драгман, спускалось от экватора к Южному полюсу вдоль берегов Менадии к Немвалу, закручивало лихой водоворот в Море Лазурном, что лежало в самом изгибе материка. Омыв северную часть Королевства Неолон, оно сворачивало на северо-восток, вдоль берегов Селлестии, пересекало Ветренное Море, которое своими ветрами как раз этому течению и было обязано. И только затем, миновав северо-восточную часть Геллии: сначала богатый глубокими бухтами Бьюкенсес, а потом и изрезанный ветрами высокий скалистый берег Лангеса, течение срывалось и уходило на юго-восток, в пролив между островами Йала-Арайес и Ситай. Там оно огибало рассыпанные между ними клочки суши Жингконского Архипелага, растекалось по мелководью, цвет воды в котором с высоты птичьего полёта был из-за маленьких глубин именно зелёным.

Отсюда начиналось море Зелёное, получившее такое прозвание за свой цвет. Тёплое течение согревало в нём воду, подогревало воздух в Архипелаге, чуть-чуть делясь теплом с западным побережьем Сиборсии. Здесь течение уже порядком остывало и теряло скорость. И только потом оно сталкивалось с холодными водами Южного Океана, теряясь в них и сходя на нет, отдавая последнее тепло в виде постоянных испарений, порождавших весной и осенью вереницы облаков, формировавших порой сильные циклоны. Но прежде чем пройти этот путь, течение успевало прогреть воздух вдоль всего северо-восточного побережья Геллии, отогнать холода, сделать климат мягче. Именно поэтому он здесь был не в пример теплее, чем в той же Сиборсии, лежащей на тех же высоких широтах.

Там уже всюду задували холодные, пронизывающие ветра близящейся почти бесснежной зимы, налетающие с ледяного панциря Южного полюса. А здесь осень была затяжной, ласковой, тёплой – и солнечные, погожие деньки не были редкостью. Разве что тёплые воздушные массы нет-нет, да столкнутся с потоком полярного воздуха.

Тогда на обширном пространстве от западного побережья Сиборсии до границы Зелёного и Восточного морей и от самых южных островов Жингкона до берегов Вивии и Сэнассии начинали закручиваться вихри циклонов, принося ветра, дожди и ненастье.

На Эмиадии практически не знали штормов и ураганов – зато резкие перемены метеорологических условий были как раз не в диковинку. Солнечный денёк мог за каких-то пару лейсов смениться проливным дождём, и не просто проливным, а ещё и косым, сопровождаемым крепким ветром. Погоду постоянно кидало из крайности в крайность, особенно здесь, на восточном побережье материка.

Но сегодня погода была вовсе нейтральной – прошла летняя невыносимая духота, несильный ветер еле-еле задувал с юга. В небе повисла облачность средней плотности, и оно словно было поровну поделено между ключьями плотных облаков и просветами белёсой голубизны неба, из-за чего Белува то проглядывала, то опять скрывалась за массами испарившейся влаги. Тень от них была широкой и не менее плотной – облачность была низкая, и слабый ветерок не торопился её рассеивать. Именно такая погода и была нелюбима пилотами – когда серая, сырая хмарь затягивала пространство, наиболее удобное для полётов, так называемые «рабочие» высоты.

Правда, не всеми пилотами: перехватчикам подобные условия как раз были в радость – их машины, приспособленные для высокого полёта, с удовольствием прятались за облаками. Так гласила теория тактики боя – затаиться, чтобы труднее было наладить визуальный контакт, а потом обрушиться на противника сверху, следуя одному только радару. Его всевидящие глаза спокойно и без помех могли глядеть сквозь облачный покров, безошибочно угадывая высоту и местоположение противника, не оставляя без внимания и такие важные для воздушного боя параметры, как курс и скорость.

И там, наверху, за облачным покровом, как раз и проносились сейчас две машины, уже закончившие учебное патрулирование и возвращавшиеся на базу. То появляясь в просветах между облаками, то снова теряясь за массами испарившейся воды, два авиалёта неслись на запад – для них облачности словно и не существовало, там, над облаками, всегда было ясно, всегда разливался дневной свет. На высоте ветер был быстрее, крепче – машины то и дело сносило на север, из-за чего пилотам постоянно приходилось немного класть штурвал влево, к югу, чтобы сохранить курс не по азимуту, а по ориентиру, коим была взлётно-посадочная площадка базы Риемкоро.

Широкие отверстия воздухозаборников, чтобы захватывать достаточное количество кислорода на высоте, там, где его как раз мало. Мощные, суженные к хвосту турбины, чтобы развивать максимальную скорость из возможных. Широкие плоскости хвостового оперения, чтобы машина лучше слушалась управления. Более длинные, тонкие и скошенные назад крылья, чтобы уменьшить сопротивление воздуха при той же подъёмной силе. Эти крылатые машины были созданы для высоты, для скорости, чтобы хищными металлическими птицами стремительно рушиться с высоты на свои жертвы. Наносить им смертельные раны и так же стремительно исчезать – снова в высоту, туда, где можно разогнаться в неплотном воздухе, туда, где есть пространство для головокружительных виражей, где можно не опасаться малой высоты и складок местности. И опытный, наметанный глаз сразу определил бы, к какому типу принадлежит эта пара авиалётов. И губы бывалых пилотов гражданской транспортной авиации при виде этих машин сами по себе с уважением и оттенком зависти шептали:

Перехватчики...

Впрочем, не только бывалые летчики произносили название этого типа авиалётов с оттенком благоговейного трепета: те юные, едва освоившие управление этими машинами пилоты тоже называли свои машины с трепетом и волнением. Но их трепет был вызван не завистью и не уважением – а гордостью за себя, вчерашних обычных парней, а ныне – хозяев заоблачных высот.

Солокс – хлёсткое, и в то же время певучее имя, донельзя точно отражающее характер машины. Самая распространённая на палубах кораблей модель – «семёрка», лёгкий универсальный перехватчик. Из всех машин, базирующихся на «Риемкоро», эти были менее всего вооружены. Авиалёт, предназначенный не для глубоких проникновений во вражеское воздушное пространство и не для проведения атак на находящиеся вдалеке авиационные соединения противника – нет, для этого служили другие модели, такие, как двухпилотные «Корноды» или «девятки» того же завода «Солокс».

А вот «семёрка» была машиной охраны и обороны своих авиалётов от перехватчиков противника, для уничтожения бомбардировщиков и штурмовиков, угрожающих своему кораблю. «Семёрка» на наземной базе вообще была исключением из правил – куда более распространены на них были «девятки» и «Корнод – с1» – собратья по типу, тоже перехватчики, но уже другого класса. «Солокс-9» был средним универсальным перехватчиком и потому мог справляться даже катерами, да и дальность его действия была всё же повыше, чем у принадлежащей к классу лёгких машин «семёрки». А «Корнод-с1» был перехватчиком тяжёлым, приспособленным работать чуть ли не на упреждение, уничтожая цели на трижды безопасном рас-

стоянии от своей базы. Ведь база, не может спастись от превосходящих сил врага бегством – она, как известно, в отличие от корабля неподвижна.

Поэтому именно «семёрка» стала самой распространённой на Восточном Флоте моделью перехватчика – это была самая лучшая машина для борьбы с другими авиалётами, даже в схватке со своими собратьями по классу – «девяткой» или «корнодом – эс-первым» у неё было преимущество в скорости и маневренности. Именно для боя с вражескими аналогами – такими, как Кентийские «Эткорс» и «Мессати» или Неолонские «Ринкенас» и «Крайнегир», и создавалась эта модель. Седьмой «Солокс» был машиной, как нельзя лучше приспособленной для уничтожения себе подобных, но расплатой за это стала практически полная беспомощность перед теми же катерами или даже простым солдатом с крупнокалиберной винтовкой. Именно поэтому «семёрка» находилась в наземном базировании не как боевая единица, а как единица учебная – на таких посадочных площадках, как та, что на «Риемкоро», её просто не могло не оказаться. Эта база готовила пилотов именно для палуб кораблей, и именно на этих самых палубах седьмая модель «Солокс» и нашла своё самое широкое применение.

Сегодня не было ни учебных стрельб, ни отработки атак, ни воздушных виражей – словом, ничего. Просто облёт заданной территории, уже в который раз. Занятие скучное, монотонное, однообразное – и безопасное. Под учебное патрулирование специально освобождался заведомо безопасный квадрат, в котором не могло оказаться ни чужой авиации, ни учебных целей для стрельб. Но, всё же, боевое вооружение авиалёты несли. Оба пулемёта, способных резать металл обшивки авиалёта противника словно ножом, под завязку забиты боеприпасами. На кончиках крыльев – пары лёгких маневренных ракет, прекрасно приспособленных для боя на ближней дистанции. На серединах крыльев – тоже парные блоки, на сей раз – уже ракеты с более высоким радиусом полёта и мощным зарядом. Это – на случай появления бронированных и медленно летящих целей, вроде Кентийских бомбардировщиков «Трелорн», оснащённых пулемётами в верхней и хвостовой частях фюзеляжа, да и не просто пулемётами – самыми что ни на есть башнями со стрелками внутри. К таким монстрам просто так не приблизишься – по слухам, пока не подтверждённым данными разведки, к пулемётам вдобавок Кентийцы начали ставить на башни системы защиты хвоста и фюзеляжа ещё и пусковые установки ракет ближнего радиуса.

В таком случае, атака как на показательных стрельбах уже не годилась – попробуй-ка тут подлететь по прямой! Несколько мгновений – и прозрачная полусфера башенки уже развернётся на тебя, а уж стрелок не преминёт возможностью открыть огонь из всего, что есть в наличии, по удобно соблюдающей прямую траекторию цели. Нет, как раз тут и пригождалась маневренность седьмой модели «Солоксов», не имеющая равных в мире – зайти на атаку лихим пикированием, да ещё и с боковым поворотом, с выходом на курс перехвата в последний момент....

И выстрелом – внезапным, неожиданным – но зато смертельно точным и неотвратимым. А после: виражом вверх, вверх, мимо уже сбитого и дымящегося бомбардировщика, чья неуклюжесть так и не смогла компенсироваться ни бронированием жизненно важных узлов, ни двумя башенками. Как бы ни были они там вооружены!

Но – это всё разворачивалось в мечтах, ибо тем, кому выпало служить на Восточном флоте, встреча с «Трелорнами» вряд ли грозила. Потому как это был бомбардировщик дальнего радиуса действия и поэтому – наземного базирования, слишком уж тяжёл он был для палуб авианосцев. И это несмотря на то, что Кентия, как и Немвал, в своём флоте имела немало кораблей этого класса. К слову, соседний с Селлестией Неолон авианосцев в чистом виде вообще не имел, отдавая предпочтение мобильным наземным базам. Именно Неолон мог похвастать самой лучшей организацией вспомогательного флота. Корабли-базы, не являясь боевыми судами, могли приземляться на ровной площадке в практически любой точке материка, после чего корабль мог превратиться в укрепленный наземный форпост, станцию тех-

нического обеспечения для наземной техники, опорный пункт войск или – в наземную базу для авиации.

Специфика, специфика и ещё раз специфика – у каждой страны она была своя, применительно к тем условиям, в которых чаще всего оказывался задействован флот и прикрывающая его авиация. В этом плане впереди всех была Селлестия – самое большое количество авиалётов стояло на вооружении именно в её вооружённых силах, но при этом авианосцев было всего три. Напряжённое экономическое положение не позволяло строить громадные корабли, наподобие дредноутов Неолонца. Дредноуты были именно оружием нападения, а Селлестия была больше озабочена защитой от набегов. Поэтому и корабли требовались не тяжеленные и громадные, а, прежде всего, универсальные и очень мобильные. Поэтому основой флота Селлестийцев, его костяком стали не имеющие аналогов в мире авианесущие крейсера.

Они представляли собой гибрид крейсера с авианосцем, являясь, по сути, новым поколением в семействе тяжёлых крейсеров. Но там, где тяжёлый крейсер нёс блок орудий, у авианесущего располагалась посадочная площадка. Стоит ли говорить, что такой корабль не требовал мощного эскорта, и со многими задачами справлялся практически самостоятельно, без опаски отправляясь в одиночные походы. Те же средние или, как их иначе называли, ударные крейсера требовали для себя неизменного сопровождения в виде миноносца и фрегата прикрытия, а тяжёлые так вообще чаще всего ходили только в составе эскадры.

В итоге один авианесущий крейсер вполне справлялся с целым рядом боевых задач, для которых обычно использовалось целое соединение кораблей – это позволяло неплохо экономить деньги на выполнении флотом задач обычных, повседневных, а сэкономить тратить на те же нужды флота.

Потому-то палубная авиация флота Селлестии и была самой массовой в мире – в отличие от тех же Неолонцев, то и дело разворачивавших базы для безопасной переброски наземных войск, селлестийский флот решал такие вопросы сбросом десанта. Тут тоже выручали авианесущие крейсера, на палубе которых, помимо авиалётов крыла прикрытия, стояли ещё и два десантных птицелёта. Обнаружена точечная цель, которую нельзя накрыть огнём корабельных орудий? Отлично, тогда – авиалётам взлёт, пусть они решают эту задачу, подобравшись на удобную для стрельбы по цели позицию. А остатки всегда могут добить полсотни десантников – и не нужно ни опорных точек, ни сложных операций по развёртке войск и последующему наступлению.

Мало того – нужен массовый сброс десанта? Ещё лучше – задействуем катера, благо, на каждом крейсере их целых два. Пусть птицелёты сбросят дюжину десантников, которые займут небольшой плацдарм, а уж катера высадят остальных. В итоге операцию наземных войск можно развернуть быстро и оперативно, малыми силами, достаточными для выполнения поставленной задачи, а кроме этого – с минимальными затратами. Сделал дело – всё, грузимся, братцы десантники, обратно в птицелёты и катера, а потом, под прикрытием средней авиации – авиалётов то есть – возвращаемся на корабль. После чего – всё, авианесущий крейсер, по скорости превосходящий крейсера тяжёлые, спокойно может уходить восвояси, не дожидаясь ответного удара...

В итоге авианесущие крейсера благодаря авиации на палубах становились кораблями именно универсальными, приспособленными для самостоятельного решения любых задач. А если объединить авианесущий крейсер с построенным именно для ближнего боя эсминцем и приспособленным для поражения противника на безопасной дистанции фрегатом, то такое соединение становилось боевой силой, у которой уязвимостей нет вообще. Примерно та же тактика была применена и у авиации – крыло, состоящее из авиалётов всех трёх типов, могло не только успешно атаковать любую цель, но и обороняться от практически любого врага.

Отсюда родилась и комплектация посадочных площадок авианесущих крейсеров авиалётами: четыре звена по три авиалёта каждое образовывали крыло, дополненное тринадцатой

машиной, которую пилотировал командир, обеспечивающий общее руководство и координацию. В зависимости от того, какой тип авиалётов преобладал, крылья бывали штурмовыми, истребительными или перехвата. Три звена – это перехватчики, штурмовики и истребители. Четвёртое – это дополнение для усиления какого-либо из звеньев, ещё три машины одного из основных типов.

Пилотам двух проносящихся сейчас за облаками перехватчиков это уже было известно прекрасно. Обучение их медленно, но верно шло к концу, и основы тактики группового воздушного боя они усвоили железно. При этом, применительно к своей специализации. За нехваткой беспилотников именно перехватчики становились средством разведки воздушного пространства, их радары, превосходя по дальности обнаружения целей радары всех остальных типов авиалётов, тем не менее, не могли отличить стоящий на земле вражеский танк от обычного куска железа или валуна побольше. Различать и распознавать наземные цели – это дело штурмовиков и истребителей. Пилотов-перехватчиков готовили к другому – различить по силуэту свой крейсер от, к примеру, неолонского. Или даже различить по одному лишь виду свои крейсера: авианесущие от тяжёлых, а тяжёлые от ударных. Или отличить свой эсминец от своего фрегата, а фрегат – от корвета или торпедного корабля противника. Отличить лишь по одному силуэту авиалёты завода «крайнегир» от «ринкенас», а «эткорс» от «мессати» – и при этом не только по модели, но и по типу. То есть перехватчик от истребителя, а истребитель – от штурмовика.

– Голова уже пухнет от этого, – признался Каринеш по рации.

– Это, видимо, правило такое, – ответил Дементьев, скосившись на датчики температур турбин, – Помнишь, первое время нас тоже загружали информацией до головной боли, а дай нам теперь тот же объём, что на первых днях обучения, так он нас даже не нагрузит.

– Тоже верно, тренировка позволяет с каждым разом добиваться всё больших результатов. А иначе и тренироваться не стоит, – согласился Дерас, – Стало быть, теоретические занятия по совместительству служат и тренировкой мозгов для усвоения всё большего и большего объёма информации за то же время... Погоди-ка, нас, кажется, опять снесло к северу.

Два перехватчика, пронесившиеся над водами Восточного моря, то и дело брали южнее, чтобы компенсировать ветровой снос на север. Ветер задувал с юга, а одним из правил, которое пилоты усвоили на уроках инструктора Валенсес, было: «тело, двигаясь в подвижной среде, движется относительно неё; если среда движется относительно другой среды, то и тела будут двигаться вместе с ней».

Авиалёты двигались в воздушной массе, та двигалась над водами моря, а стало быть, машины то и дело должны были брать южнее, чтобы сохранить направление на свою базу.

– Попозже свернём южнее, – вяло ответил Дементьев, – Надоело уже то и дело влево брать, пусть снесёт посильнее, там и свернём.

– Тоже верно, – согласился Каринеш, который сейчас выступал в роли ведущего.

Если взять длину корпуса «солокса» и отложить то же расстояние назад и влево, то получится как раз та самая дистанция, на которой находился ведомый перехватчик, пилотируемый Дементьевым.

– Скорее бы уже отпуск, – вздохнул Дерас, – Хоть двадцать дней, но отдохнуть перед отправкой на корабль.

– Можно подумать, ты так устал от учёбы, – хмыкнул Серёга.

– Не то, чтобы устал, – раздался ответ в наушниках шлема, – Просто... Перемена обстановки бы не помешала.

Ближняя связь – она на то и ближняя, чтобы переговариваться между собой пока диспетчеры не слышат, чтобы не засорять эфир, чтоб разговаривать и не бояться быть обнаруженными издали пеленгаторами противника. Мало того – Валенсес такие переговоры даже поощрял, чтобы в будущем пилоты выработали навык восприятия информации «в контексте»,

не отрываясь от пилотирования и не отвлекаясь на то, чтобы вслушаться и разобрать искажённый рацией и помехами голос собеседника. В реальной боевой обстановке подобная болтовня наказывалась. Но патрулирование было учебным, и служило, пожалуй, для того, чтобы пилоты привыкли к своим машинам, тому классу, модели и типу авиалёта, которые им предстояло пилотировать.

– Ты куда в отпуск двинешь? – спросил Серёга.

– Домой, куда ж ещё, – ответил Дерас, – А ты?

– А мне некуда, – хмыкнул Дементьев, – Если б кто пригласил...

– Дружище, я бы рад, да мне некуда тебя пригласить, – ответил Каринеш.

– Я знаю, не извиняйся. Вот и Тамису некуда – он отпуск проведёт со своей девушкой.

А больше меня и пригласить-то некому.

За время службы Дементьеву удалось по-настоящему сдружиться только с двоими – Тамисом Шаджоу и Дерасом Каринешем, с остальными – теми же Ксинбро и Висдешем, Макаги и Винаро – отношения оставались, скорее, приятельскими. Зато с Сатаки и Идеги у троицы друзей завязалась самая настоящая вражда, последнее время приобретающая характер холодного нейтралитета. Попытка Сатаки отыграться за поражение, нанесённое ему Серёгой и Дерасом, переросшая в самый настоящий конфликт, провалилась благодаря своевременному вмешательству Висдеша. Тот хоть и не принадлежал к компании Дементьев – Шаджоу – Каринеш плюс обе девушки арсиана, но попыток Сатаки занять позицию лидера в коллективе не одобрял. Мало того – лидерство самого сильного физически, но тащившегося в хвосте по успеваемости Сатаки его не устраивало в корне. Именно поэтому Висдеш вмешался в качестве арбитра. С тех пор вражда больше не перерастала в открытые стычки – Сатаки не трогал никого из пятерых друзей, отыгрываясь на остальных парнях из арсиана. А друзьям так и подавно эти стычки были не нужны, более того, сам предмет противостояния – две служившие вместе с ними девушки – более не обращали на Сатаки внимания и даже сторонились всей компании, возглавляемой им. Причина враждовать как бы отпала сама собой, остался, скорее, этакий порядок взаимоотношений в арсиане, вполне устраивавший всех.

– Слушай, Серёга, а что ты будешь делать, если нас даже особо спрашивать не станут – есть нам куда поехать или нет? И попросту выгонят всех в отпуск? – поделился не очень-то радостной мыслью Дерас.

– Да, наверное, что-нибудь придумаем, – ответил Серёга, которому перспектива оказаться без помощи друзей в незнакомом мире вовсе не улыбалась. В его ситуации только и оставалось, что придумывать выход из подобной ситуации.

– Девчонок поспрашивай, – предложил Дементьеву напарник по патрулированию, – Может, кто-нибудь из них согласится.

– Ага, представляю себе, как подхожу к Нийе или Касти и предлагаю им: девчонки, а не пригласите ли вы меня к себе на отпуск?

– А что? – в голосе Дераса послышалась насмешка, – Глядишь, с радостью согласятся и даже предложат ночевать в одной койке.

– Дерас, не надо свои мечты мне приписывать, – не остался в долгу Серёга, – Весь арсиан знает, кому ты глазки строишь.

– И весь арсиан знает, кто строит их тебе, – рассмеялся Дерас, – Так что я на твоём месте бы задумался!

– Да брось, дружище, я даже не знаю толком, что для девчонок является приличным, а что – нет, – вспомнил свою «легенду» Серёга.

– Так в том и дело, понимаешь? Никаких тебе условностей и попыток произвести лучшее впечатление, чем есть на самом деле. То есть если даже подойдёшь к девчонкам с глупым или наглым вопросом, по лицу не съездят – спишут всё на твою потерю памяти и простят.... Мне бы так!

– Нашёл, к Архаку, чему завидовать, – отшутился Серёга в ответ.

– Кстати, у меня бортовой компьютер уже показывает отклонение курса на два тисана от пеленга на базу. Поворачиваем?

– Поворачиваем... – соглашается Дементьев.

– На два тисана влево, к повороту... один, два! – в полном соответствии с нормативами отдачи команд в полёте раздаётся голос Каринеша в наушниках.

И на счёт «два» правая рука Дементьева чётким, но еле заметным движением кладёт штурвал влево. Это тебе не учебный авиалёт, где штурвал требуется отклонять от нейтрального положения на приличный угол – перехватчик на любое движение штурвала реагирует сразу и чутко. Авиалёт плавно опускает левое крыло, в хвосте шевельнулась стоящая вертикально пара рулей горизонтали, и на лобовом стекле двинулась вправо линейка прокрутки с указателями курса. Взгляд падает на экран бортового компьютера – тот хранит в своей памяти пройденный курс, безошибочно держит направление на точку начала полёта и теперь услужливо подсказывает, что направление это изменилось из-за того, что машину сносит к северу от этой точки.

Бортовой компьютер – это этакий электронный штурман, которому можно дать задачу указать пеленг на любую известную ему точку на карте. Это незаменимый подсказчик в бою, распознающий среди всех находящихся в воздухе объектов ракеты врага, их местоположение и курс, и незамедлительно сообщающий об этом пилоту. Это... Функции бортового компьютера можно было перечислять бесконечно, но именно он брал на себя большую часть работы по ориентированию в воздушном пространстве, по самоконтролю остальной электроники, по наведению ракет и расчётам дистанций.

Выровнялись машины почти одновременно. Перехватчик слушался рулей сразу, незамедлительно – и при этом нужный угол поворота достигался почти мгновенно, без постепенного нарастания, как на авиалётах учебных. Там для того, чтобы положить машину в резкий разворот, нужно было сначала наклонить штурвал до отказа в нужную сторону, а потом подождать, пока крылатая машина будет постепенно увеличивать угол поворота. Седьмой же «солокс» реагировал сразу: если штурвал положить до отказа, скажем, вправо, то и авиалёт незамедлительно сорвётся в максимальный из возможных угол разворота. Правда, здесь следовало быть аккуратнее – пресловутый срыв потока на запредельных углах поворота при соответствующем ветре не раз приводил к тому, что машина теряла управление. Это ощущение немного подстерегающей опасности делало управление перехватчиком не просто удовольствием от того, насколько хорошо авиалёт слушается управления, но и ответственным подходом к каждому движению штурвала.

Теперь машины двигались уже не на запад, а под углом к западу на юг. Нужно было пройти расстояние, на которое их снесло, борясь с ветром, чтобы направление на базу снова стало строго западным. Серёга скосился на машину Каринеша, загораживавшую ему почти весь вид на северо-запад – вроде всё в норме, дистанция до авиалёта и интервал вправо соблюдены, держимся как надо.

– И оставят тебя, Серёга, на базе плац подметать, – пошутил Каринеш, возвращая разговор на точку, на которой он был оборван куда более важным делом.

– Да и пусть, – не стал возражать Серёга, – Лишь бы на улицу не вышвырнули. И потом, поговорю с глайнсом Валенсес, глядишь, разрешит в свободное время потренироваться дополнительно.

– Тебе не к Валенсес, тебе к Пинтро нужно с такими вопросами. Не забывай, арсианом командует он, а стало быть, в обход него подобные вопросы решать нельзя, – напомнил Дерас.

– Забудешь тут, – хмыкнул Серёга, снова по привычке оглядывая приборы. Управление перехватчиком уже потихоньку въедалось в подсознание, впитывалось в кровь. Глаза сами находили требуемое табло или экран, руки – нужную кнопку на пульте управления. И если

Пинтро стал им как отец родной, опекая весь арсиан, то Валенсес был чем-то вроде кумира, идеала для подражания. Именно он и добивался того, что было основной задачей базы Риём-коро – превратить молодёжь, в глаза авиалёты не видевшую, в группу пилотов, знавших свои машины лучше, чем кокетка – свои ноготки. И, нужно признать, ему это удалось, правда, в разной степени. К примеру, тот же Дерас Каринеш со сложным в управлении перехватчиком справлялся лучше всех – собственно, поэтому именно он и был сегодня в роли ведущего пилота, а Дементьев в роли ведомого. А вот тот же Сатаки еле-еле справлялся с пилотированием штурмовика, где управление было не в пример проще. И это несмотря на отсутствие разницы в возрасте между Каринешем и Сатаки. Дерас, к слову сказать, был на два года старше Серёги, точнее, относительного эмиадийского возраста Дементьева, рождённого на планете с другим исчислением времени. Самыми младшими в группе были Тамис Шаджоу и Касти Винаро, а самым старшим – Висдеш. Тот был старше Серёги на четыре года, и выходило, что на службу он отправился уже в том возрасте, когда ему оставался всего лишь год до той поры, когда на обучение в войска уже не принимают. Только на работу – и то в таком случае на более низкую оплату и без присвоения воинского звания. В более старшем возрасте отправиться служить было, конечно, можно, но только в том случае, если у кандидата уже имелось востребованная военная специальность. Проще говоря, отслужив положенный срок после обучения, пилот мог спокойно уволиться и вновь вернуться на службу спустя какое-то время – при наличии вакансий, естественно.

– Выравниваемся, – заметил Каринеш спустя несколько кинсов молчания, и Дементьев бросил взгляд на борт-компьютер. Направление на базу снова стало строго западным, а курс авиалётов по-прежнему имел отклонение к югу. И вновь: плавное движение штурвала должно вернуть авиалёт на прежний курс – триста тисанов, строго запад. Однако воздух – это, как учил Валенсес, среда всё-таки подвижная. Мало того, ещё и изменчиво-подвижная, и случилось то, что в воздухе Эмиадии не было редкостью: ветер изменил силу и скорость как раз в тот момент, когда авиалёты начали поворот. Ветер ударяет в приподнятое крыло, и вместо плавного поворота машина начинает валиться в крутой – и опасный из-за своей неожиданности.

Реакция пилотов мгновенна: штурвал наклоняется в другую сторону, авиалёт выравнивается в изменившихся условиях – но курс уже сбит, он стал круче к северу, и теперь придётся снова вставить на курс прежний.

– Кажется, отклонились на двадцать тисанов, – говорит Каринеш, и его голос ещё напряжён из-за пусть и не страшной и кратковременной, но всё-таки потери управляемости, – Бывает же...

– Не везёт, – вставил свой веский комментарий Дементьев, который особо волноваться-то и не начинал. Если занервничаешь, можно натворить дел – слишком резко, например, дёрнуть штурвалом в противоположную сторону, – Хотя Валенсес предупреждал: «семёрка» машина лёгкая, на ветер реагирует резковато.

– Нас уже порядком снесло к северу. Мало того, что курс сейчас триста двадцать восемь, так ещё и ветер прилично изменился, – Дерас словно и не услышал, погружённый в отклонение от курса, – К тому же...

Писк радара обрывает его слова, Дементьев сейчас не видит лица своего ведущего, но знает: тот сейчас точно так же смотрит на экран радара и не верит своим глазам. Потому как писк радара, означавший обнаружение нового объекта, дополнился информацией от системы распознавания «свой-чужой» – точка на радаре была красной!

– Чего-то я не понимаю, – признался Дерас, – Нас что, куда-то снесло?

– За такое время? – хмыкнул Серёга, – Вряд ли. Посмотри – скорость в норме, а навигационный компьютер показывает, что мы в воздушном пространстве Селлестии. А точнее, в четырёх сотнях гаустов от побережья острова Тихуес. Проще говоря, в двадцати с небольшим кинсах лёта от базы.

– Это-то и я понимаю, – отвечает Каринеш, – Но мы, по идее, не должны бы пересечь границу выделенного нам квадрата, верно? А в нашем квадрате не должно проводиться никаких учебных стрельб, стало быть, здесь нет – да и не может быть – учебных воздушных целей. Тогда откуда тут объект, воспринятый радаром как противник?

– Может, сбой электроники? – предположил Дементьев.

– На двух авиалётах сразу? Одновременно и одинаковый? – уточняет Дерас.

– Маловероятно, – соглашается Серёга, и тут же радар подбрасывает новую задачу: еще два писка с небольшой паузой, и тут же на экране оба объекта отображены красным.

– Сдаётся мне, надо с базой связываться, – поделился Дементьев.

– Только сначала курс выровняем, – отвечает его ведущий пилот, – Готов?

– Всегда.

– К повороту... один, два! – в полном соответствии с правилами групповых полётов командует Дерас. Крутые и резкие повороты чреваты столкновением, если один авиалёт повернёт, а второй не успеет. Поэтому подобные маневры должны происходить синхронно – то есть по команде.

Обычно в таких случаях уточняют курс, на который нужно выйти по окончании поворота, но сейчас это не требуется – триста тисанов ровно, другого курса и быть не может. Отметки потенциальных целей – почти на самой кромке радара, компьютер уже вывел на экран данные о противнике: высота, курс, скорость... На это посмотрим потом, сейчас – всё внимание на авиалёт Дераса. Вот наклонилось левое крыло – поворот начался, отлично, значит, и нам пора. Плавно, не нервничая, ветер давит слева – учтём и запомним. Побежала горизонтальная линейка на стекле кабины, услужливо показывая изменение курса. Ведущий авиалёт идёт впереди, Серёга следит, чтобы угол наклона крыльев совпадал – тогда и угол поворота останется одинаковым.

Бегут числа на стекле кабины – триста шестьдесят, триста пятьдесят, триста сорок... Немного упала высота – это ветер давит, наклоненные крылья для него всё равно, что парус, поставленный галсом, вот он и толкает его. Наконец – триста десять, ведущий авиалёт начинает принимать горизонтальное положение. И – тоже плавно, постепенно, начинаем отпускать штурвал, ослаблять давление руки на него. Остальное сделают пружины под полом кабины, которые стараются вернуть рукоять в нейтральное положение. Машина тоже начинает задрать левое крыло и опускать правое, выравниваться – замедляют свой бег электронные числа отметок курса на стекле, слева пропадает вид на облачный покров с просветами далёкой зелёной воды, расстелившийся внизу. Ещё чуть-чуть, почти выровнялись – и число «триста» горит чуть левее неподвижной стрелки-отметки, нужной, чтобы создать точку отсчёта относительно бегущей линейки курса. Не дотянули поворот где-то на полтисана, ну это ничего, сейчас поправим, а заодно и дистанцию с интервалом относительно ведущего отладим. Ещё пара движений штурвалом. Теперь – порядок, курс ровно триста, и хоть пеленг на базу сейчас на три тисана левее, это можно исправить потом. Ветер всё равно снесёт машину к северу, тем более, скорость его увеличилась – уж лучше позже исправить курс. Сейчас гораздо интереснее глянуть на экран радара.

Итак, три объекта – и, судя по всему, не «точечных». Точками радар обычно отмечает объекты маленькие и незначительные, такие, как авиалёты, катера, птицелёты – всё то, что принято называть «средней» и «малой» авиацией. А тут – три половинки эллипсов, так сигнал отражают корпуса кораблей. Расчёты бортового компьютера всё подтвердили – высота сто пятьдесят, скорость восемьдесят три гауста в лейс. На таких высотах и с такой скоростью ходят корабли средних классов тяжести – сухогрузы небольшой грузоподъёмности, пассажирские корабли, или – корабли боевые, такие, как эсминцы или фрегаты.

– Вызываю Базу, – поставил в известность Дементьева по ближней связи Каринеш.

Хорошо, что сказал. Итак, шёлкаем тумблер дальней связи, теперь на динамики шлема идёт звук с обеих радиостанций – но стоит притопить пальцем клавишу на пульте связи, как ближняя будет заблокирована, а микрофон будет переведён в режим работы только на дальнюю связь. Впрочем, это сейчас нужнее Каринешу – ему, как ведущему пилоту, и принадлежит обязанность связываться с вышестоящим начальством.

– Я «Солокс-7 Рк-2», вызываю базу «Риемкоро», – раздался голос Дераса на волнах дальней, средневолновой, связи. Тоже по всем правилам – начинающие пилоты стремились следовать им неукоснительно, вот и сейчас: сначала свой позывной, потом – позывной того, кого вызываешь. В данном случае: модель авиалёта, затем сокращение от названия базы, к которой он приписан, и в последнюю очередь – его порядковый номер среди авиалётов базы.

– Говорит диспетчер учебных полётов базы «Риемкоро», слушаю вас, «С-7 Рк-2», – незамедлительно отвечает Валенсес. Серёга был готов поклясться, что, несмотря на спокойный голос, лицо глайнеса сейчас напряжено – обычно на связь ни с того, ни с сего не выходят. Чаще всего – чтобы доложить о достижении границы района патрулирования и развороте на базу либо при приближении к базе – запросить посадку. Но авиалёты Серёги и Дераса были слишком далеко, чтобы эту посадку просить – это раз; а два – о достижении границы они уже сообщали. И такой вот неожиданный, незапланированный выход на связь мог означать только одно: что-то случилось.

– Нами обнаружена группа из трёх крупных воздушных объектов, опознанных как вражеские, – докладывает Дерас, – Высота целей сто пятьдесят, скорость восемьдесят три, курс... курс север-северо-запад, триста семьдесят девять тисанов.

– Вражеские объекты? – уточняет Валенсес, – Погодите-ка, в вашем квадрате не должно быть целей! Сообщите ваше местоположение, – кажется, инструктору в голову пришло то же самое, что и пилотам: их куда-то снесло и находятся они не там, где должны.

– Квадрат 52—33, движемся примерно в центре квадрата на запад, скорость четыреста десять, высота девятьсот, – докладывает Каринеш.

– Всё верно, там вы сейчас и должны быть, – отвечает Валенсес, – Подождите, сейчас выйду на диспетчера базы Юнжи Срита.

В эфире повисла напряжённая, гнетущая тишина, которая в этот раз тянулась невыносимо долго. Прошло, наверное, кинсов пять, прежде чем Каринеш решился:

– Серёга, давай-ка курс подкорректируем, – сказал он, – Нас опять прилично снесло к северу, да и цели начинают пропадать с радара.

И точно: из трёх объектов радар видел сейчас только один, и то на самой границе зоны чувствительности.

– Не торопись, – отозвался Дементьев, – Чувствую, нам скоро придётся курс менять на север.

– Это вряд ли, – возразил Дерас, – Мы ж ещё ненастоящие пилоты, нас на реальную цель не отправят.

– Не должны отправить, – поправил Серёга, – Но подумай сам: а что, если никого, кроме нас, поблизости нет, а? Ты ведь знаешь: в нашем квадрате никого, кроме нас, нет и быть не может – чтоб мы случайно в кого-нибудь или что-нибудь не врезались, или ещё зачем-то – не знаю. Но в любом случае: где уверенность в том, что севернее нас есть хоть кто-то?

– Пожалуй, ты прав, – согласился Дерас, – Подождём, что скажет Валенсес, а пока никаких распоряжений не было, идём прежним курсом.

Снова ожидание. Теперь уже было не до болтовни между собой: ситуация из лёгкой и непринуждённой стала тяжёлой и напряжённой. Писк радара – последний объект пропал из виду, воздушное пространство на многие гаусты вокруг было абсолютно чистым. И наконец:

– Я диспетчер учебных полётов базы «Риемкоро», вызываю «С-7 Рк-2», – голос Валенсеса изменился, а это случалось не часто. Сейчас он звучал чуть ниже обычного, инструктор говорил чётко и отрывисто.

– «С-7 рк-2» слушает, – отозвался Каринеш.

– Слушайте задачу. Сейчас вам надо сменить частоту радиостанции дальней связи на тридцать два – пятьдесят два, это частота диспетчера средней авиации Восточного Флота, я ему сообщил о вас, он ждёт вашего вызова. С этого момента начинаете выполнять его указания, поняли?

– Да, глайнес, – отвечает Каринеш.

– И ещё, ребята, – добавил Валенсес, – Похоже, ситуация не из рядовых. Поэтому я даже не знаю, что вас там ждёт. В бой вас не бросят точно – во-первых, вы ещё не прошли аттестацию как боевые пилоты, во-вторых, два авиалёта, да ещё и перехватчики, тут всё равно ничего не сделают. Поэтому не волнуйтесь, приказы выполняйте чётко и беспрекословно – в общем, покажите всем, что не зря вы учились у глайнес Валенсес, – в голосе инструктора послышалась усмешка, – А теперь всё, меняйте частоту на тридцать два – пятьдесят два.

Что оба и сделали.

– Я «Солокс – 7 Рк-2», вызываю диспетчерскую Восточного Флота, – тревожный, взволнованный голос Каринеша, тем не менее, звучал отчётливо.

– Говорит геирсад Терен, – услышав голос этого человека в хоть и не изрядных, но уже всё-таки годах, Дементьев напрягся. Из занятий с Пинтро он знал, что всеми авиабазами Восточного Флота, в том числе и «Риемкоро», командует именно он. Мало того – в его подчинении находилась и авиация с «Нименгадо» – единственного авианосца Восточного Флота, а это значило, что все массовые операции с применением авиалётов выполняются под его руководством. Проще говоря, командиры крыльев, стоящих на палубах авианесущих крейсеров, имели как бы двух командиров. Первым был командир крейсера. Но стоило геирсаду Терен послать соответствующий запрос командующему Восточным флотом, как командир крейсера получал приказ о передаче подчинённого ему крыла авиалётов в распоряжение Терена. По поводу последнего же слухи ходили не очень хорошие. Поговаривали, что тот же Валенсес геирсада просто тихо ненавидит, правда, неизвестно, за что. Видимо, было что-то личное, и, тоже по слухам, именно Терен и подписал приказ о списании Валенсеса из боевых пилотов на учебную базу. Пинтро как-то говорил, что Терена не любят за то, что он ни во что не ставит подчинённых ему людей.

Хотя сейчас об этом подумалось как-то вскользь. Насторожило Серёгу другое: раз на позывные Каринеша отозвался лично командующий, значит, ситуация действительно не из рядовых.

А Терен, тем временем, продолжил:

– «С-7 Рк-2», каковы сейчас курс, высота и местоположение целей?

– Цель пропала с экранов радара, – доложил Каринеш, – Двигалась курсом триста семьдесят тисанов к северо-восточной границе квадрата 52—33.

– «С-7 Рк-2», слушайте задачу. Отправиться к месту, где в последний раз была замечена цель. Определить её курс и скорость, сообщить её точные координаты, затем войти в визуальный контакт и постараться получить как можно больше информации: вооружение – если представится возможным – и примерную длину корпуса. Если по вам будет открыт огонь, разрешено использовать боевое оружие для защиты. Атаку цели самостоятельно запрещаю, при открытии огня по вам старайтесь от боя уклониться. Чтоб передать информацию мне, вы обязаны уцелеть, понятно? И ещё: если вас собьют, спасательная операция будет проведена только в случае, если позволит боевая обстановка. Поэтому постарайтесь, чтобы этого не произошло, ясно?

– «С-7 Рк-2» понял, – отозвался Каринеш.

– «С-7 Рк – 3»? – вызвал Терен.

– «С-7 Рк-3» понял, – отозвался Дементьев, притопив-таки кнопку вещания на дальнюю связь, на которую косился ранее.

– Хорошо. Действуйте по обстоятельствам, но мой совет: по приближении к цели разделитесь, чтоб получить свободу маневра и не мешать друг другу. До связи.

– Ну, что, курс ровно ноль? – спросил Каринеш уже по ближней связи, правда, Серёга едва услышал его: в динамики шлема сейчас шло сразу два сигнала. Один – это связь ближняя, второй – это переговоры, которые какое-то звено перехватчиков вело с диспетчерской на той самой «тридцать два – пятьдесят два» – частоте средней авиации.

– Лучше триста девяносто, – ответил Серёга, убавив громкость дальней связи, чтоб не мешала, – Если цель движется на северо-восток, то так мы вернее с ней пересечёмся курсами.

– Тоже верно, – согласился Каринеш, – К повороту?

– Давай. Пойдём пока прежним строем.

– Хорошо... Один, два!

Штурвал резко вправо от себя, поворот на шестьдесят тисанов к северу, в принципе, является крутым. Хотя это смотря по траектории, можно и плавно, конечно, но тогда зачем вся эта пресловутая маневренность перехватчика? Нет, уж если машина позволяет, лучше уронить её на крыло, а потом выровнять – что, в принципе, почти синхронно оба «солокса» сейчас и проделали.

Чуть-чуть подкорректировать курс – ну это как всегда, это уже привычно, хотя стоит признать, с каждым разом эта корректировка становилась всё меньше и меньше. Это постепенно вырабатывался навык сразу по окончании поворота выходить на нужный курс одним только плавным его, поворота, завершением. Видимо, дело тут было в том, чтобы попросту привыкнуть к своей машине, её инерции, которая и без того у «семёрок» была небольшой.

Теперь они шли под небольшим углом на север, где-то между отметками «триста семьдесят пять» – то есть север-северо-восток и «ноль» – то есть север.

– Серёга, а ведь это, по сути, боевое задание, – нарушил молчание Каринеш, – И я тут подумал: а вдруг на палубах тех кораблей есть авиация? Ведь раз Терен назвал их «целью» – стало быть, это или островитяне, или пираты. А помнишь, Валенсес говорил, что Жингкон и Вивия являются одними из главных убежищ для пиратов, а у тех даже палубная авиация есть?

– Ну, на этих трёх её может не быть, – предположил Дементьев, – А ты к чему, вообще-то, об этом заговорил?

– А к тому, дружище, что высота этих кораблей всего сто пятьдесят, а высота облачности: от четырёхсот семидесяти до восьмисот двадцати. А мы идём на девятистах. То есть для визуального контакта нам придётся снижаться на четыреста пятьдесят, а это не самая удобная высота для перехватчика. Мало того: это ещё и не наша рабочая высота, то есть чувствовать мы себя на ней будем крайне неудобно – воздух там, на средних высотах, более плотный, чем здесь.

– Ну, это-то и так понятно, – перебил Серёга, – И к чему ты об этом, всё-таки?

– Да к тому, понимаешь, к тому, что, сколько тебя помню, у тебя всегда неплохо получалось планировать, – ответил Дерас, – Проще говоря, мы имеем только приказ: что делать. А как это сделать: надо подумать, понимаешь?

– Хорошая мысль, Дерас, – ответил Дементьев, – Тогда давай вспоминать, что мы вообще знаем о таких кораблях, каковые, возможно, нас там встретят.

– Что по большей части они сделаны из бывших транспортников, захваченных пиратами и переоборудованных, – хмыкнул Дерас.

– И, при этом, оборудованных чем попало, – дополнил Дементьев, – То есть, вряд ли у них там имеется полноценная система противоавиационной обороны. Если и есть у них на палубе авиация, то я сомневаюсь, что это новейшие перехватчики. Да и к чему им и то, и другое? Зна-

чит, в любом случае, наше безусловное преимущество – это высота и скорость. Если спустимся ниже облаков заранее, нам, скорее всего, конец. Предлагаю подобраться поближе на большой высоте. Тогда успеем заметить, что вылетит нам на встречу: если авиация, то один из нас постарается оттянуть их на себя и увести подальше. Если ракеты, то думаю, успеем их сбить, благо, на крыльях у нас 1,5/6С, они в качестве противоракет подходят хорошо. Ну а там – в пикирование, проходим сквозь облака, выравниваемся, пролетаем мимо них так, чтоб всё рассмотреть, и снова уходим на высоту.

– А если у них и то, и другое? – спросил Каринеш.

– Тогда разделяемся сразу, – ответил Серёга, который уже примерно представлял себе ситуацию, – Один постарается стянуть на себя авиацию врага, второй пытается прорваться сквозь противоавиационную защиту.

– И кто же будет подставляться под авиалёты врага?

– По обстоятельствам, дружище, по обстоятельствам, – хмыкнул Серёга, – Вот они!

Трижды пискнул радар, показав подряд три цели. Сомнений не было – они самые, три корабля, идут прежним курсом, вот только скорость добавили.

– Оружие на боевой взвод, – напомнил Дементьев, сам щёлкнув тумблер, включающий пульт управления огнём.

– Давай-ка лучше ты на позицию ведущего, – сказал Дерас.

– Валенсес тебя же назначил, – возразил Серёга.

– Ага, – согласился Каринеш, – Вот только назначил он меня ведущим в учебном разведывательном полёте. Тебе не кажется, что обстоятельства изменились? К тому же план действий неплох, и он – твой. А стало быть, только ты полностью представляешь себе, что делать. Поэтому и вести тебе.

С этим спорить было трудно, и Серёга согласился. Авиалёт Каринеша немного сбросил скорость, а когда Дементьев обогнал его, добавил снова, расположившись на длину корпуса сзади – это называлось дистанцией; и на размах крыльев левее – это звалось интервалом.

– Набираем высоту до тысячи семисот, – распорядился Серёга, потянув штурвал на себя. Авиалёт задрал нос вверх, но не круто, а немного. Резкий набор высоты в планы Дементьева никак не входил, дистанция до противника позволяла пока не совершать крутых маневров. Левая рука легла на пульт управления огнём.

У «семёрки» было три гашетки: одна на штурвале в передней части, под указательный палец – отвечала за пулемёты. У перехватчика их было два, малого калибра, но зато высокой скорострельности. Крупный калибр нужен истребителям: им атаковать катера и другие цели с толстой обшивкой, которую надо пробить. У штурмовиков так вообще стояла самая настоящая автоматическая пушка, стрелявшая разрывными снарядами и поэтому способная повредить даже лёгкую бронетехнику. А вот перехватчик – авиалёт, приспособленный для борьбы с себе подобными машинами, а на авиалётах толстой броне взяться неоткуда. Зато и попасть по ним сложнее из-за их подвижности – именно поэтому перехватчик был оборудован сразу двумя скорострельными пулемётами, по темпу стрельбы превосходившими все аналоги на других типах. Чем больше зарядов за то же время выпущено, тем больше вероятность того, что хоть один, но попадёт. А в случае с оружием «солоксов» скорострельность была такой, что там, где попала бы одна, цель находили сразу три пули.

Ещё одна кнопка спуска располагалась наверху штурвала – это управление подвесками на кончиках крыльев, где всегда висели ракеты 1,5/6. Особенность этих ракет как раз подходила для перехватчика – мощности заряда вполне хватало для уничтожения любого авиалёта, а в воздушном бою маневренность ракеты очень и очень ценится. Область применения перехватчиков как раз донельзя тесно пересекалась с тактико-техническими характеристиками этих ракет, поэтому подвески на кончиках крыльев были специально оборудованы только и исключительно под класс 1,5/6. Мало того: ракету, висящую на подвеске под крылом, нужно

сначала высвободить из захватов, чтобы она при запуске своего двигателя не ударила бы реактивной струёй в плоскость крыла машины. А это хоть и небольшая, но потеря времени. В воздушном же бою это маленькое запаздывание пуска могло стать фатальным. Если ракету расположить на кончике крыла, то запаздывание уже не требуется – реактивная струя её при этом по большей части уйдёт в воздушное пространство, слегка задев кончик, да и то случится это уже тогда, когда её выхлопные газы успеют остыть. На тех же штурмовиках или истребителях такие крепления не применялись, и гашетке можно было назначить управление любой из подвесок. На «Солоксах» этого не требовалось – поэтому и управление огнём на них было проще.

Третья кнопка располагалась в задней части рукояти штурвала, под большой палец – а вот на ней уже было переключение. Подвески на средней части либо нижних плоскостей крыльев, либо верхних. Ракеты на них навешивались из расчёта наибольшего удобства применительно к тому заданию, которое перед вылетом получал авиалёт. Сегодня там висели ракеты 2/7,5Е, самые маневренные ракеты в классе 2/7,5. Поэтому Дементьев, не колеблясь, задействовал их, даже не переключая. Ведь и на верхних, и на нижних плоскостях стояли те же ракеты, так что разницы никакой. Опустеет одна, бортовой компьютер автоматически переключит управление подвеской с опустевшей на полную.

Тем временем вертикальная световая линейка прокрутки всё бежала вниз, показывая возле отметки всё большие числа, и уже приблизилась к значению «тысяча шестьсот девяносто пять».

– Выравниваемся, – сказал Дементьев, глядя, как на лобовом стекле прямо впереди зажглось перекрестие прицела пулемётов, а по бокам от него появилась пара световых квадратов – это подвеска кончиков крыльев; и между ними и перекрестием прицела – пара ромбов, обозначающих направление пуска ракет со средних подвесок. Нажми на гашетку сейчас – и именно в этих светящихся ромбах на стекле и будут наблюдаться дымные хвосты стартовавших ракет, не имеющих захваченной их боеголовками цели.

А цель, к слову сказать, на экране радара стремительно приближалась – высота увеличилась, плотность воздуха стала меньше и скорость возросла, заодно увеличив давление внизу крыла, державшее авиалёты в воздухе.

Выровнялись окончательно, забравшись почти под потолок – две тысячи тсэров, то есть два гауста высоты. Дальше турбинам начинало уже не хватать кислорода, такая вот неприятная особенность эмиадийской атмосферы. Тысяча семьсот – тоже хорошая высота для перехватчика, почти «рабочая» – но штурмовики и истребители обычно работали гораздо ниже, что, опять же, увеличивало время для выхода на цель и последующей атаки.

Поэтому чаще – от шестисот до тысячи двухсот. Но случай был не обычный, поэтому и высота была тоже не привычной.

Писк радара – новые объекты, на сей раз четыре и все при этом точечные. Идут с большой, слишком высокой для авиалётов, скоростью, по крутой вертикальной траектории.

– Корабельные ракеты противоавиационной обороны, – сказал Каринеш вслух, – Корабельный радар нас не только увидел, мы уже в зоне наведения его ракет.

Ответом ему был двукратный писк сработавших боеголовок ракет 2/7,5, захвативших цель – летящие навстречу ракеты. А когда ракеты противника показались над облаками, на радаре три эллипса отметок кораблей заползли в очерченное кольцо – зону, в которой боеголовки ракет 2/7,5 видели цель. Зону, в которой эти ракеты до цели могли долететь по прямой траектории. Ромбики на стекле дополнились перекрестиями внутри них и сдвинулись со своего «дежурного» места, услужливо показывая на стекле местоположение ракет врага.

– Ждём, пока заползут в радиус действия ракет 1,5/6, – сказал Серёга, – Ракет противника всего четыре, поэтому для верности – два залпа по четыре ракеты.

– По твоей команде или по готовности? – уточнил Дерас.

– По готовности. Как работает боеголовка – сразу пуск.

Боеголовки себя ждать не заставили.

*Восточное Море, остров Тихуес,
внешний рейд Юнжи Срита,
в то же время.*

Мейлиш любил эту погоду. Прохладно, но не холодно. Свежо, но не зябко. Ветер с юга – сухой, морозно-чистый, нагретый по пути сюда, задувал в открытое кормовое окно центральной рубки. В это окно сейчас Мейлиш и смотрел – чистый горизонт, остальные корабли стоят севернее и потому не загораживают небо. «Пасгедас» в этот раз встал удачно – ни один из кораблей-соседей не помешал бы ему выйти с рейда в воздушное пространство, не пришлось бы ждать их отхода или набирать высоту, чтобы пройти над ними. До берега недалеко, и куда-то туда сейчас устремлены взгляды команды – там Юнжи Срит, там есть, где погулять вволю. Юнжи всегда жил хорошо – верфи давали работу, соседний порт Камо-Фрай – импортные товары без наценки на перевозку внутри страны, да и экипажи кораблей пополняли бюджет многочисленных значных мест, когда шли погулять на берег.

Но сегодня из экипажа «Пасгедаса» на берегу не было никого. Впрочем, как и вчера. И позавчера. Третий день как на флоте был объявлен режим повышенной готовности: данные разведки, как всегда, размытые и неясные, говорили о том, что Жингкон готовит новое нападение на Селлестию. Других данных от разведки, похоже, не бывало принципиально. Всегда размытые. Всегда неясные. И как всегда – никакой конкретной информации. Это, видимо, чтобы никто не упрекнул в недостоверности разведанных. Мол, через три дня, в полдень, там-то и там-то будет совершено нападение. А тут нападение произошло не в полдень, а вечером – всё, разведка ошиблась, провалила задачу. А так – через три дня, возможно, будет нападение. Состоялось через четыре? Отлично, мы же разведка, мы же предупредили: «возможно»! И отвалите с претензиями, мы не ошиблись...

– Ваш чай, геирсей, – раздался голос сзади. Котри, помощник кока. Конечно, напиток, который он подавал командиру авианесущего крейсера, с настоящим чайным листом ничего общего не имел, зато принцип изготовления был тот же: сушеные листья тропического кустарника мисми, запаренные в кипятке. Именно этот напиток и обозвал про себя «чаем» Дементьев, но Мейлиш, разумеется, этого не знал и знать не мог. Равно как и того, что тот самый Дементьев, долгое время являвшийся «гостем» крейсера и получивший документы гражданина Селлестии из его же, Мейлиша, рук, недавно поднялся с посадочной площадки базы «Риемкоро». И мало того, находится сейчас здесь, рядом, в Восточном море, отправившись в очередное учебное патрулирование вместе со своим другом Дерасом Каринеш.

– Спасибо, – ответил Мейлиш, взяв услужливо поданную чашку. Вообще, все наставления настоятельно не рекомендовали подавать подобный пример: место несения службы есть место несения службы, а чай распивать – для этого тоже существуют специальные помещения. Но командир «Пасгедаса» ввёл в это правило свою корректировку, приняв к ароматно пахнущей чашке. Кроме него это разрешено было только командирам служб корабля, по очереди принимавших суточную вахту. На каждом корабле – свои правила, если, конечно, это не противоречило соответствующим Кодексам, регламентировавшим вопросы службы.

Геирсей отхлебнул, и напиток горячей волной прокатился где-то внутри груди, обжёг желудок, разлил приятное тепло по телу. Крепкий, да ещё и приправленный молотыми в порошок листьями боу – оло, придавшим напитку оттенок пряности и характерную кислинку. Молодец, Котри – чай заварил как надо, всё в меру и всё по вкусу командира. Мейлиш готов был поручиться, что и старший помощник, и старший штурман, и главный артиллерист, и даже старший механик – словом, все вахтенные командиры тоже получают свой чай в точном соответствии со своими вкусами. Котри был из тех, кто попал на крейсер без вообще какой-либо специальности и обучения. Словом, ему нельзя было доверить даже огнетушитель. Бывший

десантник, которого хотели расконтрактовать за нарушение правил обращения с оружием, он долго упрашивал командиров оставить его дослужить контракт. Оружие ему было доверить уже нельзя, какие-либо узлы или механизмы крейсера – тоже, а вот чай приносить или помогать по камбузу он мог вполне, к тому же, парень старался всем угодить. А что ему оставалось, если при приёме на крейсер его предупредили, что полетит на берег за малейшую оплошность? А тут удачно подвернулась вакансия в команде старшего кока – так Котри и оказался на камбузе. Вакансия, к слову сказать, подвернулась как раз кстати. Предшественник Котри, присланный с какой-то учебной базы отрабатывать заложенную в контракте неустойку, свой срок отбыл и благополучно отправился домой. Разрыв контракта означал для Котри то, что дорога в вооружённые силы ему была бы закрыта. А так, доработав ещё три месяца, он спокойно мог заключить новый контракт и даже отправиться на переобучение на какую-нибудь базу, получить там, скажем, корабельную специальность и вновь пойти служить на флот. Да хоть тем же коком!

Ещё глоток. Хорошо вот так стоять, подставив грудь южному ветру, согревая её изнутри чаем. Мейлиш глянул вниз, сквозь балки находившейся сразу позади рубки мачты. Туда, где позади палуб надстройки находилась посадочная площадка, тянувшаяся почти до самой кормы. «Пасгедас», как и однотипный с ним «Пиккерено», именно расположением площадки и отличался от других авианесущих крейсеров, тех же «Саттаса» и «Тесита». Те были построены на основе тяжёлых крейсеров, вот только орудийных блоков у них на носу стоял всего один. За счёт того, что один орудийный блок был убран, надстройку сдвинули вперёд, к носу, а освободившееся позади надстройки место между ней и двумя бортовыми с одним кормовым блоками использовали под посадочную площадку для авиалётов. У «Пасгедаса» же посадочная площадка находилась над главной палубой, где стоял кормовой блок, способный, при необходимости, развернуться для стрельбы в любой из двух бортов. На корме кромка площадки заканчивалась как раз там, где находились оси вращения блока, а носовой своей кромкой как раз примыкала ко второму этажу – деку надстройки. Как результат – не пришлось сдвигать её относительно корпуса. «Пасгедас» был построен уже не на основе тяжёлого крейсера, а на основе тех наработок, которые были получены при постройке авианесущих «Саттаса», «Тесита» и других крейсеров из их поколения.

При том же вооружении «Пасгедас» за счёт освободившегося в результате подъёма посадочной площадки над главной палубой места имел чуть меньшие габариты, чем те же «Саттас» и «Тесит». По своим размерам «Пасгедас» был ближе к крейсерам ударным – тому же «Дестиро» или «Декритасу», однако всё равно чуть превосходил их по длине и ширине. Зато и высвободившийся в результате уменьшения количества вооружения максимальный вес был потрачен на установку более мощных и более новых турбин. «Пиккерено» и «Пасгедас» уступали по количеству орудий главного калибра авианесущим крейсерам первого поколения. Но зато превосходили их по скорости, времени нахождения в автономном плавании, несли больше ракет дальнего радиуса, были оснащены более совершенной системой защиты от ракет и крылатой авиации противника... Перечислять можно долго, но что самое главное, запас живучести у них был выше, чем всех других крейсеров Восточного Флота. Это за счёт того, что на тот же объём отсеков плавучести у авианесущих крейсеров приходился меньший вес.

Именно поэтому «Пасгедас», взлетевший с опор построечной площадки завода-изготовителя пять лет назад, всё время был в деле. Крейсер проходил «обкатку» – ответственные лица в правительстве страны как бы со стороны присматривали за концепцией постройки авианесущих крейсеров, отмечая успехи и провалы конструкторов, делая наметки на будущие улучшения для новых кораблей. Вернувшись с учений с в Немвале, где «Пасгедас» показал себя с самой лучшей стороны, крейсер тут же встал на боевое дежурство. Команде попросту не дали времени отдохнуть. Не успели придти – и пожалуйста, вот вам – угроза нападения.

Глядя вниз, на площадку, где возле авиалётов деловито сновали пилоты вперемешку с техниками, Мейлиш им даже чуть-чуть посочувствовал. Прошедшим по уровню интеллекта на Приёмной Базе в группу, получившую допуск к сложной технике, а по состоянию здоровья и скорости психо-неврологической реакции – к крылатой авиации, этим ребятам сейчас было гораздо тяжелее, чем всем остальным из команды крейсера. Тех просто не пускали на берег, а вот пилотам в связи с объявлением угрозы пришлось выйти на усиленный график патрулирования воздушного пространства. Обычно в воздухе находилось четыре машины из двенадцати. Тринадцатая, принадлежащая командиру, в патрулировании не участвовала никогда. Применительно к двенадцатому крылу авиалётов, базирующемуся на «Пасгедасе», это означало, что в воздухе должно было находиться два истребителя: один из числа тяжёлых, которыми командовала сиргуд Игэм Уэйтонес; и один из числа средних, кои находились под командой сиргуда Кигаса Экденеса. От атак с земли их должен был прикрывать один из штурмовиков – эти три авиалёта находились в ведении заместителя командира крыла, этранес Тиры Серонес. А прикрытие от авиации врага обеспечивали перехватчики из звена, находившегося под командованием сиргуда Калеса Иссиро.

Всех их Мейлиш знал в лицо, по имени, на память мог полностью воспроизвести их досье и послужные списки. Спасибо старшему помощнику Астиаро – передал свои знания экипажа, как мог.

На палубе сейчас стояла только половина крыла – всего восемь машин, активно готовящихся к вылету. В обычном режиме патрулирования четыре авиалёта готовились, четыре отдыхали, четыре патрулировали. В режиме усиленном, как сейчас, в воздухе постоянно находилось восемь авиалётов, сменявших друг друга по «скользящему» графику. В итоге вместо полноценного отдыха и спокойной подготовки – обрывок сна, быстрый приём пищи и авральная подготовка к следующему вылету. Пилотам палубной авиации доставалось сильнее, чем другим членам экипажа – но зато и плата по контракту у них была повыше, чем, если бы со своим допуском к сложной технике их отправили, скажем, в турбинное отделение, в службу механиков. Там тоже требовались и знание, и ум – но почти не была нужна быстрота реакции, основной показатель для набора в пилоты авиалётов. Принцип отбора в Селлестийские Вооружённые Силы был прост: не человек выбирает профессию, а профессия – человека. Желание же одного человека, решившего провести первый, пробный, год в войсках в качестве младшего состава, если и учитывалось, то в последнюю очередь. Да и то – ежели по всем параметрам организма он проходил сразу в два вида войск.

Из тех, кто находился сейчас на палубе, Мейлиш узнал двоих: Тиру Серонес, служившую на «Пасгедасе» с самого начала, с того времени, как крейсер встал на боевое дежурство. Всегда спокойна, холодна и расчетлива, двадцать четыре года, безупречный послужной список: стартовый контракт, потом второй сразу на пять. Кстати, не забыть поблагодарить её лично за прекрасно проведённые стрельбы в Немвале – именно благодаря авиации Селлестийским военным чинам удалось убедить союзников в том, что авианесущий крейсер прекрасно справляется с теми задачами, для которых обычно нужны совсем другие корабли. Мелкая, рассеянная групповая цель в складках местности. Это задача сложная для корабля, особенно для крейсера, попробуй, накрой такую с одного залпа! Но, после того, как там прошлась Тира с парой пилотов своего звена, от макетов целей остались только уголья да головешки. Ни одна из целей не осталась пропущенной, уничтожили все, даже добились те, которые можно было считать «недобитыми». Тира пришла на корабль в звании ривонек, прямо с учебной базы, но уже успела побывать и в стычках с пиратами, в одной из которых и погиб предыдущий командир двенадцатого крыла.

Сам же командир крыла, глайнес Илмеги, возглавил авиацию «Пасгедаса» три года назад, когда пошёл на повышение после шести лет на «Саттасе». Будучи там заместителем командира в звании сатранд, был отправлен на курсы «тактика воздушных боёв для соединений крылатой

авиации». По окончании учёбы экзамены сдал на отлично и получил назначение на «Пасгедас» вместе со званием глайнес. Почти сразу же за ним по его запросу – и ответному согласию – в двенадцатое крыло перевели его соратницу по службе на «Саттасе» – сиргуд Игэм Уэйтонес. Та была полной противоположностью Тиры – резкая, импульсивная, охотно идущая на риск. Но при этом – отличный пилот с боевым опытом, полученным на том же «Саттасе», стартовый контракт подписала сразу на три года, потом – второй, ещё на три. Ни замечаний, ни нареканий, ни нарушений.

Уэйтонес сейчас была в воздухе. Второй из пилотов, которого узнал Мейлиш, был сиргуд Калес Иссиро – тот пришёл на крейсер всего год назад, когда закончился срок контракта предыдущего командира звена перехватчиков. Иссиро отличался уверенностью в себе, был смел и инициативен. Неплохие качества для начинающего командира, если бы не одно «но» – в послужном списке стояла отметка о пререканиях с Тирой Серонес – парня оштрафовали, он вроде поумнел, но по крейсеру ходили слухи, что дело обстоит не совсем так, как представлялось официально. Впрочем, особо никто и не разбирался – сиргуд Иссиро всё признал и раскаялся, чего ещё нужно для записи в документы? А слухи, что якобы этранес Серонес пару раз приложила парня лицом о палубу за обсуждение приказов Илмеги – кому они нужны? Слухи к официальному документу не прилепишь, а проводить расследование Мейлиш не стал. «Не чини то, что работает» – так выразался командир службы электромехаников крейсера, и Мейлиш с этим был полностью согласен. Персонал крыла авиалётов работал хорошо и слаженно, так что лишняя «починка» не требовалась.

Мейлиш допил мисми, поставил чашку на подоконник широкого кормового окна рубки. Что-то монотонно говорил диспетчер авиации крейсера – из Юнжи возвращались птицелёты с пополнением запасов провизии, а вот катер, на котором старпом отбыл за боеприпасами, почему-то задерживался уже на лейс. Впрочем, судя по болтовне диспетчера, дело было не в старпومه, а в том, что командующий Восточным Флотом никак не выдавал разрешение на погрузку катера – по той простой причине, что командующего почему-то на месте не было, а его заместитель куда-то запропастился.

«Разгильдяи», – подумал Мейлиш, ощутив, что в животе заурчало – не надо было пропускать завтрак. Хотя у командира корабля распорядка, как такового, почти нет – есть дела, ради которых приходится бросать всё. Видимо, у верхушки Восточного Флота такие дела тоже были – но, к Архаку, не сейчас же, когда объявлена повышенная готовность!

Вот «Пиккерено» хорошо – стоит сейчас себе в Лангесе, на рейде, на время выведенный из боевого дежурства. Случилось нападение на торговый караван, в охранении которого он шёл. Повредили правую турбину, левой пришлось отдуваться за двоих, из-за чего в той возникла масса мелких неисправностей.... В итоге – обе турбины разобраны, крейсер стоит на мёртвом якоре на ближнем рейде порта – красота! «Пасгедасу» тоже не мешало бы перебрать турбины – разобрать, почистить, отладить, собрать заново – но возможности такой пока не представлялось. И когда она появится – непонятно.

Эх, Лангес, Лангес! Тёплое и ласковое побережье, красивый город, но Мейлиша тянуло в него не из-за возможности заняться кораблём, как это выпало командиру того же «Пиккерено». И не возможность как-то отдохнуть и сменить обстановку, и не ещё что-то низменное и приземлённое, нет! Светлое чувство разделённой любви, обострённой разлукой и расставанием – вот что звало и тянуло геирсея туда. В отличие от многих командиров Восточного Флота, он не обзавёлся семьёй ни в Юнжи Срите, ни даже в Камо-Фрай. Его любовь, которая была младше его на десять лет, жила именно в Лангесе с детьми – вот почему при первой же возможности Мейлиш отправлялся туда. Любовь была взаимной и откровенной – так любят только те люди, которые уже обожглись на этом чувстве в молодости, кто познал разницу между настоящим чувством и простой привязанностью.

А познав, сделал выбор в пользу чувств, а не в пользу комфортности взаимоотношений, построенных из принципа «чтобы всё устраивало». Нет, Мейлиш и его возлюбленная, о существовании которой никто из экипажа крейсера не подозревал, холили и лелеяли свою любовь, усиливая её в себе расстоянием. Упивались долгим ожиданием непродолжительных встреч: дня три-четыре в месяц в общей сложности, но зато эти дни были наполнены особой полной жизни, фейерверком чувств, каскадом эмоций, простым и потому бескомпромиссным счастьем, ярче и светлее которого попросту не существует. И тень, отбрасываемая этими тремя днями, согревала душу и сердце всё остальное время, что длилась разлука. Это была любовь без нудного быта, любовь без взаимных претензий, подозрений и ревности, мелких ссор и обыденности, без скуки от того, что нечем заняться, не о чем поговорить. Мейлишу и его любимой всегда было, что рассказать друг другу. Они упивались каждым совместно проведённым мгном, не спали сутками – чтобы не тратить время на сон, отоспаться можно и потом, когда настанет очередное расставание – и потом видеть сны друг о друге, мечтая, что наступит время очередного заводского ремонта крейсера.

Как и любой другой корабль Восточного Флота, «Пасгедас» раз в году на месяц опускался на те же самые посадочные опоры, с которых когда-то впервые поднялся в небо, откачав воздух из отсеков плавучести. Тогда эти отсеки заполняли воздухом, по кораблю начинали деловито сновать специалисты завода, проводился полный осмотр, необходимый ремонт и профилактика всех систем корабля – а команда отправлялась в гарантированный контрактом отпуск. В этом году его предстояло ждать ещё три месяца – и введённый на флоте режим повышенной готовности геирсея никак не радовал. Именно из-за этого режима и откладывалась отправка торгового каравана в Сименелию. Поломка турбин «Пиккерено» означала бы только одно: что вместо него в охранении пойдёт «Пасгедас», а стало быть, заход в Лангес был бы неизбежен.

Часть кораблей двинется отсюда, из порта Камо-Фрай – маршрут из Сиборсии пролегал как раз через северную оконечность острова Тихуес. Другая часть присоединится к каравану позже, в Лангесе. Оттуда – почти два дня хода до Генератора Точки Скольжения, уже там караван перенесётся в точку, находящуюся в двух – трёх днях хода до Сименелии. Дальше – нейтральные воды, где встречались пираты, и вот как раз там придётся держать ухо востро до самой границы воздушного пространства этой страны. Потом корабли начнут разделяться: одна часть каравана останется в портах Сименелии, другая пойдёт в Андалию, третья – в Юрикан и Сэнассию. Вот там уже по-настоящему опасно, там пираты не просто «шалили» – скорее, считали воздушное пространство восточной части материка Андикан своей вотчиной. После погрузки – выгрузки караван сформируется снова: может, сменится пара кораблей, а там – в обратный путь, к Генератору Точки Скольжения, прыжок, позволяющий сэкономить две недели пути – и снова пару дней до Лангеса, короткая остановка, после чего крейсер направился бы в Юнжи Срит...

Такой поход с караваном означал бы как минимум четверо суток, которые можно было бы провести с любимой. Но отправка каравана откладывалась, пока не будет снят режим повышенной готовности.

Мейлиш отошёл от кормового окна и направился к носовому. Плясали пятна света Белувы на воде, море внизу рябило от прохладного южного ветра, который начал резко усиливаться, и из-за смеси теней облаков и просветов в них вода приобрела металлический цвет. Командир крейсера смотрел на север, туда, где за горизонтом раскинулся город Лангес. Эх, случилось бы что-нибудь, хоть что-то, что позволило бы отправиться на север! При чём, отправиться именно «Пасгедасу», а не кому-либо ещё. Хотя кораблей на внешнем рейде Юнжи Срита хватало: Мейлиш бросил взгляд на стоящего впереди ветерана Восточного Флота – «Ирсис», где командиром был его давний друг, геирсей Райнеш, с которым, несмотря на разницу в возрасте в девять лет, общий язык находился всегда. «Ирсис» относился к классу тяжёлых крейсеров и нёс на себе шесть оружейных блоков, это был грозный корабль, но по скорости

и маневренности ему с «Пасгедасом», конечно, не тягаться. Да и годы сказывались, двадцать пять лет – это уже преклонный возраст для корабля. Второй из тяжёлых крейсеров Восточного Флота был куда новее – «Мессиноро» был построен двенадцать лет назад. Несмотря на то, что он по вооружению, габаритам и оснащению не отличался от «Ирсиса», бегал хоть и не намного, но резвее.

Рядом с «Ирсисом» стояли практически борт о борт корабли-близнецы, и если бы не названия на корме, их и отличить-то было бы невозможно. Построенные в одно и то же время, по одним и тем же чертежам, на одном и том же заводе, ударные крейсера «Декритас» и «Дестиеро» тоже редко стояли без дела. Им исполнилось уже по тринадцать, и из шести ударных крейсеров Восточного Флота они не были ни самыми старыми, ни самыми новыми. Ещё дальше виднелись узкие, вытянутые корпуса фрегатов «Дэсино» и «Осбос» – как и авианесущих крейсеров, этих в составе флота тоже было четыре. Восемь было эсминцев, и только половина из них сейчас находилась на рейде. Стояли они намного севернее, так, что только в бинокль и различишь: новенькие, три года назад поднявшиеся в воздух «Терагис» и «Менегано».

Ещё дальше, заслонённые корпусом «Ирсиса» и невидимые из рубки «Пасгедаса» стояли уже корабли зрелые: двадцатилетний «Оирон» и семнадцатилетний «Эрширес». Эти, напротив, корпуса имели покороче и пошире. Это были корабли, предназначенные для ближнего боя с противником, для уничтожения крупных наземных целей за счёт установленных на корме миномётов с зарядами большой мощности. Если фрегаты несли в основном ракетное вооружение и предназначались для того, чтобы обстрелять противника с безопасной дистанции и потом уйти от ближнего боя на хорошей скорости, то миноносцы несли на себе ещё и небольшой груз мин, чтобы сбросить их и в случае отхода своих кораблей перекрыть преследователям путь.

Все, кого не было сейчас на рейде, находились в плавании. Сопровождение караванов, патрулирование вблизи Договорной Зоны, охота за пиратами в нейтральных водах – ни один корабль, даже лёгкого класса, без дела не стоял. Лёгкие корабли в восприятии Мейлиша так и вообще всерьёз воспринимать было нельзя: им даже имён не присваивали, только номера.

«Сила. Не просто Сила, нет – силища, способная сметать с лица планеты города. И всё это завязано в мелочных стычках, которые кончаются ничем. Встретили пиратский корабль, постреляли друг в друга, получили повреждения, и, как правило, разошлись. В итоге – уничтоженный пиратский корабль это почти подвиг. Не мирный транспорт, который обвешан оружием, а самый настоящий пират, построенный неизвестно где и неизвестно кем с одной лишь целью. Целью совершения вот таких вот набегов, разведок боем: если охранение каравана справилось – значит, не стоит рисковать. Если дало слабину – вызвать подмогу и уничтожить конвой. И так уже лет десять.

Нужно бить по базам пиратов, формировать целые эскадры и бросать на уничтожение гнёзд этих паразитов, поганящих небо одним своим присутствием. Трусов, способных по-настоящему воевать лишь с пассажирами да транспортами. Ну, встретился «Пиккерено» с пиратами – и что? Получил снаряд в турбину, повредил в ответ пиратское судно, те поняли, что «Пиккерено» им не по зубам и скрылись – куда там, догонишь их на одной турбине.... Архак бы подрал всех этих дипломатов, погрязших в своих законах, Договорах, соглашениях и прочей ерунде. А иначе – зачем держать всю эту массу кораблей, если даже непонятно, кто противник? Если это война одиночек, которая то тухнет, то вспыхивает снова? Укажите нам противника, дайте нам врага – и уничтожим раз и навсегда, чтоб стало спокойно. Чтоб не торчать на рейдах без покоя и отдыха только потому, что, видите ли, у разведки неясные данные...

Архак бы подрал разведку! И дипломатов вместе с ней...» – думал Мейлиш, глядя на то, как ветер далеко внизу гонит волны на север.

– Что там? – вслух сказал он, обернувшись к диспетчеру, уютно устроившемуся в углу рядом с радиометристами так, чтобы ему было видно экраны их радаров. У диспетчера был

свой пульт радиосвязи, свой навигационный компьютер, следящий за палубной авиацией «Пасгедаса» – в общем, все условия для контроля полётов.

– Катер по-прежнему в городе, – сказал тот, поднявшись, – Командующий сейчас находится с инспекцией на одной из учебных баз, где недавно разбился учебный авиалёт, его заместитель отбыл в мэрию – какие-то там организационные вопросы с гражданскими нужно утрясти. Будут через лейс, за главного в штабе флота остался геирсад Терен, а подобные вопросы вне его компетенции... Патрули наши крутятся в заданных квадратах, первая смена готовится к возвращению, третья – к тому, чтобы её сменить. Птицелёты с продуктами уже вон там – диспетчер указал в окно, где над очертаниями рельефа острова виднелись две неясные пока точки. Посадку ещё не запрашивали... Я тут послушал частоту других кораблей – «Сатгаса» и «Тесита» – у них тоже чисто, патрули рапортууют, что в воздухе никого. Береговая авиация тоже ничего этакое не увидела...

Мейлиш молча сделал утвердительный жест, краем глаза отметил появление Котри, забравшего чашку с окна, окинул взглядом почти пустую рубку – дежурный артиллерист, Тейджи, спал с открытыми глазами за своим пультом. Взгляд его был отсутствующим, глаза почти не моргали – бедолага, до сих пор переживает потерю сестры, видимо, самого близкого и родного ему человека в мире. Не спит ночами – и в итоге на свой пост является вот в таком полусонном состоянии. Геирсей по привычке уже хотел одёрнуть парня, ведь командир терпеть не мог, когда на его крейсере начинали нести службу спустя рукава, но передумал. Вместо этого он скосился на часы – его вахта уже заканчивается, вот-вот на дежурство заступит следующая смена. К концу вахты все устают, и Тейджи – не исключение. Так что простим... до следующего раза, разумеется.

В рубке повисла тишина – тяжёлая и гнетущая, ещё более давящая на мысли неясностью обстановки. Мейлиш молча наблюдал за тем, как две точки над горизонтом постепенно приобретают очертания металлических стрекоз – последние, к слову, на Эмиадии не водились, и такого сравнения командир крейсера провести попросту не мог. Для него птицелёты казались попросту механическими птицами, способными очень быстро махать крыльями – так, что и не различишь. Это всё, что оставалось делать сейчас, ожидая, что хоть что-то, но произойдёт. Да хотя бы подойдёт конец его вахты, чего уж там...

– Геирсей! – окликнул его диспетчер палубной авиации, – Думаю, вам будет интересно послушать...

«Произошло», – каким-то шестым чувством, чутьём бывалого вояки понял Мейлиш, быстро, но, сохраняя достоинство, направляясь к пульту диспетчера.

– На частоте береговой авиации, – пояснил тот, прибавляя громкость и переключая вещание со своих наушников на закреплённый на панели динамик.

– ... в последний раз была замечена цель. Определить её курс и скорость, сообщить её точные координаты, затем войти в визуальный контакт и постараться получить как можно больше информации: вооружение – если представится возможным – и примерную длину корпуса. Если по вам будет открыт огонь, разрешено использовать боевое оружие для защиты. Атаку цели самостоятельно запрещаю, при открытии огня по вам старайтесь от боя уклониться. Чтоб передать информацию мне, вы обязаны уцелеть, понятно? И ещё: если вас собьют, спасательная операция будет проведена только в случае, если позволит боевая обстановка. Поэтому постарайтесь, чтобы этого не произошло, ясно? – донёсся голос, который командир крейсера узнал сразу: это говорил Терен.

Раздался ответ пилотов, искажённый помехами настолько, что приёмник «Пасгедаса» его попросту не смог преобразовать в понятный для человеческого уха сигнал. У Терена подобной проблемы не было – приёмо-передатчик штаба обеспечивался превосходным сигналом со станции радиослежения, находящейся прямо в черте города.

– Два учебных авиалёта обнаружили крупную групповую цель, – пояснил диспетчер, – И, похоже, произошло это абсолютно случайно...

– Где? – перебил Мейлиш, делая пару шагов в сторону, туда, где на мониторе штурманского пульта светилась карта Восточного Моря.

– Квадрат 52—33, идут на скорости восемьдесят три на север-северо-восток, – отрапортовал диспетчер.

Мейлиш сделал в уме быстрый подсчёт. Наверняка цель движется не на максимально возможной скорости, но близко к этой отметке. Так быстро, как это возможно, не насилуя турбины. И то – если корабли цели на турбинном ходу. Вполне возможно, что они вообще пропеллерные... Ну да не в этом дело. Его «Пасгедас», как и «Пиккерено», был одним из самых быстрых крейсеров Восточного Флота и – точно так же, не издеваясь над турбинами – мог разогнаться до девяноста гаустов за лейс. Сейчас на крейсере не было почти половины штатного боезапаса и половины запаса топлива – это делало его ещё легче, и значит, ещё быстрее этак на десятку тэров. А если выжать всю мощность из турбин – то он разгонится на все сто десять. Выходило, что если цель сохранит курс и скорость, то через пять лейсов она достигнет рейдов Лангеса, где из боевых кораблей находились только неспособный двигаться из-за ремонта турбин «Пиккерено» да сверхтяжёлый крейсер «Эстелеро». Словом, за рейд можно не беспокоиться, а вот если возле Лангеса они сменят курс, чтобы не повстречаться с грозным «Эстелеро», то – ищи их потом, уйдут в нейтральные воды. Если «Пасгедас» выдвинется сейчас, то цель он сможет нагнать лейса через три...

– Геирсей, поступила информация от учебных авиалётов, – отрапортовал диспетчер.

«И как он умудрился что-то разобрать сквозь помехи?» – успел удивиться Мейлиш, но вслух сказал невозмутимо: – Докладывайте.

– Им удалось подобраться к цели на дистанцию визуального контакта. Цель состоит из кораблей, схожих по классу с миноносцем и двумя корветами. На том корабле, что похож на эсминец, большой груз торпед.

«Торпеды... К Архаку, для чего торпеды в пиратской вылазке? И для чего тогда представлять к грузённому торпедами кораблю, который из-за них движется медленнее, в качестве охранения два лёгких и быстроходных корвета?» – задумался Мейлиш, а события тем временем разворачивались дальше.

На частоте 3252 началось оживление – Терен уточнял, какое звено авиалётов находится ближе к цели, чтобы отправить его следить за группой кораблей противника. Выяснив и отправив группу перехватчиков «Корнод» с базы береговой охраны, геирсад, как и полагается командующему авиацией флота, начал отдавать распоряжения об отправке бомбардировщиков дальнего действия на перехват.

«Вот для этого и нужны корветы, вооружённые, в основном, лёгкими орудиями. Бомбардировщики для них – очень хорошая мишень. А миноносец с торпедами – зачем, для чего? Торпеды нужны для стрельбы почти в упор, чтобы сбить корабль наверняка с одного выстрела – но пиратам сбитый корабль не нужен. Со сбитого корабля ценный груз не снимешь... Что же тогда? Они намеренно так идут, чтобы кого-то сбить? Но – кого?» – ломал голову Мейлиш.

И ответ пришёл сам собой. Эстелеро. Крейсер с бронёй, которую не пробить снарядом с корабля лёгкого или среднего класса. Бронированный монстр с орудиями, способными бить на недоступные для других кораблей дистанции. Крейсер с калибром, способным крушить даже железобетонные лбы наземных батарей. Крейсер, способный отправить корабль наподобие «Пасгедаса» на грунт всего одним залпом. Таких крейсеров – всего три на всю Селлестию, и всего один на Восточный Флот. И единственная его слабость – практически полная беспомощность перед кораблями лёгкого класса, пока «Эстелеро» развернёт свои смертоносные орудия, те уже успеют сменить местоположение. Для этого и нужны торпеды – другого способа причинить хоть какой-то вред флагману Восточного Флота у Жингкона попросту нет.

Мейлиш понял то, что пока что оставалось загадкой для Терена – это не очередная вылазка островитян с целью наживы, это – превентивный удар по Восточному Флоту.

– Связь с Тереном, – бросил Мейлиш вахтенному радисту, уже понимая, что геирсад попросту не видит другого выхода, кроме отправки бомбардировщиков. Кораблями напрямую он командовать не может – ни командующего, ни его заместителя на месте нет.

– «Пасгедас» вызывает геирсада Терен, – медленно, отчётливо произнёс Мейлиш в микрофон.

– Слушаю вас, Мейлиш, – отозвался Терен, – Что у вас?

– Геирсад, я думаю, что отправка бомбардировщиков в данном случае – не лучшее решение.

– Геирсей, – с нажимом, словно напоминая на разницу в званиях, ответил командующий авиацией, – Вы забываете о субординации...

– Можете подать запрос о вынесении мне взыскания. Но я должен сообщить вам, что противник, скорее всего, как раз этого и ждёт, – с ехидцей в голосе перебил Мейлиш, – Раз он не стал прилагать усилия к тому, чтобы уничтожить обнаружившие его перехватчики и сменить после этого курс, дабы его местоположение снова стало для нас тайной... Значит, он экономит средства противовоздушной обороны для более серьёзной цели. То есть ждёт наши бомбардировщики. И поэтому я прошу вашего разрешения – отправить мой крейсер на перехват противника.

– Мейлиш, – чуть ли не сквозь зубы проговорил Терен, – Даже если вы и достигнете противника, в чём я, зная характеристики вашего корабля, не сомневаюсь, то вы не справитесь в одиночку с тремя кораблями врага. Поэтому такого разрешения я дать попросту не могу.

– Эскадренный миноносец «Менагано» запрашивает разрешения отправиться вместе с «Пасгедасом» под командой геирсея Мейлиш, – раздался из радиации новый голос, – Ответственность за последствия боевого выхода без приказа командующего Восточным Флотом командир «Менагано» готов взять на себя.

Видимо, не только «Пасгедас» слушал частоту средней авиации.

– Прошу прощения, но вам бы, геирсей Мейлиш, не помешал бы ещё и фрегат, а то одного эсминца в охранении будет маловато, – добавился ещё один голос, который командир «Пасгедаса» узнать не смог, – Поэтому фрегат «Дэсино» так же запрашивает разрешение на выход вместе с «Менагано» и «Пасгедасом»...

Скорость соединения кораблей определяется скоростью самого медленного корабля. «Менагано» и «Дэсино» от «Пасгедаса» бы не отстали, первый был построен совсем недавно, и без груза мин на борту способен был, пожалуй, даже обогнуть «Пасгедас». «Дэсино» же, как и положено кораблю такого класса, был по определению быстроходным.

– Готов принять на себя ответственность не только за выход своего крейсера, но и за всё соединение, – решительно произнёс Мейлиш, зная, что добрая половина флота сейчас его слушает, и что этой фразой он практически припирает Терена к стенке. Тот мог бы сослаться на то, что не собирается брать на себя подобную ответственность; но Мейлиш как бы освобождал его от неё, Правила позволяли командирам подразделений в подобной обстановке запрашивать разрешения на самостоятельные действия и отвечать за их последствия самим. И, если не было причин, делающих подобные действия не соответствующими общим целям операции, в которой задействовано подразделение, то такое разрешение *должно было* быть получено.

Этот пункт Правил и Кодексов несения военной службы был прекрасно известен и командирам «Менагано» с «Дэсино», и Мейлишу, и, конечно же, Терену. Второе, что играло на руку командиру «Пасгедаса», для которого подобный поход был ещё и удобным случаем попасть в желанный Лангес – это тот факт, что причин, заставлявших корабли оставаться на рейде, после поддержки его инициативы командирами фрегата и эсминца, не осталось. Терен попросту не мог отказать в подобной ситуации, точнее, мог, но в ущерб себе – за такое отступление

от буквы Правил его по головке в штабе точно не погладят. И третье – Терен и сам должен был понимать, что бомбардировщики, высланные наспех, вряд ли добьются успеха. Заставят противника повернуть – пожалуй, но ценой сбитых машин; или замедлят, но, опять же, без потерь не обойдётся. А соединение кораблей из эсминца, фрегата и крейсера – да ещё и авианесущего – не оставляло врагу никаких шансов. Эсминец попросту не подпустит врага на дистанцию выстрела торпедой, фрегат – не даст уйти невозбранно. Ну а сам крейсер может преспокойно заниматься своим делом – работать с противником на любой дистанции.

– Геирсей Мейлиш, возьмите и нас, «Эрширес», – раздалось в эфире. Словно разрешение от Терена уже неважно, и только командир «Пасгедаса» решает, кому выходить, а кому – нет. Видимо, не он один понимал, что бомбардировщики против корветов посылать не стоит – если и сумеют отбомбиться, то добрая половина не вернётся. Потому командиры и вызывались так охотно – беспокоясь не столько за жизни пилотов бомбардировщиков, сколько за успех *общего дела*, которому они и служили.

– Какова ваша максимальная скорость, «Эрширес»? – спросил Мейлиш.

– До девяноста разгонимся.

– Извините, ребят, но мы пойдём самое меньшее на сотне, если, конечно, геирсад Терен разрешит, – постарался разрядить обстановку Мейлиш.

– Выход разрешаю, – буркнул недовольный Терен, – У вас никто не отстанет?

– Говорит «Менагано». Мы гарантированно разовьём все сто десять.

– «Дэсино» и сто двадцать разовьёт, если надо будет, – хмыкнул командир фрегата.

– Тогда... Геирсей Мейлиш, принимайте командование над соединением.

– Понял вас, геирсад, – отозвался Мейлиш, и тут же отдал первые распоряжения: – Переходим с частоты 3252 на рабочую. «Дэсино» и «Менагано» – поднять якоря, следуйте за мной.

– «Дэсино» понял.

– Понял «Менагано», – раздались ответы.

– Боевая готовность. Поднять якоря. Пуск турбины. Авиалётам и птицелётам – срочно возврат. Катерам – отмена получения боеприпасов, догонят нас по дороге, – скомандовал геирсей и занял своё место за центральным пультом.

– Боевая готовность, боевая готовность, поднять якоря, приготовиться к пуску турбин! – пронеслось по крейсеру.

– Двенадцатому крылу авилётов – отмена задачи, немедленно возврат на крейсер! – пронеслось в эфире.

«Пасгедас» снова шёл в бой.

Глава 13

*Королевство Неолон,
Храм Познания,
в это же время.*

Бывает так, что какие-то вопросы не оставляют тебя – сколько бы времени ни прошло, как бы ни менялась твоя жизнь, как бы ни хотелось их забыть... Но всё равно постоянно происходит что-то такое: события, слова, действия – и возвращаешься к тому, казалось бы, пройденному и закрытому чередой дней, завесой прошлого. И тогда словно повисаешь, словно отрываешься от действительности, и ничего вокруг не замечаешь, а в голове вопрос, один вопрос, всё тот же и тот же, снова и снова.

Четвёртая сторона. Культ Иали, как ниточка к ответу. Мирралд, погибший, видимо, просто за то, что начал копаться в том, в чём копаться не стоило. Книга Инвара Телли, сначала в машине убитого любимого, потом – здесь, в Храме. Ленасси Трельф, который, видимо, был важным ключом в этой тайне. Формулы из книги Инвара, использованные неведомыми Падшими там, на островах, и связанный с этим пришелец из другого мира, а также то, что Архипелаг готовится к войне. Ленасси Трельф, которого упомянули и Телли в своей книге, и Мирралд, явившись в качестве Смертной Тени, чтобы предупредить.

Как всё это связано?

Мислеги этот вопрос не давал покоя с самого утра. Проснувшись, как всегда, поздно – казалось бы, пора уже привыкнуть к этим образам, к тем приходящим во снах убитым ею людям, которые то звали к себе, то всё пытались выяснить, за что? Но чаще – словно она одна, в незнакомом городе, посреди улицы в летнюю жару, и – совершенно голая почему-то, кидающаяся в поисках укрытия и не находящая его. А вокруг – или похотливые взгляды, или полное равнодушие окружающих. Некому укрыть её плащом или хотя бы накидкой, наброшенной на плечи – и тогда она начинает кричать, звать на помощь, и...

И просыпается.

Скомканная от кошмаров постель, влажное от пота одеяло, и – иногда, вот как сегодня – Мирралд.

«За что, Ниа»? – спрашивал он во сне, – «За что?»

Ей нечего было ответить – она убила его смертную тень по ошибке. Не разглядела, не поняла, не... Не ожидала даже, настолько привыкла к опасности от таких вот порождений Чёрной энергетики Поля, что даже и мысли допустить не могла, что Тень окажется дружелюбной.

Потому – опять встала через силу, и, по привычке, потянулась за водой, что всегда стояла с вечера на подоконнике. Наткнулась взглядом на привычный предмет – блокнотик в кожаном переплёте со стихами, что хранила, как память.

И проснулась окончательно.

Блокнотик почему-то лежал не там, где был оставлен. Не в шкафу, на отдельной полке, аккуратно завернутый в ткань, где и должен был храниться. А на подоконнике. Именно там, где она не могла его не найти. Вопрос «как» тут не стоял – все те принципы, благодаря которым существа из мира тонкой энергетики могут управлять материальными предметами, она знала наперечёт. Вопрос был другим, и этот вопрос был: «почему?».

Не удержалась, схватила – потом себя отругала за это, так позволять собой манипулировать – но открыла, нашла первый чистый лист, идущий за исписанными от руки, вернулась, посмотрела: так и есть. Оттенок ручки, конечно, другой, даже не той, которой она сама писала. Но почерк, почерк спутать невозможно.

Расскажи, что с тобою не так.
Почему ненавидишь границы.
Почему безразличные лица
Так пугают, хоть вроде – пустяк.

Расскажи, что тебя тяготит.
Почему тебе так одиноко.
Почему к тебе жизнь так жестока.
Вечера – как могильный гранит.

Расскажи, как пустынна кровать.
В одиночестве, перед рассветом.
Почему ты пугаешься лета,
И не можешь ночами поспать.

Расскажи, что такое кошмар.
Просыпаясь одна среди ночи,
Ты как будто чего так хочешь,
Что бросает и в холод, и в жар.

Расскажи, что такое любить.
Про того, кого ты так искала.
Почему на полу одеяло —
И, проснувшись, бросаешься пить.

Расскажи, что ты ищешь давно.
Почему незаметно так годы,
Почему ты так хочешь свободы —
И про всё, что тебе не дано.

Ты хранишь этот сборников стихов.
И всё шепчешь во сне моё имя.
Ты по-прежнему веришь в любовь.
И – скажи – может быть??? Правда, Ниан?

Расскажи, сколько стоит заказ.
Оплачу всё своими руками.
И пронзи моё сердце клинками.
В этом мире, где не было Нас

Грустный взгляд погасающих глаз —
Вот и всё, что осталось б меж нами.
Без эмоций. Тебе заплатили.
Убивай меня, милая Ниа.

От того и нет сегодня покоя. Всё, что знала Мислеги, говорило: после того, как смертная тень *рассеяна*, она почти не может вернуться. Исключения есть, одно на тысячу случаев. Или на десять тысяч. Но – почерк точно его. А стало быть, вывод только один: надпись в блок-

ноте была сделана Мирралдом *заранее*. Собрал, архаков сын, где-то достаточно энергетики до этого – явился ночью, смотрел на неё, спящую, оставил стих в блокноте. Дал себя поймать Кемире. А *кто-то* сегодня ночью достал блокнот!

Дверь в келью заперта. Где хранится сборник рукописных стихов, ни одна живая душа в Храме не знала. Да и не стали бы, нет, храмовники не из таких. Остаётся только другая сущность, помогающая Мирралду.

И снова: почему?

Култ Иали. Инвар Телли. Ленасси Трельф. Чёрные в Архипелаге, которые что-то готовят. Мирралд.

Размышления вернулись и снова пошли по кругу, с утра, как заведённые. Наступал полдень, Мислеги уже предпринимала несколько попыток отвлечься, но ни тренировки с другими храмовниками, ни лейсы информирования по сводкам, поступающим от аналитиков, ни даже всё остальное, чем была наполнена жизнь Храма, не помогало отвлечься от этих мыслей.

Ниан снова вернулась к своему занятию, пытаясь хоть как-то отогнать раздумья прочь. Нарезка овощей, конечно, не то дело, которое полностью занимает всё внимание, но остальной процесс приготовления обеда всё ж таки от размышлений отвлекал.

Вековые стены храма, вековые традиции – никакой обслуги, никаких посторонних внутри. Серый камень, холодный и потому вечно мокрый от конденсата, оседающих испарений влаги, коих всегда много на кухне. Почти подвал, только на половину этажа помещение выступает из-под земли, даже окна – узкие полоски стекла, такие, что еле руку просунуть можно. Рядом, за стеной, кладовые. Там шумно возится Тигнем, принося всё, что требуют от него Ниан и Аниала. Лилмела нет – пропал в посудомоечной. Всё, как всегда, уже примерно полтора года. И века до этого: храмовники сами себе готовили еду, сами за собой убирали, содержали в чистоте свой уголок Храма, привлекались, наравне со всеми, к другим делам и работам. Сегодня по кухне дежурила группа Данаиса.

В этом был какой-то смысл, какая-то подспудная цель. Как напоминание о том, что храмовое братство хоть и поставлено особняком в мире Посвящённых, но всё же состоит из таких же людей, как и весь мир вокруг. Простые человеческие дела и обязанности были частью повседневной жизни Храма.

Аниала, привыкшая к неразговорчивости Ниан, молча возилась у исходящих паром кастрюль. Мислеги выступала в роли помощницы. Временами перекидывались короткими фразами, конечно, наподобие «передай мясо» – сообщая дело, всё ж таки, идёт быстрее. Но от обеих не укрылось, что атмосфера меж ними после Рондонга стала другой. Теплее, пожалуй.

Спасаясь от идущей с плиты жары, обе одеты в то, что Дементьев окрестил «футболками» – наполовину рубашки, плотно сидящие, в обтяжку, с рукавами до локтя и невысоким, в два пальца, воротником-стойкой, который можно ослабить посредством застёжек до середины груди.

– Специи? – Аниала Каэми рыжей бестией порхала у плиты, пока Чёрная возилась с овощами.

– Не рано? – засомневалась Ниан.

– Мясо натереть перед запеканием.

– Поняла, справа в шкафчике вроде были.

– Откуда им там... – и, проверив, – Смотри-ка, и правда, тут. Кто их туда засунул опять, интересно?

– Думаешь, я знаю, м?

И снова молча за дела. Сегодня без слов поняли друг друга – едва зайдя на кухню, Мислеги сразу встала к разделочным доскам, так что Аниале ничего не оставалось, как встать к плите и руководить усилиями Чёрной.

Пришёл Тигнем, приволок коробку с корнеплодами, на дежурное «куда?» получил от рыжей пиромантки только указующий жест. Попытался спросить, что готовим, получил ещё один жест в сторону заведующего кухней мастера Айкрафа.

– Весело у вас тут, – проворчал Тигнем и удалился за следующим заданием к заведующему, а по совместительству и старшему повару Храма, который склонился над жарочным шкафом посреди кухни. И – чего и следовало ожидать – электрокинет начал просто заговаривать зубы престарелого уже мастера, следящего за тем, чтоб еда в столовой Храма появлялась в тарелках в срок и в нужном объёме. И Мислеги, и Каэми прекрасно знали, что разговоры оперативник любит заводить в те моменты, когда ему не хочется что-либо делать. Мало того, обе ещё и понимали: это надолго, до них доносились обрывки фраз, достаточные, чтобы разобрать – Тигнем Мектаро решил всерьёз обсудить разнообразие меню.

– Да, ещё один повар нам не помешал бы, – выдала Аниала, – Сколько времени я тут, а ничего нового на столах так и не появлялось.

– Как по мне, так жаловаться не на что, – хмыкнула Мислеги, – Я какого-то однообразия не замечаю. Да и вообще мне до всего этого особого дела... понимаешь, м?

– Просто ты тут не так давно, – вздохнула Каэми, – А я вот уже устала немного – питаешься Йялла знает, чем, в командировках. Возвращаешься в Храм – а тут одно из примерно сотни блюд, что знает Айкраф. И всё. Если что-нибудь поменяется – обязательно открою ресторанчик поблизости от Храма и буду подавать там всякую экзотику из национальных кухонь, – и, видя, что Мислеги снова проваливается в задумчивость, одёрнула её, – Ты слушаешь?

– Да, – ответила Ниан, с трудом оторвавшись от размышлений.

– Слушай, я знаю – Чёрные вы такие, все загадочные-замкнутые-нелюдимые, но хоть сейчас-то можешь побыть просто человеком?

– Я тебе задела? – вскинула бровь Мислеги.

– Да. То есть, нет... К Архаку, Ниан, я пытаюсь просто поговорить! По-человечески! На отвлечённую тему, люди иногда болтают, слышала о таком?

– Не люблю просто болтать, – разделочная доска переполнилась нарезанными соломкой корнеплодами тайре, Ниан ссыпала первую партию в глубокую миску, что стояла рядом, и принялась кромсать следующую.

– Хорошо, если не «просто» – выбирай тему, – Аниала, кажется, отступить не собиралась, – О чём говорить будем?

– А можем – вообще не говорить? – уточнила Ниан.

– Ты не высыпашься, – вместо ответа сказала Каэми, надевая рукавицу и снимая крышку с пахнущей уже огромной кастрюли. Чтобы разглядеть содержимое, пришлось даже приподняться на цыпочки, – Давно замечаю уже. Потому и не будим тебя на приготовление завтраков. А должны бы... Плохо спишь? Кошмары, так?

– Да, – Мислеги отрицать не стала.

– И эта Тень, которую ты убила, над которой Кемира потеряла контроль... Ты ведь знаешь, кем она была при жизни?

– Знаю. Очень дорогой мне человек.

– Любила?

Ниан промолчала.

– Понятно, не отвечай, если не хочешь. Просто... Не тебе одной досталось, знаешь ли. Я не знаю, почему ты бросила своих, Падших, и пришла к нам, но ведь неспроста же? Значит, что-то такое произошло... Ты усмехаешься?

– Аниала, – усмешка сменилась на полуулыбку, – Как же мне вам объяснить, что Падшие – это не какая-то Организация наподобие Интерсилы или вас... – и тут же поправила себя: – Нас, Храмовников. Это просто отдельная категория Посвящённых. Зачастую мы...

Они... Даже не встречаются друг с другом. Получают заказы на работу, выполняют, приходят за наградой. И всё.

– А как же твой наставник, этот, Чинтери?

– Бывает иногда, что с возрастом для выполнения заказов становится нужен помощник, – пояснила Ниан, – И давай эту тему закроем.

– Как скажешь, поговорим о тебе.

– А лучше – о тебе, м?

– Хорошо, – расплылась в улыбке Аниала, – Сначала о тебе, потом обо мне. Так пойдёт?

– А наоборот можно?

– И это говорит та, кто залезал мне в голову? Ты ведь всё обо мне знаешь!

– Не всё, – уточнила Мислеги, – Только черты характера и воспоминания, и то не было особо времени их просматривать. Так что – если думаешь, что тебе досталось, то ошибаешься.

– Тебе, конечно, есть, с чем сравнивать?

– Есть, – не стала отрицать Ниан, – И не с собой, заметь. Просто... Можете считать, что вам, Чистым, повезло. Вы работаете со стихиями, а мы – с людьми. Таких воспоминаний довелось повидать, что уже ничему не удивляешься.

– В каждом человеке есть что-то, мы ведь все тоже не просто так сюда попали, – возразила Аниала, помешивая содержимое кастрюли, – Вот я, например... Впрочем, ты ведь знаешь, да?

– Да, начала делать карьеру, потому что разрывалась между семьёй, настаивавшей, что ты должна отказаться от своих способностей, и стремлением устроить свою жизнь. И вот в один прекрасный момент натолкнулась на сильную *сущность*, что смогла взять под контроль телекинета, отказавшегося принять Посвящение. И сожгла его из самозащиты. Всё?

– Не всё. Именно из-за него я и хотела отказаться от Посвящения тоже. Ты так далеко не залезала в память, да?

– Нет. К чему бы мне это, м?

– А ведь это был *мой* любимый человек, Ниан.

Мислеги едва не полоснула себя ножом, сорвавшимся с нарезаемого корнеплода, по руке. Мирралд. Чёрные на Рондонге. Инвар Телли. Ленасси Трельф.

– Если бы не была такой нелюдимою, знала бы, что все тут, в Храме, такие. Все пытались жить, как нормальные люди. И кончилось у всех одинаково. Я немного даже завидую тем, кто в Интерсиле работает. Они оседают в своих Резидентурах, встречают кого-то, строят жизнь. А сюда, в Храм, берут обычно тех, кто ни к чему и ни к кому не привязан.

– А я думала, дело в таланте. Самые, мол, талантливые, разбираются в ссорах между другими Посвящёнными.

– И это тоже. Но талантливым может быть и лентяй, верно? Сюда отбирают тех, для кого их над-человеческие способности стали единственным, что есть в жизни. Нас даже не надо заставлять совершенствоваться, – с упором на «заставлять», – Мы сами охотно это делаем, потому как у нас и нет больше ничего. Возьми хоть эту неразлучную парочку – Мектаро и Юньядо. Селлестиец и сименелец, один из вполне благополучной и уважаемой семьи, второй – полукровка из бедных кварталов «цветущей столицы» Алькани. Ты, например, знаешь, как они здесь оказались?

– М? – одним звуком Мислеги выразила что-то вроде «продолжай».

– Лилмел встретил девушку, которая была из ваших – из Падших. Не Чёрная, как ты, наоборот, из Белых Падших. Лечила людей без разрешения на то, лгала Лилмелу, и понятно, что в один прекрасный момент за ней пришли клирики с проверкой. Но ничего из того, что в компетенции Цекрви, не отыскали, направили информацию в Интерсилу. Агенты, конечно, не заставили себя ждать подолгу. Девушка пыталась сопротивляться, Лилмел, будучи аккредитованным внештатником, начал заступаться, и...

– Хорошо сопротивлялась? – догадалась Ниан.

– Очень хорошо, двоих оперативников уложила, у третьего шансов не было уже. И тогда вмешался Лилмел.

– На чьей стороне?

– На их. Выступал потом свидетелем, добился слушания здесь, в Храме. Наставник его после этого и пригласил... Удивлена? Нет? Потому что по лицу тебя не поймёшь.

Мислеги оглядела привычные уже стены, вспомнила, как первый раз оказалась тут, на кухне. Ничего не изменилось с той поры. По левую руку от входа мойка для овощей, дальше – разделочные столы, за ними – плита, у которой возится Аниала. Ещё чуть дальше – печи для приготовления хлеба. Справа – шкафы для посуды, банок с крупой и специй, холодильники. Проход в склады, разделочные столы для мяса, птицы, рыбы. Дальний правый угол – вотчина мастера Айкрафа: весы, чтобы соблюдать пропорции закладки продуктов в блюда, письменный стол. Там Тигнем, как раз мешая заведующему кухней заполнять отчёты разговорами. По центру выдыхает пар жарочный шкаф. Левый дальний угол, за печами, где выпекался местный хлеб, прозванный Дементьевым не иначе, как «лепёшки», размещались мойки для посуды. Там как раз и возился Лилмел, о котором шла речь.

Аниала поймала взгляд Чёрной, направленный на него, и пояснила:

– Интуиты обычно чувствуют ложь, если она исходит от человека, не умеющего лгать так, как вы, Падшие. И Лилмел потом долго, очень долго не мог простить себе той ошибки – при его-то специальности не почувствовать ложь от самого близкого человека! Начал учиться, заниматься – Наставник помог. Стал одним из лучших в своём деле. Ты ведь знаешь совсем другого Лилмела, правда?

– Да, – призналась Мислеги, и, почистив от кожуры ещё три корнеплода, принялась и их кромсать на ломтики.

– Вот эти дорезай – и хватит, – сказала ей Аниала, и добавила: – Обычные люди сначала чистят всё, потом только режут. А ты как-то странно всё делаешь. Почистила, порезала, опять почистила.

– Привычка, – пояснила Ниан, – Готовить училась сама, чтобы блюда в кашу не превращались – ориентировалась всегда на объём нарезанного.

– Надо как-нибудь упросить Тигнема, чтобы уболтал Айкрафа дать тебе что-нибудь приготовить самой. У него получается.

– Что получается? – уточнила Мислеги.

– И готовить, и убалтывать, – со смешком сказала Каэми, – Он как-то на ужин делал рыбу с фруктами, как в Селлестии.

– Иссукри?

– Да, кажется. Но старик Айкраф рецептуру хоть и отследил чуть ли не под запись, а повторить так и не повторял. Даже не пытался.

– С возрастом люди теряют способность к изучению нового, – сказала Ниан, – Я знаю, что Тигнем – из Селлестии. Но имя не Селлестийское.

– У него один из родителей из Тенгри, – ответила Аниала, – Впрочем, у тебя тоже имя – сокращение от староимперского, и, при том, не в Селлестийской форме, так?

– Нийанелл, – улыбнулась уголком рта Мислеги, – Оно даже не староимперское, оно из Святого Писания. Женские формы – Нийя, Ниан. Мужская – Ниас. С именем этим забавная история. В Писании такой персонаж есть, но вот род его не указан – мужской или женский, потому и называли им то мальчиков, то девочек. Нюансы перевода – в староандалийском глаголы прошедшего времени не имеют деления на мужской и женский род, а применительно к Нийанелл в тексте ни разу не было использовано уточняющих местоимений «он» или «она». Только время всё расставило по местам – появились Нийя и Ниас, да ещё церковная форма – Нианелль.

– То есть, твоё полное имя...

– Не вздумай так меня называть, – предупредила Чёрная.

– Церковное... Родители веровали?

– Не просто веровали, даже были причастны к Церкви Творца.

– Ни за что бы ни подумала, – призналась Каэми.

Вместо ответной фразы Мислеги просто вскинула бровь, словно спрашивая: «о чём?».

– Что в семье верующих людей вырастет Чёрная, – уточнила Аниала.

– Как раз именно поэтому я и стала Чёрной... Долгая история, расскажу как-нибудь.

– Самые долгие истории – у Тигнема, – пиромантесса снова проверила кастрюлю, помешала содержимое черпаком, потом долго дула на него, остужая. Попробовав содержимое, скорчила довольную гримасу и опять закрыла крышкой, – Тигнем ведь как раз с церковниками столкнулся. Слышала когда-нибудь о «перевёртышах»?

– Продавшиеся Падшим?

– Они самые, – вздохнула Аниала, – Отец Тигнема.

– И он его, конечно...?

– Да, Тигнем ведь был действующим агентом Интерсилы тогда, отец нёс службу в одном из Орденов, кажется, в Асшари. Это экзорцисты, слышала?

– Да. Можно сказать, коллеги, – Мислеги, покончив с овощами, вытерла руки, – Сколько народу они искалечили своим подходом...

– А скольким помогли? – возразила Каэми.

– Мы, Чёрные, справились бы с этим гораздо лучше, – пояснила Ниан, для которой многое теперь стало проясняться, – Это как выгонять грабителей из здания, взрывая дом... Но... Здесь все такие?

– Какие?

– С поломанным прошлым, что между Чистыми Принципами и личными интересами выбрали Принципы?

– Не все, но большинство, – поправила Аниала, – Девять из десяти – точно. Исключения – наш Данаис, например, лучший на курсе в Университете Интерсилы, сразу после выпуска Наставник пригласил его лично. Реткотс Гарайе – его вообще подобрали, как Кемиру, кажется. Где-то в Динджи, выкупили из рабства, Наставник его лично обучал. У него вообще, можно сказать, иной жизни нет, не было и быть не может, только Храм. Понимаешь теперь, чем мы тут занимаемся? Не просто расследуем случаи конфликтов между Посвящёнными и не просто за Падшими гоняемся. Для нас дело храма – смысл жизни, то, что нас тут всех объединяет. Так было веками. Ни семей, ни детей – только Храмовое Братство, как одна семья. Поняла, почему тебя тут приняли, как свою?

Да, Мислеги теперь многое понимала. Дело даже не в том, что им нужна Чёрная в оперативной группе, нет. Храму нужны те, у кого за спиной – пыль, прах, пустыня. Те, кому некуда идти, те, кто именно поэтому и не предаст, те, кого не запугать и невозможно шантажировать близкими, те, кому не важны деньги и даваемые ими блага. Потому, наверное, в Храме и не было никогда «перевёртышей».

Да, Мислеги теперь многое понимала. Почему к ней тут такое отношение – в этой общности людей, она, державшаяся отчуждённо, становилась чуть ли не изгоем. Её принимали, как свою – но именно принимали, а не считали своей. Вот в чём дело, а не в том, что она Падшая или Чёрная. Вот почему вся группа согласилась тогда, на Гаргесе, так легко отступить от привычного плана расследования и делать так, как считает нужным. Уверенность в своих решениях прививалась им не буквами Кодекса Чистых, а вот той убеждённости, что любой храмовник на их месте поступил бы так же.

Да, Мислеги теперь многое понимала. Почему, несмотря на то, что она держится отчуждённо, с ней всё равно пытаются заговаривать. Почему Лилмел чуть ли в любви не призна-

ётся – он ведь когда-то любил Падшую, возможно, похожую на неё, Ниан. Почему ей позволяют отлынивать от ранних утренних подъёмов, когда нужно помогать на кухне к завтраку. Группа словно бережёт свою Чёрную, словно жалеет – а она, наивная, решила, что выстроила этикие границы, этикие барьеры в общении, заставляющие людей дважды думать о том, чтобы бывшую Падшую побеспокоить.

Да, Мислеги теперь многое понимала из тех загадок, что касались Храма. Почему они никогда не подозревают друг друга ни в чём. Почему так слепо верят своему Наставнику. Почему не юлят и не увивают от обязанностей, как сегодняшняя работа на кухне. Почему с такой радостью берутся за задания и почему с каждой командировки возвращаются сюда, как домой. Храмовое братство – это их жизнь, иной у них нет, а если и была бы, то в Храм бы они не попали. И – да, можно ли себе представить, чтобы на роль такого арбитра между Посвящёнными из трёх конкурирующих областей кто-то подошёл бы лучше, чем храмовники? Вот поэтому если в результате отношений, что нет-нет, да завязывались между мужчинами и женщинами Храма, на свет появлялся ребёнок – их отправляли на покой. Потому, что у пары тогда появлялся другой смысл для жизни, другая цель – и, пожалуй, будет правильнее сказать, что у них вообще появлялось что-то, кроме братства.

И тогда сюда приходили другие, такие же: опустошённые, но способные, те, кому некуда больше идти. Потерявшие смысл и цель, изгнанные, оставленные, отвергнутые...

И вот поэтому версия о том, что группу Данаиса на Рондонге подставили свои же, кажется всем без исключения бредом. А стало быть, при отсутствии других рабочих версий, Храм попросту не станет что-либо в этом направлении искать.

Но Мислеги была уверена – что-то здесь не так. Совсем не так. А значит, искать ответы придётся самой. *Все* ответы. Мирралд. Культ Иали. Инвар Телли. Ленасси Трельф. Чёрные в Архипелаге. «Тайное Знание», привезённое в Храм, выходило, что группой Реткотса Гарайе. Генератор Точки Скольжения. Чёрный ритуал на нём. Следы человека извне.

Мысли вернулись, пошли по кругу – Чёрная смотрела в одну точку, не замечая, как проходит время, не замечая, как рядом хлопочет у плиты Аниала. Перебирала в голове разные версии.

Всё это связано. И она, Нийанелл Мислеги, не обретёт покоя, пока не распутает весь это клубок.

– О чём задумалась? – спросила Аниала, жестом подзывая Тигнема, чтобы снять кастрюлю с плиты. Тот сразу бросил все дела – если, конечно, делами можно назвать разговор с мастером Айкрафом – оживился, поспешил помочь.

– Ты замечаешь, как он на тебя смотрит? – вместо ответа сказала Чёрная Аниале.

– Что ж я, глупая, что ли, – улыбнулась Аниала, – Он, когда, случается, наедине – так обязательно пытается завести разговор на эту тему. Словно проверяет, не созрела ли я.

– А ты?

– А я не созрела. Брось, это же Храм. Каждый год примерно десять человек не возвращается с заданий. На север отсюда есть ущелье, разбивается на три рукава. В одном из них, том, что самое длинное – есть пологая ложбина. И там – место упокоения Храмовников. Я там бывала уже не единожды, и каждый раз прибавляется тех, с кем делишь еду за столом и встречаешься в Храме по утрам. Но это – просто друзья, а если кто-то более... Ещё раз я это всё не переживу, – под «этим всем» Аниала имела ввиду, что уже потеряла близкого человека однажды, видно было, как на мгновение вернулись отголоски той боли, даже отчётливо прорезались незаметные обычно морщинки в уголках глаз. Но Каэми не сдержалась, всё же спросила: – Вот ты, Ниан, смогла бы?

– Смотря кто, – уклончиво ответила Мислеги, скосившись на приблизившегося Тигнема.

– Лилмел, – пиромантка просто сказала одно слово, уверенная, что Мектаро о содержании разговора не догадается.

– Вряд ли, – так же кратко ответила Чёрная.

– Ххххэть! – с громким выдохом снял тяжеленную кастрюлю с плиты подошедший электрокинет, – О чём болтаем, девочки?

– Нашёл девочек, – повысила голос Аниала, – Помог? Иди отсюда...

– Секретничаем, значит, – улыбнулся Тигнем Мектаро, – Вы про мясо не забыли? Жарочный шкаф уже дымить скоро начнёт.

Пришлось срочно бросать всё и вдвоём кидаться к шкафу, где уже покрылись хрустящей коркой ломтики нарезанного тайре, того самого округлого жёлтого корнеплода, что был чуть ли не главным овощем на столах простолюдинов Империи. Способов его приготовления существовало столько, что все и не упомнить, кроме, пожалуй, главного отличия от селлестийского аналога – корго, которое можно было есть даже сырым. Тайре варили, пекли в кожуре, запекали отваренным, жарили в масле, тушили, засаливали...

Выдвинув большой противень, девушки спешно укладывали на овощную подушку тонко нарезанные Тигнемом ломти мяса, натёртые специями, среди которых преобладал привозимый из далёкого Динджи боу-оло. Мектаро помогал, держал толстой рукавицей противень за края и шумно дышал, спасаясь от валившего из шкафа жара. Когда процесс был окончен, задвинул обратно, громко хлопнул дверцей, выпрямился и сообщил:

– Запах умопомрачительный. А вот когда мясо дойдёт... Это ведь финари?

– Финари, – подтвердила Каэми, – Столько времени уже вымачиваю.

– Айкраф не любит, когда мясо жёсткое, поэтому раноны на столах обычно и не бывает, – подтвердил Тигнем, – Хотя, как по мне, чарноры – лучше.

– Жирные слишком, – скривилась Аниала.

– Вредит фигуре? – с улыбкой уточнил электрокинет.

– С нашим образом жизни о фигуре можно не беспокоиться, – в ответ улыбнулась пиромантесса, – А вообще благодари Ниан. Это она настояла.

– Спасибо тебе, о Чёрная, – шутливо поклонился Тигнем. Но наткнулся на обычный непроницаемый взгляд, хмыкнул и не нашёл ничего лучше, кроме как удалиться.

– Я ловлю себя на мысли, что если нас жизнь как-нибудь раскидает, я буду по нему скучать, – в спину уходящему гордой походкой Мектаро еле слышно произнесла Аниала.

– А мне кажется, что я буду немного скучать по всем вам, – призналась Мислеги и улыбнулась, – Только это секрет. Не порти мне репутацию.

Аниала как-то особенно посмотрела на Чёрную, не так, как раньше, с каким-то теплом, что не было до этого никогда и, улыбнувшись ей в ответ самой широкой улыбкой, сделала утвердительный жест.

– Я всё понимаю, – сказала она, – Но... Если хочешь, я могла бы отправиться с тобой. Наверное...

– Тебя вряд ли отпустят, – возразила Мислеги, – И потом. Такие дела мне лучше делать одной, понимаешь, м?

– Не совсем, – ответила ей Каэми, когда они вернулись и сели передохнуть на скамью, что стояла у стены, сразу слева от входа, – Я не понимаю, чего ты задумала. Мы – наша группа – довольно опытные оперативники в таких делах, прекрасно дополняем друг друга. Почему – одна?

– Потому, что вы привыкли расследовать всё снаружи, – сказала ей Ниан, – А в этом случае нужно – изнутри.

– Стой, погоди... Ты что, собралась, значит, разыскать там других Падших и влиться в их ряды?

– И это тоже секрет, Аниала, – не стала отрицать Чёрная, – Просто... Там, на Рондонге, я столкнулась кое с чем из прошлого. И это не даёт мне покоя. Я не могу оставить это просто так.

– Теперь понимаю, почему ты не рассказываешь всего. Не волнуйся, я умею хранить тайны.

– Если бы я не была в этом уверена, то не говорила бы с тобой на эту тему, – хмыкнула Мислеги, – За моё прошлое – если это доказать – мне полагается пожизненное либо смертная казнь. Скорее, второе.

– Если не хочешь, не отвечай, но... Сколько человек ты убила?

– Много. Десятка два.

Каэми замолчала, но не удержалась, всё же задала вопрос:

– И скольких из самозащиты?

– Одного.

– Совесть... Мучает?

– Нет. Кошмары – да.

– Кошмары – это и есть совесть, – заметила Каэми, – Ты и правда чуть другая, чем мы, Ниан. Просто... Послушай меня. Будешь вот так замыкаться в себе – никогда от этого не избавишься. Никогда. Мы ведь тоже убиваем. Для исполнения задания, например. Помнишь охрану на Рондонге? Там, вроде бы, всё проще: либо мы их, либо они нас. Но вот так, как вы, Падшие, за деньги – я бы не смогла. Но теперь-то всё иначе. Ты когда поедешь туда, в Архипелаг, помни об одном: твоя цель это поставить на прошлом точку. И помни ещё одно – ты не одна, с тобой всё Храмовое Братство.

Мислеги не ответила.

Мирралд.

Можно ли поставить точку на нём? Том, кто был словно – часть тебя? Можно ли поставить точку на себе самой?

Можно ли продолжать жить прошлым?

Навалились воспоминания. Поглощённая ими, автоматически, словно отсутствуя, вернулась к обычным обязанностям. Отнести тарелки в столовую, поставить на столы. В проходе чуть не столкнулась с Тигнемом, разносящим на подносе котелки из толстого металла – по одному на стол, а толщина стенок посуды будет держать тепло, не давая еде остыть. Скоро придут другие храмовники, и каждый может взять такой котелок и положить себе в тарелку такую порцию, какую захочется. Из кастрюли большим черпаком еду разливала Аниала, Тигнем носил – пришлось подключаться на помощь Лилмелу, занявшемуся вторым блюдом.

Айкраф с удовлетворённым видом руководил процессом, подгоняя, поторапливая – к приходу на обед первых храмовников уложились, успели, даже обедать сели почти одновременно со всеми.

Потом долго возились с грязной посудой, убрали со столов – время летело почти незаметно, как тогда, два с половиной года назад, когда можно было радоваться простой и тихой жизни рядом с любимым человеком.

Воспоминания, воспоминания – Ниан сидела в хорошо освещённой столовой, подперев голову руками и всё размышляя о той беседе в последний проведённый вместе с Мирралдом вечер.

Смогла бы она жить, как обычный человек, с багажом всего того, что знает? Не проще ли взять, и оставить всё, как есть – никуда не лететь, а продолжать спокойно работать по заданиям, поступающим к группе Данаиса?

И ответила сама себе: нет. Покоя ей не будет, пока не отомщён Мирралд. Пока она не разберётся в том, что происходит. Не потому, что она кому-то чего-то должна, нет. Просто чувствовала, что *не сможет* иначе.

И потому, едва Айкраф их освободил до ужина, сорвалась в химическую лабораторию – готовиться к скорому отлёту следовало основательно, а у неё почти закончились яды. Подня-

лась на второй этаж, почти никого не встретив по дороге, отыскивала нужную дверь, вошла – внутри никого. Ну и хорошо. Ничто не будет отвлекать.

В первую очередь нужен парализующий ларинол. Одно из её любимых веществ, действенный, сильный, несложный в приготовлении яд – рецептуру она знала наизусть, а необходимые компоненты в лаборатории нашлись без труда. Одновременно требовался и таморин – сильный, быстродействующий психотропный препарат, погружающий человека в гипнотический сон, при котором так легко программировать сознание.

Хлопоча в поисках необходимых для синтеза веществ, натолкнулась на забытую кем-то книгу. «Криминалистика». Вспомнилось, как сдавала по ней чуть ли не экзамен – это было ещё в первые дни, что она появилась здесь. Настоятель дал ей именно этот материал для изучения, как первоочередной, пообещав, что скоро, мол, на эту тему побеседуем. Как выяснилось, «скоро» – это четыре дня, и тогда же Мислеги и получила первое замечание – нельзя было ничего откладывать на потом, материалы от самого Настоятеля следовало изучать немедленно.

А потом были архивы закрытых отчётов по расследованиям, проводимым храмовниками, как практический материал. Тогда же Ниан обнаружила, что наработки, описанные в «Криминалистике», оперативники Храма хоть и используют, но книга эта методичкой для них вовсе не является, а работающим по заданиям группам предоставляется максимально возможная свобода действий.

Тогда же она вникла в простую экономику Храма – его существование обеспечивалось Королевским Двором Неолона, выделявшим неплохую сумму на содержание, взамен получив эксклюзивное право закрыть территорию Королевства для всех Посвящённых, кроме храмовников. Этакая страховка, мера безопасности. Дополнительные расходы с лихвой покрывались платой за выполняемые храмовниками задания, если с просьбой о расследовании обращалась Интерсила – то и за результат платила она. Если – клирики, то вся финансовая нагрузка ложилась на них.

И – редко, очень редко Храм инициировал собственные расследования. Так что предстоящую одиночную командировку в Архипелаг можно было считать исключением и уступкой со стороны Настоятеля. Впрочем, наличие собственных, неявных интересов и мотивов Ниан не исключала ни у кого и никогда – слишком хорошо знала людей.

Когда смесь веществ для будущего таморина уже забурлила в перегонном аппарате, а конденсат закапал в изолированный сосуд, Мислеги вернулась к приготовлению ларинола, уже загустевшем в абсорбенте. Получившуюся массу, которую Дементьев, будь он здесь, сравнил бы с пластилином, предстояло превратить в тончайшие иглы, пока та не загустела окончательно. Чёрная этим и занялась – раскатывала руками в защитных перчатках податливую массу в тоненькие стерженьки, разрежала на ровные части и оставляла твердеть. Сверху предусмотрительно насаживала круглые головки – просто затвердевающий абсорбент, без примеси веществ – получалась этакая, пока ещё тупая, булава, которую предстояло заточить потом, когда материал затвердеет окончательно. Часть оставшейся массы она отправила в предусмотрительно хранившуюся здесь же, в отдельном шкафчике, начинку для патронов под её «Жедди». Канавки в оголовках проделаны в мастерской заранее – нужно лишь наполнить их ядом.

Занятая своими делами, не заметила, как открылась дверь – и то, что она в помещении не одна, обнаружила лишь тогда, когда рядом прозвучало утвердительное:

– Ларинол, таморин – и всё?

– Остальное пока есть, – ответила Мислеги, поднимая глаза.

Кемира, ну конечно, кто же ещё в Храме разбирается в таких веществах? И, видя, как юная Чёрная потянулась к оставленным твердеть ядовитым булавам, предупредила:

– Не трогай.

– Хорошо получилось, – сказала Леналайе, отдернув руку. Ларинол, пока он не затвердел вместе с абсорбентом, опасен – может проникнуть через кожу, – У меня вот с концентрацией вечно проблемы.

– Придёт с опытом, – Ниан вернулась к своему занятию, – Хотя могу проверить твою рецептуру, возможно, там ошибка.

– А лучше – дала бы мне свою, – нижняя губа Кемиры при этих словах как-то капризно выгнулась, – Что тебе стоит?

– Моя у меня в голове. Если хочешь, можешь в следующий раз посмотреть, как я приготавливаю, и всё записать.

– И когда этот «следующий раз» настанет? Ты ведь уезжаешь.

– Знаешь уже, м? – вскинутая бровь, короткий взгляд.

Юная чёрная аккуратно подвинула реактивы, уселась прямо на стол.

– Весь Храм уже знает, – ответила Кемира, – Жаль, что уезжаешь.

– Правда?

– Для меня, я имею ввиду. Испытания показали, что я так толком ничему и не научилась. Наставник старался мне дать всё, что мог, но он – не Чёрный. Мне нужно учиться у тебя.

– Это бесполезно, – Ниан сверилась с температурой, убавила газ, чтобы реакция таморина не шла слишком уж быстро, и снова вернулась к патронам, – Хороший Чёрный должен быть Падшим. Тем более – гипнократ. Мистицизм и спиритизм – не твоё.

– Мне не нравится использовать людей, – ответила Кемира.

– Вся человеческая цивилизация на этом стоит. Одни используют других. Товарно-денежные отношения пар, трудовые отношения работников и работодателей. Кузнец использует пахаря, пахарь – кузнеца. Можно это назвать сотрудничеством. Но в основе – всё равно, взаимовыгодное использование.

– Ты так говоришь, словно все пары в товарно-денежных отношениях, – нахмурилась Кемира.

– Я просто привела пример, – ответила Мислеги, – Есть, конечно, пары с распределением гендерных ролей. Мужчина использует женщину для обустройства быта, она его – чтобы полку прибить. Тоже не понять. То ли сотрудничество, то ли взаимное использование. Смотря, с какой стороны подойти к вопросу, м?

– Ты сегодня разговорчивая, – отметила Кемира, – С чего бы?

– Пытаюсь отвлечься хотя бы разговорами.

– А, хорошо. Но... – юная чёрная, подумав, решила продолжить тему, – А как же быть с отношениями, когда двое дорожат друг другом?

– Ты о себе с Данаисом? – уточнила Мислеги.

– Я...

– Вот. В этом и проблема. Ты могла ответить «нет», но вместо этого уходишь от прямого ответа, как принято во всей мессианской культуре. Я хотела тебя смутить – я это сделала одним простым вопросом.

– Мессианской ты называешь нашу?

– Не «вашу», а любую, в которой морально-этические нормы основываются на учении Церкви о Творце, которое оставил нам Мессия.

– Но ведь, если бы я сказала «нет» – это ведь было бы не правдой, а... – Леналайе задумалась, ища нужное слово.

– Пока ты не избавишься от вот этих границ, я ничему не смогу тебя научить, – пояснила Ниан, – Будучи спиритом, ты должна не только представлять себя мёртвой, нет, ты должна обманывать даже саму себя так, чтобы в это верить. Иначе ты не увидишь *тени*, не сможешь с ними говорить. Это, в своём роде, «жить в придуманном мире», слышала о таких людях?

– Читала.

– Уже хорошо, – таморин был почти готов, теперь предстоял второй этап – выпарить из получившейся субстанции оставшуюся влагу, чтобы получить такую же вязкую, клейкую массу, пригодную для изготовления игл, чем Мислеги и занялась, – Чтобы заниматься мистицизмом, нужно понимать преобразования Чёрной энергетики. Там тоже нужно уметь обманывать, только уже не себя, а как в гипнокрапии – людей, используя их энергетику себе во благо. С гипнокрапией всё проще гораздо. Но в основе всё равно – нужно шагнуть за рамки мессианской морали, действовать с точки зрения эффекта. Если удобнее и проще солгать – солги.

– Ты мешаешь Чёрных и Падших.

– Хороший Чёрный и должен быть Падшим, – повторила Ниан.

– Не обязательно. Можно следовать и Чистым Принципам, – возразила Кемира, – Например, с этим твоим «придуманным миром». Да, там ведь всё поэтапно. Придумываешь что-то, не соответствующее реальности. Верешь в это. А потом и сам не замечаешь, как одна реальность заменяется другой.

– С Чистыми Принципами всё, что остаётся Чёрным – лечить одержимых и охотиться на потустороннее, – ответила Мислеги, – А согласно Договора, этим занимается Церковь Творца, ну или Интерсила имеет некоторые полномочия в странах-участниках. В Селлестии, например. В Храме совсем другие задачи.

– Мне предстоит защищать группу, – вскинула подборок Кемира, – От таких, как ты.

– Гордишься собой, – это было утверждение, а не вопрос, – Потому против таких, как я, у тебя шансов ровно ноль.

– Почему?

– Потому что я твои эмоции по лицу читаю, – ответила Мислеги, – А вот ты... Скажи, что я чувствую?

– Эмм... Я тебя раздражаю?

– Нет.

– Правда «нет»? Или обманываешь?

– Ты мне скажи, – Ниан вскинула бровь, пристально глянула на Кемиру, и снова вернулась к приготовлению таморина, мельком проверив, затвердел ли ларинол на патронах.

Леналайе собиралась с ответом, но, видимо, смирилась, поняла – безнадежно.

– Чёрный должен уметь *лгать* так, чтобы его даже интуит не раскусил, – продолжала Мислеги, – Иначе ты не сможешь понять, когда *лгут* тебе.

– Лгать – говорить не то, что есть на самом деле? – уточнила Леналайе.

– Да. Запомни слово и пользуйся, гораздо удобнее, чем иносказания.

– Оно ругательное, – снова изогнула нижнюю губу Кемира, – Я его знаю.

– Значит, придётся ругаться. Границы, эффективность – я тебе только что объясняла, м?

– То есть, ты советуешь мне заняться именно гипнокрапией?

– Да. Всё остальное – не для тебя. Я понимаю твои желания остаться Чистой. Но способности у тебя только к гипнокрапии – и куча ненужного теоретического багажа.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – лицо юной чёрной расплылось в полуулыбке.

– В первую очередь нужно мастерство, а потом – сторонние навыки, что «могли бы пригодиться». Помнишь ту сущность, что ты должна была определить там, на холме?

– Ещё бы не помнить, из-за чего не прошла Испытания.

– Чтобы формула сработала, нужна привязка к конкретному имени, точнее, к самоидентификации сущности, тому, как тень неосознанно называла сама себя при жизни. Это как писатели и их псевдонимы. Если тебе потребуется вызвать тень сознания такого человека, тебе придётся звать его по псевдониму – скорее всего, он самоидентифицирует себя именно по нему. А вот заставить назвать своё имя случайно выловленную тень – уже сложнее. Придётся лгать,

манипулировать, чтобы она своё имя назвала. И я солгала. И тебе лучше к этому привыкнуть. Попробуй, это просто.

– Ложь – это плохо, – упрямылась Кемира, – Тебя в детстве не учили этому?

– Ложь – это слова, – поправила Мислеги, проигнорировав неуклюжий выпад в сторону своего воспитания, – Слова – это оружие. Способное убить, спасти, повести за собой. Пистолет может помогать грабить слабых, а может – защищать. Ножом можно резать людей, а можно – овощи к обеду. Но нож и пистолет не становятся от этого плохими по определению. Всё определяется целью, правда? Если ты хороша в Чёрном искусстве, то ты Падшая. А если Падшая, то ложь – твоё главное оружие. Учись его применять. Попробуй, это несложно.

– Я ревную Данаиса к тебе, – сказала, подумав, Леналайе.

– Это же правда, м? – вскинула бровь Ниан, – Есть разница между истинно ложью и тем, что ты *не хочешь*, чтобы это было правдой. Мы обманываем сами себя очень часто, но обманывать других – мораль не позволяет. Пробуй ещё.

Юная Чёрная вновь задумалась.

– Теперь я понимаю, почему Лилмел тобой восхищается, – сказала она после пары кинсов размышлений.

– Не лжёшь? – удивилась Мислеги.

Кемира засмушалась.

– Вот, опять, – продолжала урок Ниан, – Ты должна *верить* в свою ложь, на время погрузиться в свой придуманный мир, в котором Лилмел мной восхищается. Но уже лучше – сказала полуправду. Я знаю, что я ему симпатична, но не до такой степени. Когда человек хочет во что-то верить, ему легко солгать. Если человек считает себя, например, умным, но на самом деле наивен до глупости – назови его как раз умным, чтобы было его легче обмануть. Здесь то же самое. Если бы мне хотелось узнать о том, что я симпатична Лилмелу, я бы охотно тебе поверила... Ну, будь я обычной девушкой. Но мне всё равно, как ко мне относится Лилмел. Поняла принцип? Давай, пытайся.

Снова молчаливая задумчивость.

– Та Смертная Тень, – сказала, наконец, Кемира, – Она... То есть, он – просил меня, чтоб я его поймала.

В груди что-то защемило на миг, маска непроницаемости спала с Мислеги на каких-то пару тарнов, и справиться с собой ей удалось с трудом.

– Не ври, – сказала Ниан.

– Это правда, – ответила юная чёрная, – Лгать мне ещё предстоит научиться, а это... Я решила, ты должна знать. Кто он?

– Тот, кого пытаюсь забыть.

– Получается? – вздёрнула подбородок Леналайе.

– Не очень, – признала Мислеги, и уточнила: – Забыть – не очень получается, и у тебя лгать – тоже не очень. Не просил он тебя ни о чём. Но – урок усваиваешь быстро, молодец.

Кемира склонила в голову в знак поражения, ещё бы – в этот раз почти получилось.

– Обратись к Лилмелу, – продолжала Мислеги, – Интуиты, особенно работающие с людьми, практикуют узнавание лжи сразу несколькими способами. И один из них, самый важный, это мимика и жестикация. Если сказанное не соответствует тем эмоциям, что должен бы при этом испытывать человек, то это – признак лжи. Если реакция на вопрос не та, что должна быть – это тоже признак лжи. Например, преступник на суде – говорит, что раскаивается, но эмоций сожаления на лице нет, наоборот, хитро бегающие глазки. Бегающие в поисках тех, кто ему поверит. Чтобы лгать хорошо, нужно уметь выдавать ложь за правду. Юньядо – хороший интуит, значит, эту область он не мог не изучать, м?

Кемира снова призадумалась.

– Мимика, жестикуляция, – сказала она, наконец, – Я запомнила. Буду в твоё отсутствие тренироваться с Лилмелом тогда... Один вопрос ещё можно?

– Мгм.

– Можно считать это всё началом моего обучения у тебя?

– Если хочешь, но помни: я ничего не обещала.

– Я запомню, – сделала утвердительный жест Леналайе, – А скажи... Ты правда... Как все Падшие?

– Что? Убивала ли я за деньги?

– Эммм... да.

– Прямой ответ на это равносителен признанию в деятельности, нарушающей Договор. Ты представляешь последствия, прежде чем спрашивать? – Мислеги даже почувствовала что-то вроде раздражения: уже второй раз за сегодня один и тот же вопрос.

– Понимаю. Но ведь никто не узнает.

Как же, всё-таки, предсказуемы эти Чистые.

– Нет.

– Что – нет?

– Нет, конечно, я никогда и никого не убивала за деньги.

Леналайе задумалась на время.

– Ты лжёшь? – уточнила она.

– Ты мне скажи, – парировала Ниан.

– Ты лжёшь, – утверждение, не вопрос.

– Докажи, – обернулась к ней Мислеги, оторвавшись от приготовления таморина. Здесь абсорбентом не воспользоваться, только выпаривание.

– Эммм... Я чувствую.

– Чувствуют интуиты. Ты гипнократ. Должна понимать мотивы людей. У меня есть мотив лгать?

– Есть, конечно. Такое признание для тебя опасно.

– Хорошо, теперь возможности. Есть ли у меня возможность лгать?

– Ты же Падшая?

– Верно, но я ведь теперь официально Мастер Чёрного Искусства, принявшая Посвящение согласно Кодексу Чистых Посвящённых, подписавшая Договор. Рискну ли я нарушить его вот так, сразу?

– Подожди, я потеряла твою мысль, – призналась Кемира.

– Мотивы, мотивы, ещё раз мотивы. Зачастую он не один, их несколько, порой даже противоречивых. Важнее тот, что пересилил в данный момент. Тот, для реализации коего есть возможность. Читай вон, – Ниан кивнула на забытую кем-то «Криминалистику».

– А я-то думаю, где я её оставила... – протянула юная чёрная, – Я её перечитываю как раз. С первой попытки, признаться, не осилила. Так... С мотивами, вроде, поняла. У тебя есть мотив лгать, и есть – не лгать. Возможности пока примем равными. Как понять, какой пересиливает?

– Можно по мимике. Отвергнутый на данный момент мотив при вопросе о нём вызовет отрицательные эмоции, они отразятся на лице. Нужно правильно задавать вопросы. Есть другой вариант – с точки зрения точного расчёта. Какой мотив сильнее, то есть.

– А если я хочу солгать, как сделать, чтоб меня не поймали?

– Обычным людям можешь лгать сколько захочешь, даже так, для практики. Но применительно к Посвящённым... Это значит, что лицо не должно выразить вообще ничего.

– Так не бывает.

– Бывает. Нужна постоянная тренировка. Иными словами, учись лгать. Лгать так, чтобы самой верить в свою ложь. Тренируйся на Лилмеле. На этом пока урок окончен.

– Поняла, полетела искать Лилмела, – Кемира соскочила со стола, забрала книгу и двинулась к выходу, но обернулась на полпути: – Не подскажешь, кстати, где его искать?

– Понятия не имею, – с этими словами Мислеги вернулась к своему занятию, к своим заботам.

И к размышлениям.

Мирралд, их последний день вместе, дорога к Посреднику – вернувшись потом в тот дом в пригороде по координатам, сохранённым в коммуникаторе, в поисках истины, она ничего не нашла. Соседи сказали, что дом сдавался, но арендатор уехал. То ли и вправду был причастен к смерти Чёрного, то ли наоборот, узнав о смерти, поспешил скрыться – выяснить это так и не удалось.

Как же сейчас нужны ответы на вопросы.

И тут Мислеги почувствовала, что её словно окатили ледяной водой.

Ну конечно!

Как там, в той книге?

Иали, Богиня Ночи, что может дать ответ на любой вопрос. Инвар Телли, Ленасси Трельф, Высшие Спириты.

А не поговорить ли с одним из них? А не разузнать ли о культуре Иали?

И, как только приготовления были закончены, а получившиеся булавки спрятаны в аптечку в кармане, Мислеги так быстро, как могла, прибрала за собой лабораторные столы и кинулась в северо-западную башню храма, туда, где находились лекционные залы. Первая дверь, вторая, третья – пусто, занятия давно прошли, но должен же где-то быть кто-то из Докторов, тех, кто уже слишком стар, чтобы мотаться по заданиям в статусе Мастера, и достаточно опытен, чтобы передавать своё мастерство более молодым?

Из пустых аудиторий она направилась в библиотеку – здесь ей повезло больше. За дальним столом, у окна, склонился над книгой Доктор Дивори, читавший лекции по физико-математическим принципам работы Поля, а в основное время работавший в отделе аналитиков Храма.

– Доктор Дивори! – окликнула Ниан.

– Мастер Мислеги, – с укоризной сказал он, подняв глаза от книги, – Я с пониманием отношусь к ситуации: мы тут одни, и ваш громкий голос никого не отвлечёт от чтения, но традиции Храма надо чтить.

– Простите, но я хотела бы поговорить с Настоятелем. Не подскажете ли, где его искать?

– Настоятель... – протянул, словно смакуя слово, седой доктор, сощурив серые, словно выцветшие, глаза. От этого морщины на некогда, несомненно, мужественном лице прорезались ещё глубже, – Вы зовёте магистра Эльдери так, как зовут его чужие, далёкие от Храма люди. Те, кто учился у него, зовут его обычно Наставником. Так делает всё Храмное Братство, и мне временами кажется, что он и сам порой с удивлением вспоминает своё имя, когда к нему обращаются Посвящённые из, скажем, Интерсилы. Или вы и сами не знали его имени?

– Не знала, – сказала Мислеги, и Дивори пристально всмотрелся в её лицо, словно пытаясь понять, не шутит ли она.

Но, разумеется, ничего, кроме непроницаемой маски, не заметил.

– Он сейчас занят, проводит занятия со старшими оперативниками. Вы же знаете, они у нас вроде обособлены от остальных. Избранные, так сказать... – седой Доктор провёл пальцами по вискам, на которых остались ещё короткие волосы, – Но, возможно, я смогу вам чем-то помочь?

– Может, и сможете, – призадумалась Мислеги.

В конце концов, чего она теряет? Решилась, спросила:

– Что вы можете рассказать мне о Культуре Иали?

– Культ Иали, – Дивори жестом пригласил Чёрную присесть напротив, давая понять, что разговор не будет коротким, – На самом деле, никакой не культ. Иали – одна из Мрачных Трёх, Богиня Ночи, тайн, заговоров, Слепая Госпожа. Отсюда произошло ругательное «Йялла», как часть выражения «Йялла знает». Подразумевалось, что речь о чём-то таком, что обычному смертному неизвестно, и ведаёт ответ на вопрос только Хранительница Тайн, одна из пантеона божеств язычников, сохранившихся ещё по свету. В корне неверно называть её приверженцев «культом». Это очень старая религия, старше мессианства, старее учения о Творце. Иали до сих пор молятся в Даниоре, коренные жители Архипелага её чтут, в Селлестии уцелевшие в Секторе Резервации племени продолжают ей поклоняться. Естественно, с язычеством продолжает бороться Церковь Творца, но до открытых конфликтов с почитателями Иали дело не доходило довольно давно. И – странно, что вы, мастер Мислеги, об этом спрашиваете. Она ведь считается покровительницей именно гипнократов. Это, скорее, мне следовало бы у вас о ней расспрашивать.

– Есть у меня одна версия по поводу недавних событий, – сказала вместо ответа Мислеги, – Что язычники, в частности, поклоняющиеся Иали, имеют прямое отношение к происходящему в Архипелаге.

– Я думал, то расследование закрыто.

– Не совсем. Я отправляюсь в Жингкон.

Дивори посмотрел на неё как-то иначе, словно заметил нечто, чего не видел раньше.

– Что ж, тогда буду рад вам помочь всем, что мне известно... Будьте добры, подать мне бумагу и ручку, вон там... Да, благодарю вас. Сейчас... Как бы нагляднее... – он быстро нарисовал символы на бумаге, – Вот. Вам знакома это формула?

– Да, это неравенство Эржими для д-частот.

– Верно. Д-частоты это то, что излучает человеческий – и не только – мозг в пространство, некий волновой фон, что и зовётся вами «чёрной энергетикой». Д-частоты это, своего рода, побочный эффект электрохимических реакций, протекающих между клетками мозга. Свет Белувы создаёт помехи, поэтому лучше всего, сильнее всего д-частоты ощущаются именно ночью, когда от «помех» нас закрывает наша планета. Вы, Чёрные, используете энергию этого излучения в своих целях, выступая, в своём роде, её преобразователями. В неравенстве Эржими ваша переменная находится вот здесь... – старый Доктор указал нужное место ручкой, – Что и рождает в вас силы к, примеру, материализации существ из мира тонкой энергетике. Процессы, что протекают при этом в вашем организме, не изучены до конца до сих пор. Но давайте не будем на них заострять внимание, а преобразуем неравенство, чтоб ваша переменная оказалась в правой части, а все остальные – в левой. Постараюсь помедленнее, чтобы вы успевали за мной...

С этими словами Доктор начал постепенно, шаг за шагом, переносить переменные из одной части неравенства в другую, подчёркивая перед каждым преобразованием ту, которую предстояло переместить. Мислеги, не отрывавшая взгляда, внимательно, шаг за шагом, вникала в то, что происходило на бумаге. Так продолжалось до тех пор, пока справа, за знаком неравенства, не осталась всего одна буква, обозначающая некий коэффициент преобразования энергетике самим Чёрным.

– Неравенство Эржими писалось для реакции обычных людей на д-частоты, Чёрных для экспериментов у него, понятное дело, не было. Здесь не может быть отрицательных величин, и при значениях от одного до двенадцати д-частоты провоцируют изменения в химических реакциях организма человека на уровне клеток нервной системы, которые, в свою очередь, меняют уже и гормональный фон. Нечто подобное, скажем, можно ощущать во время концерта – эйфория нескольких слушателей, искренне любящих группу, начинает передаваться посредством д-частот тем, кому музыка просто нравится. Или стадион – те, кто искренне болеет за команду, могут передать посредством д-частот свои переживания тем, кто просто

пришёл посмотреть на игры. Для сравнения: Эржими задался вопросом, почему переживания в толпе острее, ярче, чем если бы тех же поклонников рассадить на расстоянии друг от друга. Как бы сильно они не любили команду – переживания не те, что в толпе.

Так он докопался до д-частот и их воздействия, общий вывод – следствием становится электрохимическая реакция, вызывающая выброс в кровь гормонов, например, счастья, и люди, пришедшие на концерт или соревнования, начинают испытывать общие для всех чувства. Количество людей, как видим, является всего лишь произведением на мощность излучения. И, соответственно, попавший под воздействие д-частот человек начинает излучать их почти синхронно с окружающим его фоном. Эржими придумал шкалу от одного до десяти, куда уместил на пятёрку средние значения для излучения, на единицу – полное его отсутствие, а самые сильные известные ему случаи, соответственно, он поставил на значение в десять единиц. Позже выяснилось, что есть значения выше – одиннадцать и двенадцать. Это люди с высокой эмпатией – люди, способные почти *полностью* понять других и поставить себя на их место. Но, при таких значениях активности на д-частоте, мозг слишком активно потребляет кислород и сахара из крови. Такие люди вечно будут худыми, часто болеть – полагаю, что это, скорее, сбой организма. Как бы они не питались, как бы не занимались собой, какие бы тренировки не посещали – всё равно никогда не станут физически развитыми. Но наградой за это стала возможность считывать и расшифровывать д-частоты других людей неосознанно, над-сознательно. В нашем неравенстве эта ситуация описана посредством деления, видите?

Да, Ниан видела. Слишком высокая активность на д-частотах приводила к своеобразной нехватке другой энергетики для организма.

Доктор Дивори, тем временем, продолжал:

– При значениях более тринадцати, как видим, собственные д-частоты человека начинают подавлять излучение других людей, запуская обратный процесс, заставляя их мозг копировать получаемую частоту. Тринадцать – это порог вас, Чёрных, благодаря этому вы дистанционно управляете сознанием окружающих. А теперь подставим в неравенство ноль в качестве значения. Сможете сама описать результат?

Доктор Дивори повернул к ней листок, предложил ручку – и Ниан стало уже не до непроницаемой маски. Губы сложились в узкую линию, лоб напрягся до морщинок, глаза прищурились... Мислеги считала, сокращала дроби, зачёркивала. И в конце всех вычислений выходило, что при нулевом неравенстве сохранялось всё, кроме коэффициентов... Самого организма?

– Ноль, – пояснил Дивори, когда Ниан подняла на него свои недоумевающие глаза, – Это и есть ваша Иали. Вернее, Илкихали, если быть точным. Сама энергетика. Чистая д-частота, одна из подгруппы.

– Не совсем понимаю, – призналась гипнократесса.

– Я тоже, – усмехнулся доктор, – Но формула точна. Либо эта Иали есть порождение мозга самого человека, как побочный эффект излучения в пространство информации на д-частотах, либо – она и есть сама эта частота, некая персонификация Глобального Информационно-Энергетического Поля. Не исключено, что в состоянии изменённого сознания разум рождает некий образ её, воспринимаемый человеком, как реально существующий. То есть, не совсем ясно: то ли и правда мозг человека связывается с персонификацией Поля, то ли – возможно, во время «разговора с Иали» человек разговаривает с...

– Самим собой, – понимающе прикрыв глаза, закончила за старого доктора Мислеги, – Я понимаю. Без тех, кто поклоняется ей, точного ответа всё равно не получить. Вам известно, где можно отыскать последователей?

– Я физик-теоретик и математик, немного биомант, но никак не специалист в области географии языческих храмов, – грустно улыбнулся Дивори, – Я рассказал вам всё, что мог. Надеюсь, что сумел вам помочь. Вам ещё нужен магистр Эльдери?

– Возможно, что и нет, – ответила Ниан, подумав, – Разве что, задать один вопрос. Дальше в горах есть кладбище для храмовников. Место, очень богатое чёрной энергетикой. Можно ли использовать её в своих целях?

Дивори откинулся на спинку стула.

– На д-частотах, теоретически, существует как раз некая информационная матрица. Кто-то считает, что это проекция сознания живого человека в Поле после его смерти. Верующие называют это «душой». Вы, чёрные... – он замолчал, словно предлагая продолжить фразу за него.

– Тенями. Мы зовём это тенями сознания. И это не теория, для нас они действительно там, словно возвращаются к месту, где нашли покой их тела.

– Надеюсь, вы не станете их тревожить, мастер Мислеги? Там ведь и отголоски... Эмм... Тени тех людей, что мне когда-то были дороги.

– Обещаю, – ответила она, про себя уже твёрдо решив, *что* будет делать и *как*.

– Тогда – мой вам совет – не говорите Наставнику ничего пока. Идите и сделайте то, что считаете нужным. Если это даст нужные результаты – расскажете ему сами. Если нет, то не стоит отвлекать магистра, у него и так много дел.

– Хорошо. Лёгкой разлуки, доктор Дивори.

– Странно... Ведь так в старину прощались исключительно близкие друзья, нечто вроде совета не скучать друг по другу, мол, всё равно встретимся снова. Но прошли века, и этими словами стали бросаться, не понимая их смысла.

– Думаю, я сейчас использовала их правильно, – улыбнулась Ниан, вставая.

– Но мы ведь не друзья, мастер Мислеги.

– Как знать, возможно, мы ими станем, м?

Старик ничего не ответил, но Чёрная, уходя, почувствовала, что её провожают взглядом.

Собираться не требовалось, да и спрашивать дорогу – тоже, уж что-что, а направление на кладбище Чёрная отыщет без труда. Поэтому, заскочив в келью, чтобы взять клинки и плащ, а заодно ещё раз убедившись, что к приготовлениям к ужину она успевает, Ниан направилась прямо к выходу из Храма.

Мощёная камнем дорожка от входа, ведущая прочь от крыльца, прочь от такой же выложенной древним скальником площадкой перед ним. Мимолётный взгляд на эти древние стены и мысль о том, сколько же дней, недель, месяцев труда было положено здесь, на этом месте, чтобы построить вот это вот убежище от непогоды и возможного врага, эту обитель уединения... Те, кто работал здесь, строил то самое своё будущее, с которым можно встретить старость – стены, дающие тепло, уют и безопасность.

Мимо, оглябая северо-восточную башню, к северной стене, где нет почти хозяйственных построек – здесь уже начинался склон первой горы всего этого массива, разделяющего Неолон, Немавал и Кентию. Там дальше, по склону, если выйти через северные ворота, начинается тропа, ведущая в широкое ущелье. И где-то там есть ложбина, служившая кладбищем. Это всё, что было известно Мислеги.

Главное, не свернуть не туда.

– Ниан! – окликнул её голос сзади. Лилмел. Остановилась, обернулась.

Интуит, немного покрасневший, в свободной плотной рубашке, стоял с клинком в руках.

– Упражняешься? – уточнила гипнократесса, – Тебя искала Кемира.

– Нашла, – улыбнулся он, – Но я объяснил, что занят. Не хочешь присоединиться?

– А Кемира что? Не захотела?

– Я не захотел. Она для меня не соперник. Как насчёт тебя?

– Мне нужно найти одно место здесь, в ущелье.

– Кладбище? Послушай, если Наставник узнает, что ты там проводишь свои ритуалы, он... Понимаешь, да?

– Думаю, если от них будет практический результат, он мне это простит.

Юньядо скосил глаза вправо-вверх, словно пытался разглядеть собственный висок изнутри – как делал всегда, когда задумывался, и, вновь оглядев Чёрную, выдал:

– Всё верно думаешь, за результат он прощает. Давай так: коротенький поединок, и я тебя отведу. Ты ведь за всё это время ни разу там и не была? Повезло: каждый раз, когда там добавлялся памятный камень, мы были в разъездах. Но я тебе всё покажу и расскажу, и незваных гостей выпровожу. Что скажешь?

Действительно, случайных свидетелей только и не хватало...

– Хорошо, – согласилась Мислеги, снимая клинки с ременных креплений на бёдрах и оправляя плащ, чтоб не стеснял движений, – До пяти касаний?

– Стоп-стоп, – опешил Лилмел, – Я думал, сбегать за тренировочными...

– Ну ты же с боевым упражняешься? Что мешает бить плашмя?

Снова скошенные вправо-вверх глаза.

– Хорошо, – предупредил интуит, – Но предупреждаю – жалеть не буду.

– Зря, – сказала Ниан, нажимая кнопки выброса лезвий, – По-моему, когда мы закончим, ты себя очень даже пожалеешь.

– Посмотрим, – улыбнулся он, вставая в позицию и беря клинок обеими руками. Левая нога чуть впереди, клинок в руках смотрит вертикально, чуть ли не прижат к правой ключице, – Способности не используем.

– Что ещё за курсы для любителей исторических реконструкций? – возразила Мислеги, изобразив удивление, – Ну уж нет, Лилмел, всё серьёзно. Ты, кажется, всё хотел произвести на меня впечатление? У тебя выпал шанс.

– А кто-то уже пытается свои навыки использовать, – подметил он, – Словами пытаешься поставить меня в неуверенное положение, диктуя свои правила... Знаем, проходили. Поднимай оружие!

Но Мислеги и не подумала этого делать. Так и шла на него с клинками в руках, опущенными вниз, смотрящими в землю. И, едва она приблизилась на нужное расстояние, Лилмел с шагом вперёд сделал выпад.

Движение было настоящим. Впрочем, о мастерстве интуита Ниан краем уха слышала, а потому не сомневалась – в последний момент он остановит удар, смертельная рана не грозила. Но проткнуть, хоть и неглубоко, этим выпадом он вполне мог. Мало того, ещё и не опасался, что за такую «тренировку» с травмами влетит обоим.

От его выпада Мислеги ушла полуоборотом влево в сторону, легко, словно танцуя, и в тот же момент взлетают кверху один за другим её клинки: первый бьёт снизу по оружию Лилмела, подкидывая не успевшее вернуться в начальную позицию лезвие. Это – чтобы не дать сопернику вовремя уйти в оборону. Второй из пары динтреев, в левой руке, летит рассекающим ударом вверх и вперёд, целя в открывшийся живот.

Но Лилмел помнит про второй клинок, ждёт его, в нужное мгновение отскакивает, обрывая дистанцию, его клинок длиннее, рука сильнее – град ударов, что собралась обрушить на него Мислеги, он обрывает силовым приёмом. Переносит вес вперёд, вкладывая его в удар, встречает пару летящих слева – сверху клинков, отталкивая Мислеги назад. Переходит в контратаку, удар – шаг, удар – второй, Чёрная встречает их парными блоками, чтобы силой двух рук компенсировать натиск одной, мужской, более сильной. Она ждёт ошибки, однако интуит не спешит давать ей такого шанса, пока Ниан танцует вокруг него, рисуя полукруг, стараясь зайти со стороны левой руки, невооружённой, свободно взлетающей и падающей, чтобы сдерживать равновесие всякий раз, как Лилмел вкладывает тяжесть тела в свои удары. Он хитёр, быстр, уверен в себе, ищет брешь в её защите, меняя удары – то горизонтальные, то косые, то снизу вверх.

Мислеги словно считывает его – ищет её слабые стороны, ожидаемо. А как тебе это?

Направление её движения меняется на резко противоположное, теперь девушка заходит не с левой руки противника, а с правой. Юньядо, конечно же, успев среагировать, бьёт в другую сторону – но это уже не подготовленный удар с силой, это просто мах оружием. Мислеги парирует удар одним из клинков, и, пользуясь тем, что она легче, ловчее интуита, делает резкий выпад с полушагом – без силы, разумеется, иначе можно проткнуть – и острие её клинка укалывает того в открывшийся бок.

– Слишком предсказуемо, – улыбается уголком рта Чёрная, распрямляясь и вставая в прежнюю позицию.

– Видывал я как-то одного бойца из Тея, – признался интуит, – Очень уж похоже – все эти полукружья приставным шагом... Как закончим, навестим его, там...

Взгляд в сторону кладбища.

– Не поранила? – вместо ответа уточняет Мислеги.

– Кожу царапнула слегка, пустяк, – отвечает Лилмел, – Если бы уж действительно всерьёз сошлись, я был бы в бронежилете, а он это место закрывает. Выпад хорош, но... Заинтриговала, где твоё слабое место?

– Найди, – вскинула бровь Мислеги, – И в этот раз давай по-настоящему. Не надо играть со мной, Чистый.

– Как скажешь, Падш... Чёрная, – поправил оперативник сам себя, – Хочешь всерьёз?

Снова взгляд влево-вверх, словно внутрь виска.

– Готова? – клинок в вытянутой руке нацеливается прямо в грудь Ниан.

Ответом стали два сверкающих диска вокруг рук Мислеги, прочерченных клинками, что она прокрутила вокруг запястий.

Лилмел наставил острие клинка прямо ей в грудь на вытянутой руке, до касания оставался какой-то локоть. Один выпад – и грудная клетка будет пронзена этим безупречным на вид клинком, по которому вьётся сложный, угловатый узор из намертво вправленного в него белого камня. Угроза, настолько явная и прямая, что даже неудивительно, что исходит от интуита, специалиста по эмоциям.

– У тебя ещё есть шанс меня впечатлить, – Ниан снова переводит игру на знакомое ей пространство.

– Никогда не впечатлял девушек, причиняя им боль.

– А та Белая Падшая из Алькани? Кому было больнее? Тебе или ей?

– Дай-ка угадаю... Аниала? Или Кемира?

– Ты не ответил.

– Потому, что не знаю ответа, – признался Лилмел.

– Хорошо, где она сейчас?

– Аниала или Кемира? – повторил вопрос интуит, – Я ответил на твой.

– Одна из них.

– Это не ответ.

– Другого всё равно не будет.

Они двинулись кругом, один против другого, но в этом танце вёл Лилмел – пошёл вправо, со стороны сильной руки. Мислеги, будучи обоерукой, приняла новые правила.

– На острове Дивэдо.

– Там тюрьма, так?

– Для таких, как мы с тобой.

– Не обобщай. Для таких, как я. Ты ведь давно решил, что Чистые Принципы превыше всего, правда?

– Потому, что это единственное решение.

– Ты лжёшь, интуит. Ты не веришь в свои слова. Ты лжёшь сам себе.

– А ты, Ниан? Ты и правда веришь, что до конца одна из нас? Как верят в тебя храмовники?

– Теперь ты не ответил на вопрос.

– А я снова не знаю ответа. Иллюзии – это же то, во что так приятно верить, да, мастер иллюзий? Отчего же ты раздражена? Не потому ли, что *сама* в свои иллюзии поверила?

– Где ты видишь раздражение?

– На губах. Давно изучаю твоё лицо. Маска хороша, но мы скоро год, как вместе. Твоя привычка к старомодным раскладным книгам. Они, видишь ли, требуют закладок.

– Ты читал мои книги?

– Только те страницы, где закладки. Там несложно догадаться, какие эмоции вызовет текст. Оставалось запомнить выражение твоего лица в моменты, когда ты читала.

– Архак... – выругалась Чёрная.

Довольный собой, что нашёл, всё-таки, то самое слабое место, Лилмел улыбнулся.

Арего Асбюрата, так звался этот приём, «зубы мертвеца». Шаг вперёд, двумя клинками взять «на излом» не успевший отдёрнуться один, повернуться всем телом, ещё шаг, и руки как продолжение клинков, и корпус вполоборота вниз, чтобы вырвать оружие врага из ладоней. Особенно легко, если противник держит оружие одной рукой. Вдвойне просто, если он расслаблен.

– Как? – удивился обезоруженный интуит.

– Второе касание требуется? – вскидывает бровь Мислеги, напоминая, что тренировка шла до пяти касаний клинком.

– Нет, – признаёт Лилмел, – Но... как?

– Правильнее будет спросить: «почему», верно?

– Да.

– Вы, интуиты, сильны моментом. Вы предчувствуете удар, если концентрируетесь на эмоциях противника. За мгновения вы *ощущаете*, куда прилетит выпущенная в вас пуля. Нужно было тебя отвлечь. И ты отвлекся. У нас, Чёрных, нет такого дара, как у вас. Есть интеллект и навык просматривать ситуацию на шаг вперёд.

– То есть, ты меня... Спровоцировала?

– Как думаешь, оставляла бы я книги с закладками где попало, если бы *не хотела*, чтоб их кто-нибудь открыл?

– Думаю, нет, – снова эти глаза вправо и вверх, – Ты хотела, чтоб я почувствовал превосходство, я понял. Толкнулась от предыдущей победы, когда неуверенность была у меня. Просчитала ответный шаг – вернуть уверенность. Я так и поступил. Хороший урок, спасибо.

– Теперь – ты.

– Что ты хочешь знать?

Мислеги подняла с земли его клинок, взяла в ладонь за острую часть, бережно, даже нежно. Белая энергетика, напитавшая лезвие, чуть ли не обожгла Чёрную. Протянула клинок рукоятью вперёд, Лилмел принял оружие.

– Маска на лице, – напомнила Мислеги, – Как ты её взломал, м?

– Ах, это... Когда ты читаешь книги, мир вокруг перестаёт для тебя существовать. Особенно стихи – ты даже шепчешь иногда беззвучно, одними губами те фразы, что тебя особо восхитили. Иное дело, когда ты не читаешь, а делаешь вид, что поглощена чтением.

– Поняла, учту, спасибо.

– Это уже не тренировка, Ниан. Это какие-то уроки.

– Тренировка – это и есть уроки.

– Нет, к Архаку, Ниан, пошли. В другой раз, правда.

– Не хочешь продолжить, м? – снова вскинутая бровь.

– Лучше бы ты мне ещё пару царепин повесила, чем сердце бредила. Ты вот это подразумевала под словом «всерьёз»?

– Да. Бой зачастую выигран до его начала. Ещё до того, как скрещено оружие, уже решено, кто жертва. Если всерьёз будешь биться с Чёрными, то этот урок тебе сгодится. Никто из них не станет меряться с тобой силой рук и скоростью реакции. Ибо это заведомый проигрыш.

– Тогда от меня взаимный урок, – Лилмел заглянул ей прямо в глаза, – Сними плащ.

– Что? – такой нелепой просьбе Мислеги даже улыбнулась.

– Плащ, Ниан. Он стесняет перемещения. Тебе в нём жарко, посмотри, немного быстрых движений – и ты уже вспотела. Виски мокрые. Но ты всё равно его носишь, и я знаю, почему. Чувство защищённости. Вот, что он тебе даёт. Хочешь совет? Избавься от него – победи свои страхи сама, силой воли.

– Характерно для интуита, – сказала Ниан, снимая плащ и бросая его прямо на холодную, влажную траву, – Хватит играть со мной, Лилмел. Давай серьёзно.

Я же вижу, что ты хочешь узнать, на что способна я. Ты не тренируешься, ты меня читаешь, как те книги, что я оставляла, оставляла, дабы создать ложное впечатление. Обмани себя сам, покажи, на что способен ты, Чистый. Давай, побеждай, я тебе позволю – а с чувством превосходства, что у тебя появится после этого, разберёмся потом. Так, чтобы не стало поздно.

– Что ж, пусть будет серьёзно, – снова этот взгляд внутрь виска, и Мислеги прямо ощутила, как колыхнулась энергетика вокруг неё. Вот так, значит. Хорошо, посмотрим, счёт уже два-ноль в её пользу. Ещё одно касание – и продолжать нет смысла, три из пяти, заведомая победа.

Но обрывать поединок сейчас ей не хотелось. Юньядо, чувствовала она, затеял какую-то игру. Посмотрим, какие у этой игры правила.

И вот он снова – как и свойственно всем Чистым – не скрывает своих намерений. Опять пошёл полукругом, рисуя петли острием клинка в воздухе. Лезвие, отточенное так, что его можно использовать вместо зеркала, рассекает воздух, словно знак Бесконечности. Правый бок, левый, правый, левый... Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее, и вот уже махи сливаются в сверкающие полосы.

Ниан ждёт атаки, тоже встаёт в стойку, перенося вес на правую ногу, левую держа чуть впереди. Динтреи подняты в защитной позиции, один прямым хватом, второй – обратным, горизонтально, на уровне груди и живота.

Лилмел наступает, надеясь на неуверенность, что получила Ниан, сняв плащ, и – пришлось признать – прав, архаков сын, без этой детали одежды как-то... Не по себе?

Клинок Чистого внезапно расширяет длину той петли, по которой крутился раньше. Удар с силой, с весом, с шагом, и тут же – снова в петлю, снова в сверкающее сияние, а Ниан ловит себя на мысли, что удар пришлось встречать обеими руками, но даже парным блоком с трудом сдержала. Ещё удар, теперь сверху и слева, Мислеги отклоняется, но тут же приходится встречать следующий. А следом – ещё движение, на сей раз интуит делает шаг в сторону, и опускающееся лезвие приходится встречать не прямым блоком, который с немалой вероятностью мог бы быть пробит, а отклоняющим движением.

Удар, ещё удар, Чистый словно пытается нащупать ту технику, что будет неудобной для бывшей Падшей... Впрочем, бывшей ли? Танцует – полшага влево, полшага вправо, шаг вперёд. Выпад, удар, с весом, с силой. Ниан встречает его клинок парой своих, с каждым разом делая блок всё жестче, всё агрессивнее, и вот – Лилмел ошибается, не рассчитывает силу, и ей удаётся оттолкнуть его оружие и ударить в ответ. Сначала – парный замах справа налево, тоже с силой, тоже с шагом и вложенным весом тела. Защита пробита, и – пара динтреев взмывает над головой, и крылья ветра, *саар делгьемоа*, удар, от которого почти нет защиты.

Но интуит знает этот приём, встречая его шагом в сторону и поднятым вовремя лезвием, один клинок промахивается, второй отзывается звоном отточенной стали, встретившейся в положении плашмя. Мислеги и не думает останавливаться, теперь она кружится, теперь она порхает над землёй, словно притяжения и не существует. Удар за ударом, но теперь интуит, поняла Ниан, использует свою энергетику, на мгновение она замечает, что его глаза наполовину прикрыты. Лилмел *ощущает, чувствует*, куда будет нанесён удар за какое-то мгновение спустя того, как движение началось. Потому и закрыты глаза, чтоб зрение не мешало над-человеческим чувствам. Ниан могла бы в ответ использовать свои, Чёрные, способности – но на то, чтобы сосредоточиться, потребуется время, и...

Она сама не заметила, как упустила тот момент, когда сверкающий круг защиты Лилмела куда-то исчез, а её динтреи полоснули воздух там, где противника уже нет.

Мислеги успеваешь заметить, как тот делает полный оборот вокруг своего корпуса, и на выходе из него шлёпает её легким и быстрым движением – уже без усилия, словно издеваясь – пониже поясницы.

– Два – один, – улыбается он, – Вот теперь всерьёз.

Как победить противника, который безошибочно знает, куда будет нанесён удар?

Но Чёрные не раз сходились в поединках с такими вот интуитами, и те, кто выжил, описали потом в подробностях, как удалось победить. Ниан не просто знала, она не раз разбирала описанное на живом примере – Рему Чинтери старался, чтоб ученица поняла, что когда-то это может спасти ей жизнь. И, надо признать, пока не пригодились ни разу, но Мислеги ещё во времена тех уроков очень, очень-очень хотела узнать, на что способны интуиты по-настоящему.

Но Лилмел ещё не раскрыл всё, на что способен. А, стало быть, надо продолжать.

– Энергетика, м? – вскинула бровь Чёрная, словно не желая признавать поражение, – Как скажешь, Лилмел. Дай мне полкинса.

И снова, как тогда, на Рондонге, она ушла в себя. Веки открыты, но интуит сейчас наяву видел тот известный ему только по книгам *незрячий* взгляд Чёрных, когда кажется, что глаза лишены белков и радужки, а глазницы заполняет чернота. Но стоит приглядеться, всмотреться – и окажется, что глаза обычные, человеческие, и впечатление непроглядной, не отражающей тьмы под веками возникало только, если не смотреть в глаза прямо, где-то на грани бокового зрения это проявлялось необыкновенно отчётливо.

– Готов? – спросила Мислеги.

– Да, – ответил интуит.

Она атаковала неожиданно, без предупреждения, без подготовки – два быстрых шага, череда косых ударов поочерёдно с обеих рук, затем – выпад, *kea dei gesat*, горизонтальный парный мах клинками, припав на колено. Лилмел втыкает своё оружие в землю, парируя удар, Ниан тут же встаёт, бьёт пронесом снизу вверх наискось. Интуит отскакивает, успевая выдернуть оружие, перехватывает клинок обратным хватом, так, что лезвие в вытянутой руке смотрит вниз, и лязг встречающихся лезвий сливается в сплошной звук.

Мислеги быстра. Она нечеловечески быстра, удар за ударом, интуит пятится, встретив сильную сторону Чёрных – вот эту вот запредельную скорость движений, но и его навыки не поводят. Ниан видит это, интуит не столько силён, сколько опытен, и остаётся только одно – или показать всё, на что она способна по-настоящему, или, всё ж таки, подыграть Чистому.

Лилмел, вначале пятившийся под градом ударов, начал двигаться полукругом, и гипнотическая поняла, что надолго её уже не хватит. Расплатой за такую вот скорость становилась очень быстрая усталость, мышцы уже наливались свинцом, и вот – интуит успеваешь схватить своей свободной левой рукой Чёрную за запястье, занесённый клинок опускается, и Мислеги просто не успеваешь парировать правильно, слинк срывается с лезвия её динтрея, шлёпает по плечу.

– Два – два, – Лилмел доволен собой и даже не скрывает этого.

– А вот это уже впечатляет, – признала Мислеги, переводя сбившееся дыхание.

Как победить противника, если он *чувствует*, куда будет нанесён удар? Нет, конечно, не сам удар, не само движение клинков – он воспринимает *намерение* противника ударить по тому или иному месту. Это тот навык, что схож с общечеловеческим чувством, когда пристально смотрят в спину, но – многократно усиленный Посвящением и последующими тренировками. Ниан не строила иллюзий: в настоящем бою ей предстоит именно это. Поэтому – мало *знать* способ. Надо ещё суметь его применить.

– Решающий? – спрашивает интуит, снова беря клинок в две руки. Лезвие опять смотрит прямо в грудь Мислеги, но теперь оно не на вытянутой руке, а занесено от правого плеча Чистого к левому.

– Я готова, – вместо ответа говорит Чёрная, уже всё про себя решившая. Тоже перехватывает клинки, один, в левой руке, обратным хватом, другой – прямым.

Храмовник атакует резко, стараясь не дать ей шанса. Череду хаотичных колющих ударов, Ниан даже не успевает их отбивать, раз разом ей приходится уворачиваться, пятиться, делать шаги в сторону, выжидая нужного момента. Она всё ещё быстра, сознание находится на том уровне полутранса, в котором происходящее воспринимается, как в замедленной съёмке. Отводя в сторону очередной выпад лезвием, вытянутым вдоль левого локтя, Мислеги ловит удачный момент, сбивая ударом правой руки клинок Лилмела вниз. Тут же контратакует, и

«Ложный выпад!» – кричит беззвучно она сама себе, целя в ноги.

Начинает приседать, клинки уже на взмахе, но интуиту опять – в который раз! – удаётся прочувствовать её намерение, и удар в шею неожиданно выпрямившейся Чёрной пропадает даром, храмовник ждал именно его.

«Ещё!» – врывается в сознание мысль, теперь ударить в шею, а потом, в последний момент, свернуть вниз, к ногам, она уже смотрит в бедро, движение начинается, и время словно растягивается, а мгновение воспринимается, как целое событие.

Получилось.

Поверил.

Клинок свернул вниз, а вот динтреи – нет.

Удар, не будь он нанесён плашмя, был бы смертельным и неотвратимым.

Но нет. Мислеги помнила, прятала в себе ту мысль, которая пришла раньше – не показывать всего, на что на самом деле, по-настоящему способна. Это Лилмелу важна победа над Чёрной. Для Ниан же важнее было проверить: а сможет ли?

Смогла, поняла она, в последний момент замедляясь, давая Белому отскочить и контратаковать резким, колющим выпадом снизу вверх.

Острие его клинка на сей раз проткнуло одежду на уровне рёбер, царапнуло кожу – глубоко, неприятно, но терпимо.

– Прости, я не собирался... – начал, было, Юньядо, но храмовница остановила его.

– Всё нормально, я же сама предложила. А ты хорош, Лилмел.

– Не надо было тебе предлагать использовать энергетiku, – в ответ сказал он, – Даже как-то... Не совсем честно, что ли.

– Веди, – вместо ответа сказала Мислеги, занявшись своим оружием, поочерёдно оттягивая пружины взвода на динтреях, чтоб те превратились снова в, с виду, безобидные цилиндры. То же самое проделал со своим клинком Лилмел. Но если клинки Ниан исчезали внутри полых металлических цилиндров целиком, то с оружием интуита дело обстояло иначе. По мере движения лезвия внутрь из первого, широкого, цилиндра выдвинулся сначала второй, потом третий – на манер телескопа – пока клинок не исчез внутри целиком. От гипнократессы не укрылось, что Белому это стоило немалых усилий.

– Идём, – сказал Юньядо, и направился вперёд, показывая путь.

Мислеги двинулась за ним.

– Расскажи мне о ней, – попросила она.

– О ком?

– Ты знаешь.

– Ты похожа на неё, Ниан. Другие глаза, другие волосы, но... Характер.

– Мы похожи характерами?

– Сюда, – снова показал направление интуит, – Здесь – самые слабые ворота стены Храма.

Предполагается, что горы вокруг слишком хорошо защищают это направление. Почти отвесные скалы, они прорезаны тем ручьём, что питает бассейн во дворе. Но потом он ушёл под землю, нашёл, видимо, какую-то полость... Мы пойдем по пыли того, что когда-то было скалой, к праху того, что когда-то было людьми. Тебе должно понравиться.

– А той, что ты любил – понравилось бы?

– А тому, которого любила ты?

– Ему бы – очень, – признала Мислеги, – Он вообще любил символизм. И ты неправильно ставишь вопрос. С временной формой глагола ошибся.

Юньядо призадумался на миг.

– Не «любила», а «любишь», так? До сих пор? – угадал он, – Это он приходил тогда, на Испытаниях Кемиры?

– Как ты узнал?

– Тебя *прочувствовал*.

– А я и не заметила.

– Момент, сама же говорила. Как ты могла это просчитать, правильно?

– Верно, – не стала спорить Ниан, – Ты говорил о характере.

– Характер, – то ли улыбнулся, то ли скривил губы интуит, – Директивная составляющая личности. Диктующая, как, когда и в каких случаях реагировать на события окружающего мира. Формируется в подсознании, как отвечать на те или иные ситуации. Характер – нечто сугубо подсознательное, и принято считать, что он формируется из положительного и отрицательного опыта жизненных ситуаций. На самом же деле – почти всегда только отрицательного. Каждый раз, когда мы говорим, что человек «проявил характер», мы подразумеваем, что он сделал нечто такое, волевое, не поддавался влиянию. А если копнуть глубже – ничего подобного, включил обычную защитную реакцию, чтобы не повторить тот, осевший в подсознании, негативный опыт. Детство, окружение – и никогда наследственность. Вот, что такое характер. Набор подсознательных реакций, кричащих «НЕТ!» всякий раз, когда подсознание определяет ситуацию, схожую с негативной, закреплённой в памяти. «Человек с характером» чаще всего означает личность конфликтную, которая, вроде, и не хочет ни с кем конфликтовать, но включает защитную реакцию по поводу и без. Не понимаю тех слабоумных, у которых «люди с характером» вызывают уважение...

– А что они должны вызывать? – уточняет Мислеги.

– Жалость, сочувствие... Если человек встаёт в защитную позу даже тогда, когда на него никто не собирается нападать, то это значит, что он когда-то уже «обжёгся». Выбежал, весь такой, навстречу жизни, навстречу людям, полный желания нести добро – а тут раз, на тебе боль в ответ. Вот и сформировался «характер», и чем больше боли и чем раньше возраст, тем человек «характернее». Вроде иммунитета к болезням. Чем чаще заболел – тем сильнее иммунитет, если, конечно, проблема не в слабом иммунитете...

Они прошли мимо той вековой храмовой стены, миновали крепкие, из обитых сталью просушенных толстых досок ворота. Лилмел открыл их не без усилий, скрипнули петли, интуит проворчал нечто вроде «смазать бы», и, когда они уже шли дальше, продолжал:

– Самое любопытное, что характер проявляется у мужчин и женщин по-разному. Такое простое, казалось бы, явление, а сколько трактовок – если писать научные труды на тему, так

на всю жизнь хватит. Подсознательные реакции, выливающиеся в неосознанные эмоции, которые, в свою очередь, влияют на «осознанные» решения. На самом деле – вот то и вот это вызывает у меня неприязнь, значит, я от этого либо избавлюсь, либо буду держаться подальше, что одно и то же. Осознанное решение? А в какой степени осознанное, если человек сам не понимает, чем вызвана неприязнь, что продиктовало такое, именно такое восприятие событий? Каждый раз, когда я вижу нелогичный поступок, я читаю на лице негативные эмоции, Ниа.

– Как ты меня назвал???

Пристальный взгляд на её лицо вполоборота, Мислеги шла чуть позади и левее.

– Понял, больше не буду... – интуит качнул головой так, как делал всякий раз, когда извинялся, – Маска, смотрю, исчезла. Стало быть, перестала меня воспринимать, как чужого.

– Ещё раз так назовёшь – и станешь чужим навсегда, – поставила условие Ниан.

– А вот и характер, – отвернулся Лилмел, жестом показывая дальнейший путь, – Боль, рана, сильная, глубокая, оставившая след в подсознании. Отсюда плащ, отсюда тяга к чёрной одежде, отсюда же показное отрицание собственной сексуальности. Даже антисексуальность, я бы сказал. Хотел бы я знать, что такого с тобой случилось... Но предположить могу легко. Ты хотела нравиться, как личность – в тебе увидели объект для удовлетворения похоти. А с тем, кто видел в тебе личность, что-то случилось, и ты винишь себя. Так?

– Я похожа характером на твою бывшую... Ты хоть раз её навещал?

– Нет, – признался интуит, – Вот опять: защитная реакция. Тема разговора, затронувшая воспоминания, что вызывают в тебе боль. И в ответ ты их «отзеркаливаешь» своим вопросом. Но мне уже не больно, Ниан. А вот тебе – ещё да.

– Потрясающее открытие, м? Лучше б я...

– Оставалась в себе? – угадал интуит, перебив её, – И сколько? Ещё год? Два? Пять? Десять?

– А ты сам, Белый? Думаешь, пришлось бы твоей любимой девушке лгать тебе же, архаков чистый? Я, по крайней мере, была с Мирралдом самой собой. А ты? Лепил из неё ту, кем она не являлась? Девушку-мечту захотел? И во мне вдруг её увидел? Из той не слепил, решил, что из меня получится? Решил, что вылечишь меня от прошлого?

– Я не...

– Ну как же, «не», – перебила Мислеги, – Жалеет он, надо же...

– Тебя оскорбляет жалость?

– Я знаю, что жалость – это инструмент. Как любое сказанное слово. Но. Если слово может быть сказано с целью обмана других, то жалость – это обман самого себя. Что у тебя там было про самоанализ?

Белый остановился, обернулся, как то пристально оглядел её.

Пора с этим заканчивать, подруга, – сказала Ниан себе, – *Это вот его чувство превосходства уже начинает слишком уж...*

Но вслух произнесла, конечно, другое.

– Подержи, – сказала Мислеги, и чуть ли не рывком сняла плащ, бросив его, скомканный, прямо в руки интуита, – Ну, что ты чувствуешь, м?

С треском разлетаются пуговицы на застёгнутом воротнике «футболки», сила такова, что рвётся ткань ниже, и образовавшуюся прореху девушка распахивает как можно шире, так, что видно бельё.

– Давай, расскажи мне про сексуальность. Что ты чувствуешь, Белый, Чистый, горячий своей белизной и чистотой? Хочешь меня?

Лилмел опешил.

– А давай уточним, м? Чего ты хочешь? Моё тело? Чтоб извивалось в твоих руках, и ты, этаким мужчиной с большой буквы, ощутил счастье обладания? Или этого мало? И тебе нужна

эмоциональная зависимость, чтоб я тебе шептала на ушко, какой ты милый и замечательный, а ты в ответ снисходительно улыбался, м? А лучше – и то, и другое, правда?

– Ты замёрзнешь... – начал, было, Юньядо, протягивая плащ обратно.

– А хочешь, я повернусь к тебе спинкой, и ты так покровительственно, широким жестом, накроешь меня плащом? Вроде чувства защищённости, коего мне так не хватает?

– Ниан, что с тобой?

– Что со мной? Что-то не так? Всё ждёшь, когда увидишь ту маленькую ранимую Ниа, что уже нарисовал себе в мечтах, Лилмел?

– Но ты и правда ранимая. Посмотри на себя. Ты ведь вся вне себя от гнева, Ниа...

С шипением вылетают клинки из ременных креплений на бёдрах. С щелчком выпрыгивают лезвия динтреев.

– Назови меня так ещё раз, – на лице Мислеги не улыбка, а оскал, и вскинутая бровь уже выглядит, словно призыв к действию, – Я тебе не Каэми, которая будет улыбаться Тигнему в ответ на «Ани», ясно тебе, Чистый Белый? Ясно тебе, мерзость, предавшая любившего тебя человека ради Чистых Принципов?

– Ниан, я... – Юньядо попятился.

– Замолчи лучше, – честно предупредила она, – И веди.

– По-моему, лучше уже не стбит.

– Уговор помнишь? Сам предложил поединок в обмен на сопровождение. Веди, или пойду сама. Думаешь, Чёрная не отыщет дороги к кладбищу?

– Там есть поворот... По ощущениям, так *твоя* энергетика идёт оттуда. Но на самом деле, там... Тупик.

– Опиши поворот и иди отсюда прочь, – сказала Мислеги, снова взводя пружины.

– Я отведу, – сказал Лилмел, – Прости, я...

– Да-да, не хотел меня задеть, – перебила Ниан, – И вообще последствий не предвидел, всё, как обычно... Идём. Если захочешь поговорить, начни с двух вещей. Как её звали. И. Когда ты последний раз её навещал.

Видно было, Юньядо ошарашен такой переменной настроения – только что убить была готова, а тут уже снова спокойна, как ни в чём не бывало.

– Знаешь, – признался он, зачем-то размяв шею, – Если честно, то я просто боюсь.

– Вот тебе ещё один урок, – ответила Ниан, забрав плащ из его рук и снова надевая, – Признайся, принял вспышку гнева за настоящую, м?

– Ты и вправду чувствовала гнев. Мимика, жесты, тон голоса, да и по моим ощущениям...

– Естественно. Я сама себя взвинтила, сама поверила, что наяву очень, дико разозлилась на тебя. И ты поверил, и сделал ровно то, что мне и было нужно.

– Например?

– Чтоб перестал разговаривать и держаться со мной вот так, покровительственно, и начал, наконец, принимать как равную. Вернёмся к теме... *Чего* ты боишься, Лилмел? Что она тебя не простила?

– Да. И... Если уж совсем откровенно, то – я даже не знаю, что ей сказать при встрече.

– Скажи, что думаешь.

– Мне жаль, что так вышло, вот что. Но иначе я поступить не мог, да и прошлого уже не вернёшь.

Узкое, прорезанное ручьём ущелье, разбилось впереди на два рукава, словно рассечённое надвое торчащим кверху клыком окаменевшего исполинского чудовища. Серый камень, почти монолитная глыба, но Ниан знала – порода очень мягкая, легко царапается сталью. Интуи́т показал рукой направление:

– Нам направо.

– Если она и правда тебя любила, Лилмел, – ободрила его Мислеги, – То она давно уже поняла и простила тебя. Какое наказание ей определили?

– Десять лет.

– И сколько прошло?

– Пять. Уже, в принципе срок для условной свободы.

– Как это?

– Либо де-инициация, курс препаратов и процедур, подавляющих способности и потом поднадзорная жизнь. Или работа на Интерсилу.

– Работа?

– Да. Нас, Посвящённых, не так много, чтобы нами разбрасывались, – усмехнулся Лилмел, – Спроси как-нибудь Тигнема, он тебе примерно расскажет, сколько стоят услуги. Хватит, чтобы окупить своё содержание в тюрьме за пару лет, а потом – только в плюс. Эдакий срок на возмещение ущерба.

– Она согласилась бы на такие условия?

– Та, которую я знал – вряд ли... Но... Мало ли, как она изменилась за это время. Я ведь по работе встречался пару раз с такими людьми, побывавшими там. И чувство... Что они все изменились. Очень сильно изменились, Ниа... н, – вовремя поправил себя интуит, – Почти пришли. Чувствуешь?

Да, Мислеги чувствовала.

Когда-то ручей, чьё течение резало мягкий прочный камень скалы, натолкнулся на грот. Поток провалился туда, заполнил до краёв, снова вышел наружу – и начал заниматься тем, чтобы опять вырваться на волю. Сначала сточил в песок тот край провала, что ниже по течению, потом – больше, больше. Срезанный водой камень оседал на дне грота, и так образовалась эта площадка, заполненная ровным, серым песком.

Камень, из которого состояла скала, был непрост: лёгкий в обработке, недаром из него и построен храм. Но главная черта – способность, словно губка, впитывать энергетику – оказалась куда важнее. Недаром с такой лёгкостью удалось напитать храмовые стены разными формулами, что укрепляли её.

И место для кладбища выбрано не случайно – словно кто-то не хотел, чтобы Чёрная энергетика просачивалась дальше, к Храму. Похоже было, что это имеет отношение к тому самому первому расколу среди Посвящённых, о котором говорил Мислеги когда-то её Наставник, Чинтери. Видимо, кто-то не хотел дать Чёрным возможность просто так взять и применить энергетику этого места против Храмовников.

Осталось только проверить эту догадку.

– Прах сожжённых тел храмовников раньше ведь предавали земле в другом месте? – спросила Мислеги у стоявшего рядом Лилмела.

– Да, но где – не знаю точно. Да и потом, большинство тех, кто не вернулся, находили своё погребение не здесь. Во всяком случае, я не видел ни одного памятного камня старше пятисот лет.

– А насколько тщательно смотрел?

– Тщательно – ни разу. Мне не по себе от этого места. Просто бывал тут часто, – признался, дёрнув плечом, Лилмел, когда они двинулись между стройными рядами камней, – А почему ты спрашиваешь?

– А что было в Храме пятьсот лет назад? Ведь не раскол, верно?

– Спроси Эмаладэ, он наверняка знает.

– Но наверняка не ответит, – возразила Чёрная, – Если не по себе, то можешь уйти. Потому что дальше тебе станет не по себе ещё больше.

– Что ты собираешься делать? – уточнил интуит.

– Поговорить кое с кем, – уклончиво ответила Мислеги.

– И с кем же?

– С кем получится, – уголком рта улыбнулась она, – Мне нужны ответы, Лилмел.

– Мне теперь не только от этого места не по себе, – признал он, – Но и от тебя тоже. Ты словно... в эйфории.

– Это от энергетики здешней, – ответила Ниан, – Её столько, что с ней я могу такое... Но мы тут не за этим. Ещё раз – если хочешь, можешь уйти. Присмотреть за входом, вдруг случайные свидетели...

– Шутка, так? Нет, останусь лучше. Всегда хотел посмотреть на то, как работают Чёрные.

– Ты мало что увидишь... Хотя... Я могу и показать.

– Показать?

– Да. Будешь видеть то же, что и я, только при одном условии. Контролировать свои эмоции, что бы ни происходило. Это всё небезопасно для тебя, но я в любом случае смогу тебя защитить. Ты мне веришь?

Лилмел призадумался: видно было, что колеблется.

– Хорошо, – согласился он, наконец, – Что нужно делать?

– Вначале – прочертить Знак, – сказала Мислеги и, не теряя больше ни кинса, взялась за дело, обнажив клинки.

Юньядо молча наблюдал, как она чертит на сером песке линии, проходящие прямо сквозь памятные камни. Ниан почти не ошибалась, лишь пару раз глянула критично на дело рук своих, и, затерев линию, подправила её. Кривые и петли, исходя из общего центра, причудливо переплетаясь, в конце соединились в почти правильную окружность, и тут уже не требовалось втыкать клинки в землю, как при Испытаниях Кемиры – памятные камни служили отличными опорными точками будущей формации. Оставалось только убрать лишнее, ненужное – на некоторые камни пришлось накладывать формулы рассеяния, чтобы не вмешивались в тонкую энергетическую конструкцию.

– У меня такое чувство, что за нами кто-то наблюдает, – признался Лилмел, пристально глядя на работу Чёрной.

– Скорее всего, так и есть, – не отрываясь, ответила та, – Не отвлекайся, почти готово.

Интуит поёжился.

– Холодает...

– Нет, это кажется только... На самом деле, когда подошли с традиционной наукой к нашей области и начали ставить эксперименты со случаями явления *теней*, то все очевидцы, свидетели и сами исследователи отмечали чувство мороза, холода, пар изо рта. На самом деле это следствие воздействия Чёрной энергетики на человека. Нервы сообщают о холоде, мозг верит, вот и иллюзия пара изо рта. Пара, который видится только для выдыхающего, сторонний наблюдатель его не замечает... Вот и всё. Подойди. Аккуратно, не затопчи мне линии.

– Вот он каков, ваш Знак, – сказал Лилмел, – Я видел как-то его, но.. Почему-то он чуть иначе мне представлялся.

– Я внесла ряд изменений, – призналась Мислеги, – Сдвинула некоторые линии, что отвечают именно моей цели... Возьми меня за руку. Закрой глаза. Прочувствуй меня. Контролируй эмоции, особенно – страх. И не трогай Белую энергетику. Ничего не предпринимай, молчи и смотри. Готов? Сосредоточься.

Гипнократесса закрыла глаза, ушла в себя, отрешаясь от мыслей, от руки, что держала её ладонь, от скалы вокруг, от песка под ногами. Слушала биение своего сердца, собирала внимание на своём дыхании. Тик-так, тик-так, тик-так, вдох – выдох...

Я умираю, – сказала она себе, – Смертельно ранена клинком в бок. Умираю и не хочу бороться за жизнь. Мне нечего оставлять в этом мире, я встречаю покой, и сердце моё бьётся всё тише, и тише, и – тише...

Тик. Так. Тик. Так. Вдох.

Моё дыхание останавливается, – продолжает Мислеги, – И я уже не чувствую боль от раны. Мне хорошо. Мне спокойно. Меня уже почти не стало, я чувствую, как останавливается кровь в жилах.

Тик... Так... Выдох.

Трепетнули пальцы интуита на её ладони. Кемира права – Лилмел почти влюбился, хоть и понимает, что всё, происходящее сейчас, как раз и должно происходить, но подавить тревогу за неё, за Ниан, ему стоит огромного труда.

Юньядо сейчас борется с собой.

Мислеги – тоже, пересилить желание снова вдохнуть.

Я не чувствую его руки. Не чувствую тела. Я не дышу и не хочу вновь дышать. Моё сердце сейчас сожмётся и разожмётся последний раз...

Тик...

Так...

...

Я мертва.

Инвар Телли. Именно так он, по-видимому, исследовал то искусство, что было областью Мислеги, сам будучи Белым. Правда, для этого учёному нужен был помощник из числа именно Чёрных. Ниан уже не просто догадывалась, она была уверена – этим помощником был Ленасси Трельф.

Именно Трельф и показал Телли мир, что был скрыт до того непроницаемой завесой, и Инвар видел. Точно так же, как видит сейчас Лилмел.

Для интуита, привыкшего ощущать окружающий мир чуть тоньше, было непривычно вот так вот *видеть* сквозь опущенные веки. Мислеги передалось чувство тревоги, что испытывал Белый, но тот сразу же взял себя в руки, как она и предупреждала.

Молодец, – сказала Ниан ему мысленно, зная, что тот поймёт, – Мы словно парим, видишь? Это нормально. Не отвечай мне, молчи, я почувствую...

Там? Знаю, это Тень. Просто Тень. Они всегда возвращаются к тому месту, где нашли покой их тела. Остальное время либо спят в таких местах, либо путешествуют по миру, иногда приглядывают за близкими. Кроме тех, за кем приходят. Кто приходит – потом расскажу. Приглядишься — эта Тень словно ищет что-то.

Размытый силуэт, похожий, и вправду, на обычную тень, беззвучно скользил меж памятных камней, задерживаясь меж ними, и, казалось, словно вслушиваясь.

– *Властью спирита – приблизься, мы не причиним тебе вреда,* – позвала Мислеги.

– *Я знал, что этот день придёт, и вы снова сюда явитесь, ненавистники Храма,* – ответила тень, и очертания её на миг прояснились, явив зрелое лицо с глубокими голубыми глазами и складками в уголках рта, – *И что Белые рано или поздно предадут наши идеалы ради каких-то своих целей.*

– *Ты ошибся,* – возразила Мислеги, – *Пред тобой Храмовники, такие же, как и ты.*

Похоже, Тень это заинтересовало: древний храмовник заскользил меж камней к ним, приблизился на расстояние вытянутой руки.

– *Ты сказал, что снова явятся?* – уточнила Ниан, – *Но кто?*

– *Если вы и вправду Храмовники, разве не знаете?*

– *В Храме теперь есть тайны от своих,* – уклончиво ответила Чёрная.

– *Всегда были,* – тень улыбнулась, или показалось? – *Но не такие. Храм ведь не случайно был построен именно здесь. Все храмы древних божеств построены в местах, где нитями сплетаются те силы, что являются сутью божества. Храм Познания построен там, где должно бы явиться божеству познания. Оно и явилось. Правда, сколько ритуалов было испробовано...*

– *Кем ты был при жизни?* – спросила Мислеги, чувствуя, что если на задаст этот вопрос сама, то державший её за руку Белый не удержится.

– *Я знаю, для чего обычно Чёрным нужны имена Теней. Не хочу, чтоб ты меня подчинила,* – снова показалось, что тень улыбнулась, – *Храм – это ключ ко многим тайнам. Неудивительно, что временами находятяся те, кто хочет поставить его под свою власть. Я был обычным храмовником, сначала ездил по миру, борясь с Падишими и влиянием Ордена Чистых, что всё росло. Потом – погиб, защищая Храм, когда враги пришли. Камни, там – они в память о тех, кто пал вместе со мной.*

– *Кто – «они»? Кто приходил?*

– *Мы не спрашивали имён, не до того было, а знамен они не носили. Но искусство у них было твоё, спирт. Так для чего ТЫ здесь?*

– *Ищу ответы.*

– *Странное ты выбрала для этого место,* – лицо тени снова размылось, – *И способ. Или иначе твои ответы не найти?*

– *Мне нужны дневники Ленасси Трельфа. Ныне в Храме никто не знает, где их можно отыскать.*

– *Не мудрено. При мне уже храмовников всё меньше интересовало Познание, всё больше увлекали дела... Кто же, кто же... Может знать... Сейчас.*

– *Даже после смерти людские привычки остаются,* – беззвучно произнесла Мислеги, отвечая на вопрос Лилмела, что он передал ей на уровне ощущений, – *Видишь? Словно задумался.*

– *Я вспоминаю,* – отозвалась тень храмовника, понимая, что говорят про него. Внешне это выглядело, словно размытые очертания руки потирают размытый лоб, – *Но ты права, спирт. Привычки остаются с нами даже после... Там. Здесь... Как посмотреть.*

Размытая рука указала на надгробие в дальнем углу.

– *Туда. Магистр, что назывался бы Великим, если бы его деяния дошли до потомков. Но он настоял. Скромность подчёркивает истинное величие... За мной, я провожу.*

Мислеги снова ощутила кратковременную тревогу интуита, увидевшего, что точка, с которой они смотрят на памятные камни, движется вместе с тенью, а тела при этом остаются на месте. Это было не движение, нет, скорее – *приближение*, другого слова не подобрать.

По мере того, как камень становился всё ближе, Чёрная всё отчётливее понимала – энергетика из него ушла вместе с тенью хозяина. За тем магистром, чьё имя можно бы и прочитать потом, когда вернётся нормальное, человеческое зрение, как раз *пришли*. И потребовался бы другой, совсем другой ритуал, на который нужно время – а в Храме скоро приготовления к ужину, и на них придётся быть.

– *Прочь,* – словно шёпот, донёсшийся отовсюду сразу, – *Отправляйся обратно в покой, храмовник, отправляйся, не пришло ещё ваше время.*

Энергетика вокруг словно колыхнулась, и вот теперь Лилмел боролся уже со страхом, что всё-таки пришёл. А вот Мислеги, наоборот, скрывала радость. Явился тот, кого она как раз и хотела позвать. Именно «позвать», а не «вызвать» – над Высшими Спиритами она, живой человек, не властна. Они приходят тогда, когда сами захотят. Или... Если их вынудить к этому.

Тень храмовника исчезла.

– *Я храню это место, как и много других,* – снова шёпот без источника, со всех сторон сразу, слабый, еле различимый, отдающийся эхом отовсюду, словно заговорила сама скала вокруг, – *Не тревожь здешний покой, Ниан.*

– *Быстро же ты явился,* – ответила она, – *Я думала, потребуются большие усилий.*

– *Наглая. Своенравная. Девчонка. Ты хоть осознаешь, во что ты вмешиваешься?*

– *Покажись, я очень хочу осознать.*

– *Напугаю твоего спутника*, – снова шёпот со всех сторон, отовсюду, куда ни глянь. Хотя это, последнее, выражение как раз тут неприменимо, взгляд в Поле словно исходит во все стороны сразу, и не определишь, откуда шепчут: – *Остановись, в моей власти остановить тебя силой.*

– *Я читала о сильных спиритах, способных бороться даже с вами, Высшие... В какой же книге это было? Ммм... В «Тайном Знании»? Там постулируется о том, что вы не можете причинять вред напрямую.*

– *Могу через твоего спутника...* – и Лилмел, показалось Мислеги, при этих словах едва не схватился за несуществующее в этой реальности оружие, – *Но я ждал тебя.*

– *А я очень надеялась, что ждёшь. Я пришла за ответами. И не успокоюсь, пока их не получу. Кто посмел тронуть блокнот?*

– *Я.*

– *С чего бы, м?*

– *По просьбе Мирралда.*

– *Где он сам?*

– *Он мёртв. Ты же сама убила его, разве нет?*

– *И ты выполнял его последнюю волю?*

– *Да.*

– *Лжёшь. Где он?*

– *Зачем не лгать?*

– *Потому что у меня такое чувство, что мной манипулируют, а я этого очень не люблю.*

– *Все люди не любят. И не прощают, как правило, если – и когда – им становится известно, что их используют.*

– *Ты не ответил. А вот у меня ответов много: потому, что тебе приказали, например.*

– *Наглая. Своенравная. Но умная, – признал шепот, – Нравится мой облик?*

Мирралд стоял прямо перед ней – если понятие «прямо перед» тут уместно, потому как не существовало здесь понятий «зад» и «перед». Просто – близко, очень близко, и в мельчайших деталях можно было разглядеть детали того строгого делового костюма, в котором любимый был в последний их день.

– *Очень, – признала Мислеги, – До мельчайших деталей, надо же... Мирралда – забрали, так?*

– *Считай, что так. Он очень хотел встречи с Иали.*

– *Её зовут не Иали.*

– *Но ты же её так зовёшь, – перебил Мирралд. Хотя, конечно, никакой не Мирралд на самом деле.*

– *Пока не узнаю, какое имя точнее, – возразила Мислеги.*

– *Для чего тебе Слепая Госпожа?*

– *Ответы. Ты же не можешь их дать.*

– *Умная, но упрямая. Дневники Ленасси Трельфа в Сименельском Соборе, в закрытой библиотеке Епископата.*

– *Копии?*

– *Копий нет. Но есть две его части, что клирики не нашли.*

– *А сколько всего?*

– *Четыре. Но тех двух, что посоветовал тебе найти Мирралд, достаточно, чтобы ты поняла.*

– *Поняла что? – Мислеги с обвинением в наглости и упрямстве, кажется, внутренне согласилась.*

– *У меня нет ответа, – Мирралд исчез, и снова этот шёпот отовсюду сразу: – Я могу сказать лишь то, что могу.*

– Из-за моего спутника?

– Лилмел Юньядо всё равно не поймёт, о чём мы говорим сейчас. И не спрашивай, почему.

– Хорошо. Иали знает?

– Иали знает всё. Но вряд ли станет с тобой говорить. Можешь попытаться сама. Сделать то, чего не смогли все Ордена Церкви, вместе взятые. В Жингконе есть остров, названный в честь Богини. Найди там её храм. Возможно, она скажет, где искать дневники. Если нет... Ты готова посвятить жизнь поиску ответов?

– Посмотрим, – сказала Ниан, и вновь: содрогание энергетики, сказавшее ей, что Высший Спирит исчез.

А, стало быть, большего она не добьётся.

Я вижу. Я снова вижу... Я снова вижу, как человек! – говорит Чёрная сама себе с убеждением, и, открывая глаза, постепенно возвращается в реальность.

Лилмел, отпуская её ладонь, стоит рядом, часто моргая от дневного света.

– А ты хорошо держался, – сказала ему Мислеги.

– Что. Это. Было?

Поторопилась. Кажется, интуит ещё не пришёл в себя.

– Высший Спирит. Существо из мира тонкой энергетики. В прошлом, возможно, человек. О них очень мало известно.

– Какая-то очень сильная... Тень?

– Помоги-ка мне лучше, такое тут оставлять нельзя, – сказала Ниан, принимаясь стирать следы начерченного на земле Знака. Белый стал помогать, борясь с неприятным ощущением от соприкосновения с остаточной энергетикой, враждебной ему.

Чтобы отвлечь Лилмела от этого, Мислеги продолжала пояснять:

– Нет, не Тень. Что-то большее. Тени – суть формации энергетики. Эти же... Не сущности, нечто иное. Трельф, о котором мы говорили, помогал одному учёному из Святых Орден, Инвару Телли. Так вот, Инвар предположил, что Высшие Спириты есть порождения самой энергетики, как вторичные образования. Те разумные сущности, что обитают там, в той реальности, каким-то образом породили вот такое вот общее целое.

– Вроде коллективного бессознательного?

– Нечто вроде. Но коллективное бессознательное хорошо изучено, даже найдены те частоты мозга, на котором подсознание разных людей держит связь. Это же... скорее, коллективное над-сознательное, его персонификация, воплощение. Не знаю. Это – мистицизм, я его почти не изучала. Высшим подвластны тени и другие сущности. Когда он говорил, что может причинить мне вред через тебя, это было правдой.

– И он смог бы? – спросил интуит, когда они, закончив, двинулись прочь с кладбища.

– Если бы захотел – то, конечно, да. Но я была уверена, что он не захочет. Блокнот, о котором мы говорили. Кто-то очень хотел, чтоб я его нашла, и уж конечно этот «кто-то» догадывался, что я могу прийти с вопросами. А к кому было идти?

– Он тебя ждал, – сделал утвердительный жест Лилмел.

– Да. Кто-то, или что-то словно подталкивает меня искать ответы.

– А ты сама? – пристально посмотрел на шагавшую рядом Чёрную интуит, но, как всегда, вместо лица – только пряди чёрных волос, упавших с виска.

– Смотря, какова их цена. Жизнь посвящать этому я пока не готова.

Лилмел помолчал, призадумавшись.

– После всего, что я видел... Ты уверена, что тебе нужно одной в Архипелаг?

– Уверена. И ты должен понять, особенно после всего, что ты видел.

– Ты мне для этого всё это показала?

– Не только для этого, Лилмел. Ты всё воспринимаешь меня как Падшую, которая, попав в Храм, должна стать похожей на вас. Или твою бывшую, которая была, кстати, хоть и Падшей, но Белой. Понял теперь?

Интуита аж передёрнуло.

– До конца жизни не забуду... Вы всегда так?

– Что?

– Словно умираете? Чувство было, словно ты и вправду...

– Поверил? – теперь уже она смотрела на него, словно проверяя степень искренности ответа.

– Не то, чтобы... Но по ощущениям – да, если б не предупредила, поверил бы.

– Так как её звали, Лилмел?

Он понял, о ком речь.

– Итерис, – сказал интуит, – Её зовут Итерис, или просто Ита. Оставалось каких-то три недели... И она стала бы Итерис Юньядо.

– А мы вот таких далеко идущих планов не строили. У нас всё было проще. Мы хотели... *перестать*.

И здесь Мислеги, сохранявшая самообладание весь этот, напоминавший о былой боли, день, не сдержалась.

Интуит, глядя в её влажные от слёз глаза, остановился и молча обнял девушку.

– Глупец я, – сказал он, чувствуя, что та готова разрыдаться, – Ты ведь простишь меня?

Он, как никто другой, понял, *что* для Ниан означало это слово – «перестать».

Глава 14

*Восточное Море,
к северу от острова Тихуес,
три лейсами позже.*

Сто десять гаустов в лейс – это, по прикидкам Дементьева, выходило порядка ста шестидесяти, или, даже, ста семидесяти километров в час. Скорость для более плотной, нежели земная, атмосферы более чем приличная. Курьерские корабли, лёгкие пассажирские транспортники ходили на ней только в нейтральных водах, потому как инерция набиралась ощутимая, почти не сманеврируешь в случае чего. Боевые корабли такую скорость развивали редко, вернее, почти никогда не развивали, хотя и могли. Мощность их турбин всегда учитывалась с запасом, чтобы даже в случае выхода одной турбины из строя в бою корабль мог сохранить боевую скорость, не выпасть из строя эскадры. А заодно – чтоб в случае необходимости либо быстро скрыться самому, либо догнать пытающегося уйти противника. Мейлиш припомнил всего пару случаев, чтоб дальние переходы совершались в таком вот режиме погони. Тормозные двигатели придётся включать заблаговременно – крейсер, который на самом полном ходу несётся почти по прямой навстречу торпедоносцу, наверняка станет лёгкой мишенью для торпед.

Радар цель пока не видел, но до неё оставалось не так уж и много – четверть лейса может быть, тщательно следящие за ней перехватчики «Корнод-с1» с базы охраны побережья через небольшие периоды времени сообщали Терену высоту, курс, скорость и местоположение цели. Мейлиш, поглядывая через плечо штурмана, уже не раз убеждался, что курс для перехвата рассчитан оптимально. «Пасгедас» придёт в намеченную точку как раз в то время, когда на дистанции радарной видимости в ней покажется тройка кораблей противника.

Столь же браво, как и «Пасгедас», впереди, подгоняемый попутным южным ветром, шёл миноносец «Менагано». На палубах никого не видно – встречный поток воздуха попросту мог свалить людей с ног, поэтому на такой скорости выход на палубы был строго запрещён. Эсминец вступит в бой последним, лишённый ракет для стрельбы на большие дистанции, при первом залпе он будет бесполезен. Стрелять будут «Пасгедас» и идущий позади него «Дэсино» – тот как раз такие ракеты и нёс в качестве основного оружия. Зато когда дойдёт до ближнего боя, фрегат станет почти беспомощен – неся ракеты, он был лишён автоматических миномётов.

Лучшего оружия, когда нужно было накрыть разом приличную площадь, попросту не существовало. Миномёты эти одинаково хорошо годились и против кораблей, и против наземных целей. И при этом неважно, стоит ли наземная цель на открытой местности или прячется за складками рельефа – мины летели по довольно крутой траектории, почти вертикальной в конце своего полёта, так что никакие укрытия от них не спасали. Правда, они имели существенный недостаток – небольшую дальность боя. Поэтому «Менагано» и держится впереди – миноносцу как раз предстоит ввязаться в бой в момент сближения с противником, усилив минным огнём ударную мощь крейсера.

В этом и была разница между тремя кораблями – помимо основных орудий фрегат нёс ракеты, миноносец – миномёты, а крейсер – авиацию. Запас ракет – как у фрегата, количество стволов главного калибра – как у двух сопровождающих кораблей, вместе взятых. Всей этой мощью требовалось распорядиться с большим умом и тонким расчётом. Бывали случаи в прошлую войну, когда даже имея двукратное превосходство, умудрялись проиграть из-за того, что ошибся командир.

«И не только крейсера, но и целого соединения кораблей», – подумал Мейлиш, беря бинокль и глядяваясь вперёд и чуть правее курса, туда, где, по его расчётам, должен был показаться противник.

Память не подводила, и почти сразу выдала нужные фамилии – командира «Менагано» звали Виекоро, командира «Дэсино» – Иваги, имён Мейлиш никогда и не знал, а вот звания и вспоминать не нужно было – чтобы получить в подчинение фрегат или эсминец, нужно быть в звании дарсад как минимум. Но те стояли на ступеньку выше, и каждый мог при случае занять место старшего помощника «Пасгедаса». Можно, конечно, и быть геирсеем и командовать кораблями такого класса – но это было редкостью, и случай сейчас был не тот.

Фамилии пригодятся потом, в горячке боя, когда не будет времени отдавать приказы кораблям соединения через радистов и придётся разговаривать с командирами фрегата и эсминца напрямую. Мейлиш уже примерно набросал в уме план предстоящей битвы – его кораблям не обязательно именно уничтожить противника. Достаточно просто повредить их настолько сильно, чтобы сделать небоеспособными и заставить убраться восвояси. Но главное – не дать им пройти, не дать прорваться. В этом и заключался основной замысел: цель движется на северо-запад, а «Пасгедас» с сопровождением подойдут на дистанцию выстрела с юга. Для обстрела останется открытыми борт противника и – частично – его корма, и для ответного выстрела врагу придётся разворачиваться. А за это время соединение успеет сбросить скорость до боевой и использовать своё преимущество в огневой мощи. Одновременный выстрел носовыми орудиями кораблей поднял бы в воздух шестнадцать снарядов. Восемь выпустили бы носовые блоки орудий «Пасгедаса» – по четыре каждый. Ещё восемь – эсминец и фрегат, вместе взятые. А если и после этого торпедоносец уцелеет и пойдёт на сближение – то тогда заградительный непрерывный огонь миномётов с «Менагано» пустит их на грунт.

Главным было не подпустить торпедоносец близко. Торпеда – плавучий цилиндр с двигателем и приличным зарядом, могла запросто сбить крейсер. Но из-за своей массивности и невысокой по сравнению с ракетами скорости она была довольно удобной мишенью, расстрелять которую из пулемётов противовоздушной обороны было бы нетрудно. Разумеется, если она находилась достаточно далеко, и времени на прицеливание хватило бы. Выстрел же торпедой в упор – почти всегда смертелен.

Мейлиш предусмотрел и другой вариант – противник не станет разворачиваться и не примет боя, постарается уйти. Тогда соединение Селлестийских кораблей тоже скорость снижать не станет и попросту повиснет у врага на хвосте, стараясь достать его снарядами. И – рано или поздно – достанет.

Оставался и ещё один козырь в рукаве – палубная авиация. От неё противник, насколько бы быстрыми ни были его корабли, не скроется – авиалёты всё равно летят быстрее.

Мейлишу ни капли не было страшно. Да, противник будет стрелять в ответ. Да, может и попасть по рубке. Но это сейчас казалось маловероятным, почти невозможным. Командира крейсера наполняло чувство, словно он – неуязвим, а его корабли – непобедимы. Единственное, что может случиться – торпедоносец подойдёт на дистанцию выстрела торпеды, но он, Мейлиш, и это учёл. И потому случиться подобному ну никак не позволит. Пусть только сунутся поближе.

– «Корноды» с берега, которые следили за целью, уходят на базу, – сообщил радист, – Передали, что у них топлива осталось только на возвращение и сообщили, что мы вот-вот должны увидеть цель к северо-западу от себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.